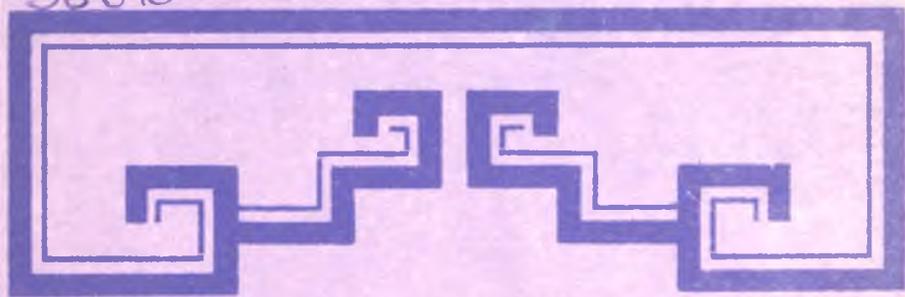

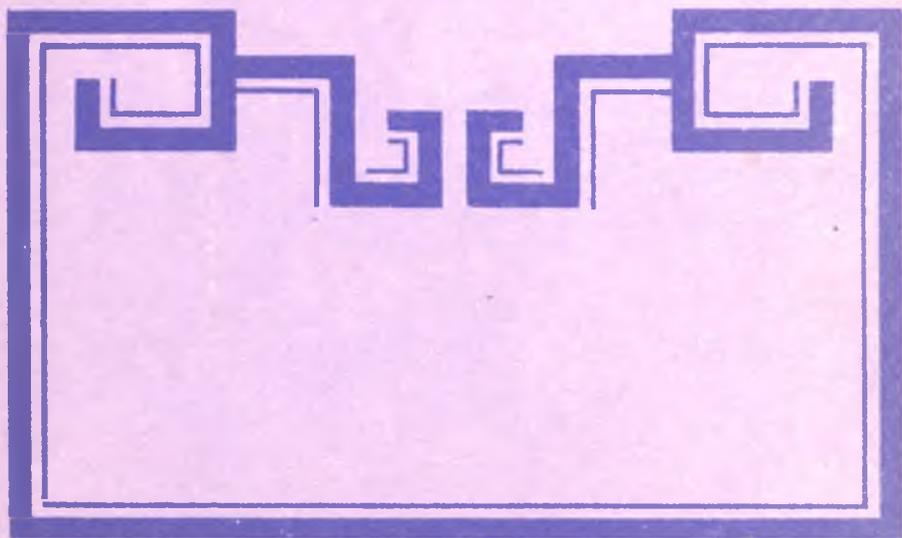
4c(64p)

и 885

-38640-

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СИНТАКСИСУ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

УФ Бур + УИ (Монг) + УИВ

УИВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СИНТАКСИСУ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

38640-
Ж

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Калмыцкого института общественных
наук АН СССР

Рецензенты

канд. филол. наук Д. М. Насилов
д-р филол. наук У.-Ж.Ш. Дондуков
канд. филол. наук Г. А. Дырхеева

Редакционная коллегия

д-р филол. наук В. И. Рассадин (отв. редактор)
канд. филол. наук Д. Д. Санжина
канд. филол. наук Г. С. Дугарова

И 689 Исследования по синтаксису монгольских языков. - Улан-
Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1990. - 164 с.

Сборник включает статьи по малоизученным проблемам синтаксического строя основных монгольских языков: бурятского, калмыцкого и собственно монгольского. Рассмотрены особенности синтаксиса литературных произведений различных жанров, синтаксические конструкции для выражения модальности, сопоставительные аспекты синтаксических конструкций бурятского с иноструктурными языками.

Книга рассчитана на лингвистов-монголоведов, занимающихся синтаксисом, преподавателей вузов и школ.

И 70101-198
042(02)5-90

43-90

© Бурятский научный центр СО АН СССР,
1990

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Ч. ЦЫДЕНДАМБАЕВА

Чимит-Доржи Цыдендамбаев (более известен как Чимит Цыдендамбаев) родился в 1918 г. в живописном улусе Тарбагатай Заиграевского аймака. Умер в 1978 году. Поэтическая одаренность Ч. Цыдендамбаева проявилась рано. Он начал писать свои первые стихи еще будучи учеником Кижингинской семилетней школы в 1934-1935 гг. Его стихи печатались в стенной газете "Зүрхэнэй дуун" (Песни сердца), которая продолжает выпускаться и поныне. Впервые его стихи начали печататься в газете "Буряад-Монголой үнэн" с 1937 г. В этот период Ч. Цыдендамбаев переезжает в Улан-Удэ, где поступает на работу в радиокомитет, а затем - в редакцию газеты "Буряад-Монголой үнэн".

Первый сборник его стихов "Эхэ оронойм үдэрнүүд" (Дни моей родины) увидел свет в 1940 г. Он был тепло принят читателями, так как поэт искренне и взволнованно воспевал трудовые успехи своего народа, безграничную преданность родине и большевистской партии. Его поэтический голос звучал свежо и проникновенно. В этом сборнике было помещено одно из замечательных стихотворений Ч. Цыдендамбаева "Сэсэгхэн" (Цветок). Это стихотворение основано на закономерном чередовании долгих и кратких слогов, написано силлабо-метрическим способом, что свидетельствовало о творческих поисках поэта, стремлении найти новые формы выражения дум и мыслей человека, желании отойти от традиционных силлабических форм улигерного стиха. Стихотворение очень музыкально и поэтично.

В стихи, которые написаны в традиционной форме, применяя аллитерацию, поэт пытается внести свое, меняет количество слов в строке, что делает стихотворение более динамичным, интонационно энергичным. В частности, чередование двухсловных строк

с трехсловными повышает роль паузы, делает стих более выразительным.

В годы Великой Отечественной войны молодой поэт выпустил сборник стихов "Илалтын замаар" (Дорогой победы, 1943) и поэму "Гвардеец". (1945), где он воспевает всенародный патриотизм и героизм, вызванный защитой родины. Если в довоенных стихах поэта больше звучали гражданские мотивы - патриотизм, прославление героев поляса, то в творчестве военных лет преобладают лирические стихи. В изданном в 1943 г. сборнике стихов "Илалтын замаар" (По пути победы) помещены такие лирические стихи, как "Геройн эхэ" (Мать героя), "Эсэгэ" (Отец), "Бусажа ерэтэршни хүлээхэб" (Буду ждать тебя до возвращения), "Фронтын улгын дуун" (Фронтальная колыбельная песня). В стихотворении "Геройн эхэ" (Мать героя) рассказывается о переживаниях матери в связи с гибелью сына. В нем есть горестные интонации, в выражении которых особую роль играют прошедшее причастие и частица хэн:

Удэр бури хүлээгдээн,
Углөө бури дурдуульан,
Эмгэн буурал эхын
Эгээл ганса хубуун хэн.

Был он единственным сыном
Седой старой матери.
Ждала она его каждый день,
Вспоминала о нем каждое утро.

"Алагдашоо" гэжэ бэшэгдээн
Аюулта хүндэ энэ үгэдэ
Эхын зүрхэн яабашье
Этигэжэ шадахагүй байгаа хэн.

Сердце материнское поверить
Не могло никак
Страшному, тяжкому слову:
"Убит"*.

Также использованы писателем отрицательные глагольные формы для передачи мыслей и чувств печальной и тоскующей матери:

Үндэр улаан сэрлэе
Үтэлхэ сагтаа зарахагүйб.
Гайхан хүүгэн ашые
Галга гартаа барихагүйб.

Не будет мне помощницей на старости
Краснощечкая статная невестка.
Не буду держать я в руках трясучих
Малого милого внучонка.

Автор мастерски создает сверхфразовое синтаксическое единство, в котором предложения объединены единой интонацией, определительными оборотами, причастиями прошедшего времени в стра-

* Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи.

дательном залоге и другими глагольными формами. Здесь ощущаются интонации народных песен, в частности песни о Шэлдэй Занги. Этим объясняются прочувственность, психологическая глубина его стихов. Но в отличие от песен у поэта есть переход ко второй части — это горестный и горький монолог матери в связи со смертью сына. В то же время вера в победу, высшие интересы родины — пафос этого стихотворения.

В стихах Ч. Цыдендамбаева военных лет выражена непоколебимая уверенность в победе над врагом. В поэме "Гвардеец" Ч. Цыдендамбаев рассказывает о фронтовой жизни воинов разных национальностей, о том, как воины ходят в разведку и как крепкая дружба людей разных национальностей помогает им выстоять. Наряду с этим показаны жизнь и труд колхозников. По мнению исследователя бурятской поэзии военных лет И.А. Кима, описание фронтовой жизни менее удалось поэту, чем рассказ о жизни колхозного улуса¹. По И.А. Киму, поэма в языковом отношении страдает многословием. И.А. Ким пишет: "Она растянута за счет ненагруженных или малонагруженных в смысловом отношении слов и выражений. Кроме того, ее длинные строки, из 12-16 слогов, напоминающие тринадцатисложные силлабические стихи, звучат несколько тяжеловесно, однообразно. Создается впечатление, что поэт, выбрав строки такого размера, старается поневоле наполнить их словами"².

Однако удачной находкой Ч. Цыдендамбаева является то, что он, раскрывая мысли, переживания и поступки героев, предметное содержание изобразительных средств черпает из обыденной жизни героя, из его труда. Поэт так описывает впечатление неграмотного Абиды от внешнего вида письма, которое он получил от сына-фронтовика:

Хонгор талын саһан дээгүүр байгааша,
Хони малай мурнууд шэнги барсайлдана.
Запестрели, как следы овец, коров,
Что пасутся на снегу в родной степи.

(Перевод И.А. Кима)

В 1948 г. Ч. Цыдендамбаев выпустил сборник стихов "Утро", в котором преобладает военная тематика. В 1950 г. выходит сборник стихов "У нас в Тарбагатае", в 1954 г. — поэма "Соном Гармаев", посвященная очень актуальной тогда в бурятской литературе теме о рабочем классе.

В послевоенные годы Ч. Цыдендамбаев приступает к созданию крупных прозаических произведений, в частности, пишет исторический роман о первом бурятском ученом Д. Банзарове. В 1948 г. Ч. Цыдендамбаев выпустил повесть "Банзаровой лагбан" (Чернильница Банзарова), в 1953 г. - роман "Банзарай хубуун Доржо" (Доржи, сын Банзара), в 1959 г. - роман "Турэл нутагнаа холо" (Вдали от родных степей). В последующие годы писатель работает над третьей книгой о Доржи Банзарове. Все эти произведения о судьбе первого бурятского ученого, над которыми писатель трудился около двадцати лет, составили эпопею-трилогию.

В романе "Банзарай хубуун Доржо" (Доржи, сын Банзара) писатель рассказывает о детских и юношеских годах ученого. Доржи показан любознательным, бойким мальчиком, жадно впитывающим впечатления окружающей жизни. автор стремится подчеркнуть, что Доржи еще с детства отличался большим интересом к духовной жизни народа, в частности к улигерам. Доржи показан не сверходаренным феноменом, а обыкновенным бурятским мальчиком, который и внешне ничем особым не отличался от своих сверстников. Но автор часто отмечает его природный оптимизм, здоровое светлое восприятие мира и умный озорной блеск его глаз: "Доржын сэлмэгхэн шарай зол баяраар гэрэлтэнэ. Мяхалиг хасарнууднь ягаа улаанууд. Хубуун тунгалаг хара ошо дэлгэжэ байһандал харагдадаг хурса харасатай: тоомгүй зээрэгхэн нүдэднь ходо ходо энеэбхилнэ. Зузаахан уралай саанааа сайбалзаан, багахан забһартай жэжэхэн шүдэднь, дэрэгэрхэн шэхэднь, морхогор хөөрхэн хамарнь хубуунэй шарайе улам урихан, улам өөрэхэн болгоно. Уни уйтадан хара боро самсын хамсы охорхонууд, хүхэ үмдэнэйн үбдэгэй соорхойнуудаар хурин улаан мяханинь бултайна". - Ясное личико Доржи светится счастьем. Мясистые щеки румяны. У мальчика острый взгляд: как будто они источают прозрачные черные искринки. Озорные, быстрые глаза все время улыбаются. Белеющие за толстенькими губами маленькие зубы с небольшими щелочками, немного оттопыривающиеся уши, милый с горбинкой носик делают лицо мальчика еще более привлекательным, живым. Рукава темно-серой, давно ставшей ему тесной рубашки короткие, из-за прорех на коленях темных штанишек выглядывает красно-коричневое его тело. Такие детали внешности юного Банзарова, как тоомгүй зээрэгхэн нүдэднь - озорные быстрые глаза, багахан забһартай жэжэхэн

шүдэднй - маленькие зубы с небольшими щелочками, дэрэгэрхэн шэхэднй - немного оттопыривающиеся уши, делают образ юноши жизненно достоверным, наглядно представляемым.

Б то же время этот отрывок даст представление о наиболее излюбленных автором синтаксических конструкциях, средней длине и сложности фразы. Для синтаксиса прозы Ч. Цыдендамбаева типичны преимущественно простые предложения, в которых употребляется много развернутых определений. В конце предложения из глаголов предпочитаются формы изъявительного наклонения. Употребление этих форм создает иллюзию, что автор как бы постоянно находится при своем герое, незримо следит за его действиями и поступками и рассказывает о них. Регулярное повторение изъявительных форм с суффиксами -на, -ба, особенно формы настоящего времени, создает весьма динамичный, в то же время плавный ритм повествования. Основу ритма Ч. Цыдендамбаева составляют глагольные сказуемые.

Романтический склад натуры Доржи, его способность к живому воображению, полет его мечты показаны через восприятие им улигера, который рассказывает улигершин Борхонск: "Ульгэрэй үнэншэмэ Һаруул дэлхэй Доржые гэнтэ тойрошоно. Ухинхэн ахайнь хуушан эшэги гэр хадаа "ордон сагаан" үргөө боложо, шын үншэхэн зээрдэ үрез хадаа газарта хүрэмэ дэлхэтэй, ган булад туруутай Эдир Шулуун баатарай эмниг шарга морин болошобо. Доржо өөрөө хүсэтэ баатар болошоод нууба. "Далан табан тобшотой дар торгон дэгэлэй" бээдэнь арайл угы байгааша харамтай. Хирэтэй боро самсаяа харана. "Грэн тэхын эбэрээр элэн байжа бүтээээн" номо асараад, хэн нэгэн Доржодо үгээй даа". - Доржи вдруг оказывается в светлом, правдоподобном мире улигеров. Старенькая юрта Ухинхэн-ахая становится "белоснежным дворцом", гнедой лончак-сиротка эши превращается в ретивого солового скакуна Эдир-Шулун-батара с гривой до земли, с твердыми, как сталь, копытами. Сам Доржи сидит, превратившись в могучего богатыря. Только жаль, что на нем нет "шубы из узорчатого шелка, с семидесятью пятью пуговицами". Доржи смотрит на свою серую нечистую рубашку. Хоть бы кто-нибудь принес и отдал Доржи лук, искусно изготовленный из "рогов девяноста козлов". Здесь противопоставляется воображаемое и действительное, в данном случае прекрасный мир улигерных образов и окружающей Доржи действительности. Этим приемом про-

тивопоставления, который очень характерен стилистике Ч. Цыдендамбаева, показывается, с одной стороны, романтическая устремленность Доржи, и, с другой, неприглядность того действительного мира, в котором он живет. "Хун дубуунай дали шэнги, торгон сагаан нахалаар ургэн үбсүүтээ хушаан, үндэр томо үбгэнийн нуунингөө эрхим зүүдэнүүдтэ харадагшье байгаал." - Ведь в своих лучших снах он видел высокого статного старика, широкою грудь которого покрывала шелковисто-белая, как крыло лебедя, борода. Но суровая действительность опрокидывает его прекрасные представления: "Доржын хуршындоо хурэжэ ерэхэдэ, гэрэйн урдахи үнгэгдээн ногоон дээрэ, сагаан эшэгын тэг дунда... нэгэ үбгэхэн нууна... Боро нармайхан дэгэлтэй тэрэ үбгэн яан шурбээн хоёр болошоюн бишыхан гараараа шэнгэхэн хүхэ нахалаа эльбэнэ... Борхоног энэ гээшэ гү? Доржо урмаа хухаран гайхана". - Когда же Доржи пришел к соседям, на измятой траве перед юртой, в середине белого войлока..., сидел старичок... Этот старик в сереньком сафьяновом дэгэле гладил своей, превратившейся в кости и сухожилья, маленькой рукой сивую жиденькую бороденку... Разве это Борхонок? Доржи с удивлением, разочарованно смотрел на него.

В языке писателя наблюдаются некоторые шероховатости, неточное употребление слов, которые невольно снижают впечатление от созданного образа. В предложении: "Мяхалиг хасарнууднь ягаа улаанууд". - Мясистые щеки его румяны, слово мяхалиг - мясистый грубовато своим натуралистическим оттенком и не совсем подходит к данному контексту, в котором воссоздается чистый юношеский облик будущего ученого. Лучше бы автору использовать такие образительно-ласкательные слова, применяемые в народной речи к детям, как сулсагархан хөөрхэн, булсагархан, булхагархан.

В описаниях внешности Доржи и его духовного мира автор, хотя и пользуется сочным и выразительным языком, но часто злоупотребляет новейшими явлениями литературного языка, появившимися в советский период главным образом под влиянием переводов с русского языка. Очень часто он применяет формы множественного числа там, где они обычно не употребляются: хасарнууднь - щеки, нюдэднь - глаза, шүдэднь - зубы, шэхэднь - уши, үбдэгүүд - колени (это только в одном абзаце); үэнүүдэйн үзүүртэ - в корнях волос, үмдэнын үбдэгүүдэй соорхойнуудаар - че-

рез прорехи на коленях; в смежных предложениях злоупотребляет местоимениями эдэ, тэдэ: "доржо эдэниие удэр бүри харадаг". доржи видит их (т.е. женщин) каждый день; формами винительного падежа: "Эхээ шангаар тэбээрэд, урин найхан нюдэдыень, ... хамарьень, магнайень, манцагвонь энхэрэн тааланайб". - Мне бы крепко обнять мать и ласково целовать ее прекрасные глаза, ... нос, лоб, виски; формами орудного падежа: "Энеэдээрнь, ханядаарнь, эшхэрээгээрнь танидаг". - Узнает его по его смеху, кашлю, свисту; формами родительного падежа: "Уранхай сабуунай, нойтон зомгооной, модондой дабирхайн үнэр". - Запах горелого клея, сырых щепок, древесного дегтя; "Эхэнэрнууд үе үе сэдхэлэй хульбэрмэ уйтай хүндэ дуунуудые, түрэ хуримай дуунуудые, басага хүргэлгэнэй, духарья барилганай, худа худагын дуунуудые ханхинаса татабад". - Женщины пели временами тяжелые, печальные, хватающие за душу песни, пели звонкие свадебные песни проводов девушки, застольные песни сватов и сватьев.

В романе описана жизнь бурятской степи столетней давности. И казалось бы, автор должен был писать несколько архаичным, стилизованным языком, воссоздавая колорит, атмосферу, дыхание того времени. Между тем многочисленные калькированные морфологические показатели, конструкции синтаксических сочетаний и предложений, ассоциируясь с переводческим или публицистическим стилем, невольно снижают впечатление. Х. Намсараев и другие лучшие бурятские писатели, изображая дореволюционную бурятскую жизнь, не прибегают к подобным формам и конструкциям, хотя они и встречаются в их произведениях при описании современной жизни.

Однако допускаемые писателем в речах персонажей или авторской речи неправильности в формах слов и построении фразы, казалось, должны нести какую-то функциональную нагрузку, характеризовать культурный, социальный облик человека, его душевное состояние, т.е. допускаться автором сознательно. Но этого в данном случае нет. Все эти "нарушения" свидетельствуют лишь о несовершенстве стилистической манеры отдельных описаний.

Для характеристики усложненной речевой манеры ученых, выступающих на обсуждении диссертации (роман "Бдали от родных степей"), по-видимому, можно допустить выражения, копирующие строй русских словосочетаний и предложений, семантическую

структуру иноязычных слов; в речи ректора Н.И. Лобачевского - зохоёл сэгнэхэ - оценить сочинение, энэ хадаа энээнхээ урда тээ хэнээршье бэшэгдээгүй темэ - это является темой, никем не разработанной (букв. написанной) до этого, Банзаровой урдахи бэрхэшээлнүүд айхабтар ехэ байгаа - трудности перед Банзаровым были очень большие; в речи Осипа Михайловича Ковалевского - танай үндэр эрмэлзэлгэдэ би заахашье нэжэгтэй бэшэб - у меня нет ни малейшего сомнения относительно высоких ваших устремлений.

Но подобными калькированными выражениями пересыпана и авторская речь в романе "Вдали от родных степей", а также речи родноязычных персонажей. В авторской речи: "Байһан байдалдаа яабашье ханахагүй, ходол гомдол муулар боложол байдаг заримад шубуудайшье булэ соо бии". - И в семье птиц есть некоторые, всегда недовольные своим положением, постоянно выражающие жалобу и обиду; "шүлэг хэлэжэ, сагнаа урид уйлуулаа хадаа доржо буришье аягүй юмэньээ нэргылэн абараа". - Рассказав стихотворение, доржи заставил преждевременно заплакать, тем самым предупредил еще более неприятное и спас ее. Такие кальки, дословные переводы русских выражений, снижают художественную ценность романа, ибо такая речь местами напоминает тяжеловесный переводческий язык.

В романе "доржи, сын Банзара" улигершина Борхонока автор заставляет обращаться к своим слушателям-детям с такими словами: - Зай, ашанар... - Ну, внучата! Раньше старики могли так обратиться только к своим внукам, а тут сидели дети всего улу-са. В авторской речи злоупотребляет словом эрэшуул - мужчины: тэндэ байгшад соо наһажаал эрэшуул гэхэдэ - среди присутствующих были такие пожилые мужчины; эрэшуулэй сугларһан газарта - там, где собираются мужчины. Между тем слово эрэшуул активизировалось лишь в советское время в связи с необходимостью дифференцировать, например в спорте, мужчин и юношей: эдиршуул - юноши, эрэшуул - мужчины.

В стиле исторических романов Ч. Цыдендамбаева заметен подход с точки зрения современных оценок людей и современных идеалов: "Борхоног ульгэртөө арадай тулөө тэмсээн баатар тухайда дуулана". - Борхонок пел в своем улигере о баторе, боровшемся за народ. Но в улигерах, как известно, герои борются за личное счастье и своих близких. Персонажам приписывается

классовый подход к явлениям повседневной жизни: "Эрэшуул хамтархадаа, ... ган гасуур, зуд туранха, унал боомо тухай болон хэнэй хэндээ юу уритэйе, ... үнөөтэйе... хөөрэлдэдэг, мун баа харанхы алба татары хэдэг табангууд, цонгоол отогуудай шуулингэ зайнадые занан хараадаг, зайнанай Тэгшын шуран мэхэтэйе, ... наймнуруу билдуушые, ... харуу хэнтэгые шоо үзэжэ, шобто харадаг." - Когда собираются мужчины, они говорят о засухе, джуге, чуме и сибирской язве, о том, кто кому что должен, ... с кем враждует, говорят и об обмане, а также высказывают угрозы шуленгам и зайсанам табангутского и цонгольского родов за темные поборы, ругают на чем свет стоит зайсановского Тэкши за его ловкачество, ... лстивость, ... скупость.

Бедные люди улуса отличаются чувством собственного достоинства. Нет в них заботности, покорности. Не унижаются они перед богатыми. Бедняк или Жамсуев сочиняет рассказы, в которых Шархансай и другие богачи улуса всегда оказываются в дураках. Такие рассказы охотно прослушиваются и быстро распространяются.

Для того чтобы показать богатое воображение юного Доржи, автор стремится обрисовать его восторженным юношей с поэтическим восприятием мира, поэтому иногда перегружает текст сравнениями, метафорами, сложными образами, что утяжеляет стиль, делает его витиеватым и высокопарным: "Бүруул будэхи мүшэдтэй сайбар хүхэ тэнгэрийе Доржо найхашаан шэртэнэ. Тоогүй олон эрдэни нубад угалза шэмэгтэй баатар мэргэнэй үнэтэ хубсаанаар Үшөөтэнь хушагдашоод байндал ха юм. Торгон тэрэ дэгэлэй энгэр дээрэ тобойжо байнан булад нануулын айхабтар томо нарын мүнгэн сахариг зуун урда малайна. Холын хадануудай хаяа дээгүүр ургэлжэ зурын уулзнууд баатарай хубсаанай халжу булган хүбөөе нануулна". - Доржи с упоением всматривается в светлосинее небо с тусклыми звездами. Кажется, что его Ичетуй накрыт драгоценным одеянием батора-мэргэна с бесчисленными жемчужными узорами-украшениями. Серебряное кольцо огромной луны, напоминающей выпуклый стальной круг на груди того шелкового дэгэла, блестит лсыной на юго-востоке. Сплошные облака, нависшие над краями далеких гор, напоминают соболью и выдровую оторочки одеяния батора.

Возможно, автор стремится придать романтичность, поэтичность образу Доржи под влиянием знаменитого "Абая" М. Ауэзова. Как и у одной из героинь М. Ауэзова, у матери Доржи звенят ук-

решения: "Мүнгэ шарагдаһан зэд гуугай үлгүүрэй жэнгирхэ дуулдаад, Доржын эхэ аарсатай оёорсог тэбэринхэй оробо". - Послышался звон цепочек посеребрянной медной ладанки, и вошла мать Доржи, держа в руках кадушку с арцой. Но изображение Доржи как поэтической натуры было бы, вероятно, оправдано, если бы он в будущем проявил себя как писатель, а не как ученый.

Речь улигершина Борхонока изобилует книжными выражениями: "Эһотой үльгэршэ гээшэ үльгэрье улам бүри уран найхан болгон мулжэ, баатар эрын багажа зэбсэг шэнгээр хурсаджажа ябадаг. Ши өөрөө үльгэр зохёожо нура. Тиихэдэ арал зон шамда дурлаха, үльгэрьешни шагнаха. Ой соо хашхархада, абяаниинь суурян болон дабтагша бэшэ гү? Үльгэр хадаа залхуу оюолнуудай зугаа бэшэ юм. Үльгэршэ хун хадаа дундаршагуй ехэ баялигай эзэн гээшэб гэжэ ханажа ябадаг юм". - Настоящий улигершин, все время совершенствуя улигер, делает его еще более художественно выразительным, оттачивает его как оружие батора. Ты сам научись сочинять улигеры. Тогда народ полюбит тебя, будет слушать твои улигеры. Ведь, когда кричишь в лесу, звук отзывается же эхом? Улигер - это не забава для ленивых и нерадивых. Улигершин всегда помнит, что он хозяин несметных богатств. Улигершин Борхонок говорит об улигерах так, как будто он вычитал эти выражения из современных статей об улигерах, опубликованных в газете или журнале.

Ч. Цыдендамбаев стремится показать речи и движения Борхонока как исполненные величия, медлительные и торжественные. С этой целью автор многократно повторяет слова аалихан - медленно, аргааханаар - тихо, однако величавого описания вдохновенного исполнения улигершина, как у Ц. ламцарано, у него не получается: ... Үльгэршэ далай хэлэгшэ нэн... - гэжэ аргааханаар дуугарба - ... улигершин далай говаривал... - тихо сказал он; тиигээд тон намдуу аалиханаар эхилбэ - затем он начал очень тихо и спокойно; хуурайнгаа хубшэргэе аалиханаар шударжа - тихонько вода смычком по струне; гурбадахи аяга сайгаа аалихан нуугаад уухадаа - тихонько выпив третью чашку чая.

Речевая характеристика остальных героев в достаточной степени индивидуализирована. Однако в речи персонажей часто слышатся интонации речи хоринцев. Между тем в романе изображаются жители родины д. Банзарова Ичетуя и других ближних улусов, но от их языка абсолютно ничего не используется.

Несмотря на отдельные недостатки в языке романов, Ч. Цыдендамбаев обладал своим индивидуальным стилем и богатым, сочным языком. Стилистическая манера и языковое богатство Ч. Цыдендамбаева наиболее полно и ярко проявились в его рассказах, высоко оцененных литературоведами³, и поэтических произведениях. На бурятском языке писателем изданы сборники рассказов: "Шэнэ байшан" (Новый дом, 1956), "Расказууд" (Рассказы, 1956), "Гурэл нютаг" (Родной улус, 1960), "Улаан сэсэг" (Красный цветок, 1964). На русском языке, в переводе М. Степанова, изданы книги рассказов: "Новый дом" (М., 1959), "Ливень в степи" (1962), "Бурятские узоры" (М., 1970).

Общепризнанный язык в творчестве отдельного писателя превращается в индивидуальный стиль. Этот стиль является результатом особого отбора средств общепризнанного языка, результатом умения автора "... на все налагать оригинальную, самобытную печать своей личности, своего духа"⁴. Материальными, вполне осязаемыми признаками индивидуального стиля прежде всего являются излюбленные конструкции словосочетаний и предложений, тип предложения, применяемые автором. Эти признаки в совокупности дают тот тон повествования, который составляет важную черту любого индивидуального стиля.

Наряду с двучленными аналитическими определениями Ч. Цыдендамбаев употребляет оценочные: "доржо хани Һайн нүхэд соогоо нуужа, хүндэтэ үбгэнэй уран сэсэн ульгэрнуудые бүхэли үдэртөө шагнаба". - Сидя среди своих хороших друзей, Доржи целый день слушал мудрые и искусные улигеры почтенного старика. В этой связи следует отметить использование "психологических" обстоятельственных и определительных слов: газгаа хорёошонь залхуугаар хусаба - на улице лениво залаяла овчарка; айлгуур бардам эдэ үхэрнууд (баянай) - эти страшные, горделивые быки (богача); хүжюу Һаруулаар шатаһан галдань - на весело и светло загоревшемся огне; үһэнүүдэйнь үзүүртэ хуушанай монетэнууд хүйтөөр ёлохинод - на кончиках косичек холодно блестяли старинные монеты; хүндэ абьян дууддана - послышался тяжелый звук. В определениях иногда выражается юмор, объясняется причина какого-нибудь явления или содержится выражение, навеянное самобытной степной жизнью: олон хоной уһа бороо үзвөгүи дээрһээ үнгэ зүһэгүи боложо шарлаһан дайдын адаалхай шэрүүн ногоо - из-за отсутствия дождей в течение многих дней поблек-

шую и пожелтевшую степную колючую траву, ... Нью-Гэг доржо... доошоо тэгүүлдэг умдээ нэгэ удаа дээшэн татажархөөд - босоногий Доржи..., подтянув разок сползающие вниз шаровары; уур мунсын дуунай дуулдаха хирэн газарта байһан Ухинхэн ахайн орбогорхон эшэгэ гэр - невзрачная войлочная юрта Ухинхэн-ахая, находящаяся на расстоянии, откуда можно услышать, как толкут пестом в ступке; ангаһан залаатай хуушан хилэн малгайгаа ойроо табинхай - рядом с собой положил старенькую плисовую шапочку с выгоревшей красной кисточкой; даржал гүнжэ ошоод, олон жэлдэ са-ригдаһандаа хара боро болоһон, эндэ тэндээ эдэрээтэй, хуушан хуур асарба - доржи сбежал и принес старенький, со вмятинами и царапинами хур, потемневший от многолетнего использования. Этого типа предложения, в которых явно видно тяготение к анализирующим атрибутивным сочетаниям, определяют также ритмику повествования писателя.

Такие конструкции часто прерываются назывными предложениями: "Магнайдань хульһэнэй дуһалнууд баржылдана. Урдань аягн шэрээ. Шэрээ дээрэ булаһан талхатай, айрагай тоһотой улаан модон табак". - На его лбу выступили капельки пота. Пред ним низкий столик. На нем красная деревянная тарелка с испеченной в золе лепешкой и айрачным маслом.

при описании обычности, обыденности действий, поступков героев автор иногда прибегает к чередованию глагольных сказуемых, выраженных давно прошедшими причастиями на -даг: "Гэрэйнгээ зуун хойноһоо худагтаа хурэтэр Затагархан нургааг залгажа табинхай. Затагарханай гэртээ угы байхада, Тобшой тэрэ нургааг дамжажа, уһанда ошодог". - Затагархан протянул жерди от северо-восточной стороны юрты до колодца. Когда Затагархана нет дома, Тобшой, держась за жерди, добирается до колодца.

для выразительности автор сочетает назывные предложения, обозначающие статичные картины, с глагольными конструкциями: "Гэртэнь доржын орохода, хаб харанхы. Нюдэ хордомо шороб утаан. Гуламта соонь байһан хэдэн жэжэхэн согууд үлэ мэдэг улаабхина". - Когда Доржи вошел в юрту, там была полная темень. Резкий дым, от которого ест глаза. В очаге еле-еле мерцали мелкие тлеющие угольки. Обращает на себя внимание отсутствие вспомогательного глагола, что придает описанию, на фоне назывных предложений, особую выразительность.

Целая цепь сказуемых - качественных прилагательных - при-

меняется при описании интенсивного проявления какого-либо явления, действия: "Ульгэршын хөөрэхэ бури дууниинь нэгэ жэгдэ, угэнь хурса, нугалбари аялгань ирагуу зөөлэхэн болоно". - По мере того, как улигершин входил в повествование, голос его становился ровнее, слова ярче, а интонация мягче и лиричнее.

Некоторым недостатком глагольных конструкций, создаваемых автором, можно считать повторение иногда одних и тех же глагольных сказуемых при показе последовательности совершения одних и тех же действий: "... Жалма Дулсан хоёр орожо ерэнэ... Тэрэ дары Холхойн Ханда, Ухинхэнэй Дариима, Эрдэмтын Димид гурбан... оробод". - Входят жалма с дулсаном... Тотчас же... вошли трое: ханда Холхоева, дарима Ухинхэна и димит Эрдэмты. Вскоре вошла мать доржи. Когда вошла его мать...

В бурятском языке достаточно много синонимических средств, и такого однообразия можно было избежать, если бы автор поработал над шлифовкой этих фраз. Между тем другие примеры свидетельствуют, что автор вполне владеет синонимическим богатством бурятского языка: ямаан - коза и дурбэн хултэ - четвероногая; гэжэ Сундайн эхэ хэлэбэ - сказала так мать Сундая и ама гаранан туруушын хун - высказавший такую мысль первый человек; үдэртөө мал дахажа эсэнэн Бадма Харагшан хоёрын унташанан байба - весь день шедшие за скотом и уставшие Бадма с Харагшаном уснули. Здесь не употребляется сочетание мал адуулжа - пасли скот, так как речь идет о детях, которые не могут по-настоящему пасти скот.

Индивидуальному стилю Ч. Цыдендамбаева придает своеобразие, самобытность такая черта, как эмоциональность. До перехода на прозаические произведения Ч. Цыдендамбаев прославился как ярко выраженный лирический поэт. Поэтому в его авторской речи, речи главного героя Доржи, а также описаниях природы, внешности героев часто можно обнаружить лирическое начало. Иногда авторская речь как бы сливается с речью главного героя, многое воспринимается им через призму восприятия Доржи: "Дархан болохош! Дархан болохош!" - гэжэ эдэ шубууд Доржые мэгтана хэбэртэй". - Будешь кузнецом! Будешь кузнецом! - как будто так напутствуют Доржи эти птицы. "Нарабша дээрэ хатаанан айрна хуруудые хобдог борбилоонууд хулуухаяашье, хорёо соохи хэнээ эшэгэдтэнь халзан бургэдууд хорхойтохоёошье болихол! Ойро дутуур нийдээд туршаг! далая тагар-удар харбуулаад арилхал". -

ладные воробы не будут теперь красть высушиваемые на навесе творог и сырки; лые орлы перестанут зариться на осенних козлят, находящихся в изгороди! Пусть попробуют летать вблизи! Удерут с простреленными насквозь крыльями.

Лирическое начало особенно чувствуется в воссоздании автором родной природы: "Хаанашьёб холын маната хихэ хадануудай саагуур оршодог Тугнэ, Мухар-шэбэр нютагуудай али нэгэндэ ехэ суутай, олондо мэдэгдээн Борхоног ульгэршэ бии юм гэжэ доржо найн мэдэхэ байгаа". - доржи хорошо знает, что где-то за далекими синими, окутанными маревом, горами, в одном из улусов - Тугнуе или Мухор-шибири, живет прославленный, известный многим улигершин Борхонок. Налицо поэтические художественные детали, присущие обычно стихотворной речи: далекие синие горы, окутанные маревом, незнакомые места.

Большую прелесть придают стилю Ч. Цыдендамбаева незатейливые описания картин степной жизни с умелым использованием изобразительных средств: "Боро хараанаар хара унгэтэйгөөр харагданан тэмээн халаахайн ойгуур хубууд ябана. Анханда хэнэйшьёб зулалан эндэ байһан юм. Шубуунай аргалаар будагдажа сайһан сэргэнь мүнөөшьё хэлтжэ һуудаг. Айшдадай олоороо буудаг айл байгаа: сэргэнь тойроод мориной туруунда сабшагданан хонхор-ёнхорнууд мүнөөшьё болотор бии". - Мальчики идут мимо высоких крапив, которые в сумерках кажутся тенями. Когда-то здесь стоял чей-то летник. до сих пор сидит покривившаяся коновязь, побелевшая от птичьего помета. К этому стойбищу приезжало много людей: и сейчас видны выбоины и ямки вокруг коновязи, выбитые копытами лошадей. Эти детали сельской жизни определенным образом настраивают читателя. Однако в некоторых местах художественные элементы используются не совсем удачно: "Ногообтор сэнхир тэнгэрийн хаяас бүхэлдэн үдэн зурагар үүлье орохо наран улабар алтаар гагнажа эхилнэ. Аргалай шороб гашуун утаан үжэнгир арьанай, мориной хульэнэй үнэр асарна. Борхоног ульгэрөө дүүргэнэ". - Заходящее солнце озарило багрянцем узенькую полоску облаков, опоясавших край зеленовато-голубого небосклона. Горький дым кизяка приносит запах гниющей кожи, конского пота, Борхонок завершает улигер. В данном случае дым кизяка, который всегда сладок для подлинного степняка, почему-то назван "горьким", и этот горький дым приносит запах гниющей кожи и конского пота.

Эмоциональность авторского повествования выражается также в пристрастии его к именам, образованным посредством уменьшительно-ласкательных суффиксов: Затагархан, Ухинхэн, Мархансай ахайхан; Тошой, марбай, дандай, аюухан, даржай, Сэсэгхэн.

Стилю Ч. Цэнддамбаева характерно частое обращение к риторически восклицательным видам предложений, что иногда приводит к гиперболизации или идеализированному восприятию явления тем или иным персонажем или самим автором: "доржын манал далита хараасгайнаа хурдаар гуйнэ. Энэ дуун Борхоногой ульгэрнүүдхээ хурдаар хаа хаана таража болохол. Хэрбээ малма дулсан хоёрой энэ дуугаа хэерын малшадай ойро углөөгүүр дуулаа наань, энэ дууе эмээлтэ хүлэгөөршье хүсэхэгүйш!" - мечты доржи бегут быстрее крылатой ласточки. Эта песня может повсюду распространиться быстрее, чем улигеры Борхонока. Если малма с дулсаном споят эту свою песню утром около степных пастухов, то ее не догонишь и на быстроногом аргамаке! Как видно из примера, такого типа риторическим предложениям характерно анафорическое повторение одних и тех же, логически наиболее значимых сочетаний (в данном случае энэ дуун - эта песня), а также выражение конечного сказуемого отрицательной формой изъявительного наклонения будущего времени второго лица.

В речевом потоке традиционно принято было выделять две синтаксические единицы - словосочетание и предложение. В последнее время стала выделяться еще одна единица - сложное синтаксическое целое (сверхфразовое единство), под которым понимается объединение нескольких предложений, тесно связанных по смыслу и структуре. Иными словами, сложное синтаксическое целое представляет собой семантико-структурное единство. Сложные синтаксические целые объединяются в еще более сложные комплексы - абзацы, хотя и сложное синтаксическое целое может совпадать с абзацем. Но обычно в одном абзаце встречается несколько сложных целых. Иногда несколько абзацев составляют одно синтаксическое целое. Считается, что абзац - это семантико-стилистическая категория, а сложное синтаксическое целое - категория стилистического синтаксиса, т.е. оно не является единицей основного яруса языка. Абзац, тем более параграф и глава, вообще не обладают стабильной синтаксической структурой.

Являясь единицей, более высокой, чем предложение, сложное

синтаксическое целое относительно полно характеризует свою микротему. Однако сверхфразовое единство неоднотипно. Сложное синтаксическое целое как тематическое единство структурно опирается не на отдельные предложения, а на разные типы речи, и выражается в монологе речи одним каким-либо типом или их сочетанием. Как указывает О.А. Нечаева, функционально-смысловые типы речи, или описание, повествование и рассуждение, вопрос и побуждение, сочетаясь между собой в различных формах, образуют поток речи. "Тип речи зависит от характера объекта речи, от "материала", о котором надо сказать что-то. Если это действия, событие, то будет речь типа повествования; если этим "материалом", объектом речи является предмет, признаки которого надо словесно перечислить, то будет речь типа описания. Если же объектом речи являются какие-то суждения, при составлении которых можно придти к определенным выводам, заключению, то это речь типа рассуждения"⁵.

Архитектоника сложного синтаксического целого, отбор предложений в нем, их расположение и объединение в сложное единство составляют индивидуальное своеобразие синтаксиса писателя. Так, в состав сложного целого Ч. Цыдендамбаева включаются простые предложения. Между его компонентами устанавливаются временные, противительные, сравнительные, причинно-следственные, пояснительные, присоединительные и другие отношения. Мы остановимся на тех конструкциях Ч. Цыдендамбаева, в которых что-то обобщается. Они в логическом плане представляют умозаключения. В них одно из предложений служит опорным: оно актуализирует тему сложного синтаксического целого. В следующем сверхфразовом единстве опорным является второе простое предложение: "Гэр гэзшье ганса хун баригагуй, олон хунууд баригаг ха юм даа гэжэ Володя бухөөр ойлгоно. Санхиров баабай Баахандаа баабай хоёр гансахан ханыень бодхоогоо ха юм. Нешэнгынь Нанзад баабай табяа. Уудэнэйнь түмэрье шадмар дархан хэжэ үгөө. Ойдоп баабай рамьень шэллээ. Харин мунөө Максар дархан ставниень гоёожо байна. Ушөө хэн юуень хэгшэ ааб?" - Володя хорошо понял, что дом строит не один, а несколько человек. Дед Санхиров с дедом Бахандаем только возвели стены. Дед Нанзат поставил печку. Железные детали для дверей сделал умелый кузнец. Дед Ойдоп застеклил рамы. И сейчас столяр Максар украшает ставни. еще кто что будет делать? единство этого целого обе-

слечивается не только микротемой "Дом строится коллективно", но и грамматическими средствами: перечислительной интонацией, глаголами прошедшего времени изъявительного наклонения на -аа, а также союзом харин - а.

Часто в рассказе Ч. Цыдендамбаева опорное предложение строится в форме традиционного наказа. В рассказе "Хариин газарта" (На чужбине) использованы формулы наказа матери дочери-невесте. Один из них гласит: "Тэндэ ошоод байхадаа, тогоо горшоогоо бу хонгиргоорой гэжэ эхэнь захиан юм". - Мать ей наказывала: "Когда поедешь туда, не греми посудой". Здесь наказ заключается в кавычки и завершается повелительно-наставительной формой 2-го лица (прескриптив). Эта форма выражает действие будущего времени, которое должно быть выполнено 2-м лицом в будущем. Она широко используется в устном народном творчестве в разного рода благопожеланиях и народных песнях. Часто приобретает прощально-грустную окраску.

Но не так-то просто выполнить наказания, поэтому в этом сложном целом используется противительный союз теэд - но, которым начинается цепь предложений, раскрывающих эту микротему: "Теэд энэ айлай тогос горшоогын зорёолондол ходол хонгирхоёо ханана. Ойронь шанага хүргэжэ үрдеэгүй байхада абя гарахая тэгүүлдэг яндан хара тогоонууд. Ойгуурнь аляанай нийдэхэдэ шэнхинэхээ ханадаг горшоогууд..." - Но горшки и котлы в этом доме, как нарочно, постоянно гремели. Не успеешь поднести ковш, как уже издаёт звуки негодные черные котлы. Горшки, которые звенят даже, когда рядом пролетает муха...

Такую же форму имеют и другие сверхфразовые единства с опорным предложением-наказом: "Амьарта сабая газарта бу унагаагаарай" гэжэ эхэнь захиан юм. Теэд амьартая хуряжа байтарнь, нэгэ улаан аяга гэнтэ амидьрандал алдагдан, эргэнэг дээрэнэ шала дээрэ унаад, набын ойгуур зээрэмхэйтэн мухариха, гуламтын ойро амьараараа үнэе бурма удхаад унашоо хэн". - "Не роняй посуду на землю", - наказывала мать. Но когда она убирала посуду, одна красная чашка, словно ожив, вырвалась, упала с посудного шкафа на пол, затем покатила мимо жбана и, захватив своим отверстием около очага кучу золы, упала. "Юмэ эхээр бу эдеэрэй. Эдеэндэ хомхой бэритэй болообди гэжэ саадуулни ханаха", - гэжэ эхэнь захя хэн". - Мать наказывала: "Много не кушай. А то те подумают, что взяли жадную до еды невестку".

Здесь сложное целое не развернуто. Но его продолжение находится в другом месте: "Димидмаа нэгэ аяга сай, адха болохогүй айрһа эдээд, "саднаб" - гээд, аягаяа хуряба". - Димидма выпила одну чашку чая, съела неполную горсть сушеного творога, сказала "спасибо" и убрала чашку.

"Одомаа Жаадай хоёртол дуратай тээшээ ошохо, ханаһан айлдаа орохошье арга димидмаада угы ха юм. "Айлда бу ороорой. Зайгуул бэритэй болосбди гэжэ гэртэхиншни ханаха" - гээн эхынгээ захяе димидмаа һайн ханаһа. Тээд яхааб даа! Арбан зургаа хүрэжэ ехэ басаган бэлоо хадаа, хариин газар ерэхэ, айлай бэри болохол номтой ха юм". - димидма не может, как Одома с Жадой, идти, куда захочет, зайти, к кому хочет. "К чужим не заходи. Домашние подумают, что взяли невестку-бродягу", - такой материн наказ хорошо помнит Димидма. Но что поделаешь! Раз достигла шестнадцати лет и стала взрослой девушкой, ее удел - уехать на чужбину и стать чьей-то невесткой. Здесь опорное предложение находится в середине целого.

"Наадажа эсээн Одомаа Жаадай хоёр эдээ хоолдоо садаһаар унтаһана. Иигэжэ амтатайханаар унтаһан арбаад гаратай эрхэ хоёр басагадта димидмаа дахин атаархана. "Гэртэхинэйнгээ унтаагүйдэ бу унтаарай. Унтаана залхуу бэритэй болообди гэжэ ханаха" - гээд эхэнь захяа ха юм. һуумгашаа унтаһан үбгэниинь бодожо һуняагаад, унтахаяа амбаар тээшэ ябашаба. Тургэн унтаһай даа гэжэ ханахада, үдэрэй халуунда ойгожо унтаһан эхэнь, зорёолһондол, орой болотор унтажа үгэнэгүй". - Уставшие от игры Одома с Жадой, наевшись досыта, улеглись спать. Димидма опять позавидовала этим двум балованым девочкам, перевалившим за десяток лет. "Пока не заснут домашние, не ложись спать. Подумают, что взяли ленивую невестку-засоно", - так наказывала мать. Не муж, заснувший сидя, встал, потянулся и пошел спать в амбарушку. Хотела, чтобы мать скорее легла спать. Но она, проведшая в полусне жаркий день, как будто нарочно, не ложилась спать допоздна. В этом сложном синтаксическом целом, кроме микротемы и интонации, объединяющую роль играют формы слова унтаха - спать: унтаһана, унтаһан, унтаагүйдэ: унтахаяа, унтаһай даа, унтажа үгэнэгүй, а также унтаана.

В рассказе "Шэнэ байшан" (Новый дом) наказы по строительству дома вкладываются в уста девяти-десятилетнего Абиды: "Яагаашье һайн юмэ гээшэб. дулаахан шэнэ гэр баригдахадаа ехэ

хайн даа. Уужамаар, дулаанаар гэрээ баригты. Гэжхүүрмень ехэ үндэрөөр бу хэгты. Үжибүүд мүлхижэ ябатараа унаха". - Какое хорошее дело затеяли. Очень хорошо, когда строится новый теплый дом. Стройте просторный, теплый дом. Крыльцо не делайте слишком высоким. Ребенок, ползая, упадет. Здесь предложения связываются также посредством побудительной формы 2-го лица на -гты.

В других случаях в качестве опорного предложения выступают авторские афоризмы, а также народные пословицы. В рассказе на предложение старика построить для сына новый дом старуха говорит:

- Манайхи хадаа хубхай аман, хоонон хөөрөөн болоод лэ байн мартагдана бээ даа. Тоншуул бүхы наһандаа модо тоншоод, газраа хоножол ябагша даа. Молхи хэлээ мухаржулжа гэр байшан барихада, модо ябталжа баринаһаа нураггүй бэлэн юм ааб даа! - гээд үбгэн тээшээ хаража миһэд гэбэ.

- Наша-то затея, как водится, останется, конечно, пустым разговором и постепенно забудется. Дятел всю жизнь долбит дерево, да не чуует всегда на улице. Гораздо легче, конечно, построить дом языком тупым, чем возводить его из тяжелых бревен! - сказала она мужу улыбувшись. Здесь микротема "легко сказать, да дом не построить". Опорным является иносказательный авторский афоризм о дятле. Единство синтаксического целого поддерживается интонацией безразличия, в создании которой большую роль играет утвердительная частица с модальным оттенком - даа.

Опорным может быть и вопросительное предложение: "Ажал хэдэг, хэхэ ажалаа хэдынэйшье сагта олодог зондо сүлөөтэй үе гэжэ жэл оро байдаг юм гү? Урдань үмсэшье ябахандаа, мүнөө хамташье болоходоо, би тиймэ сагы ологшогүйб... Нэгэ ажалай дуурээдүйдэ, ондоо ажал эхилшэгшэл бэшэ гү? Тон сүлөөтэй болоод гэр байра бариха, байшан балгаана бодхохо гэжэ хүлээгээ наа, зуун жэлдэ тиймэ саг олдохогүй бээ. Санкиров, та шэнэ гэрэй барилга эгээл мүнөөнөө, апрель нара соогоо, эхилхэ гэхэдээ, эгээл хайн саг олоот, эгээл сүлөө үеые нунгаат!" - людям, которые трудятся, находят для себя работу в любое время, разве находится свободное время в году? Я не находил такое время раньше, при частном хозяйстве, и ныне, когда мы трудимся коллективно, также не нахожу его... ведь не успеет завершиться одна работа, как начинается другая? Если ждать прихода совершенно свободного времени, чтобы построить дом, возвести себе хоромы, так

и в сто лет его, видимо, не дожидаться. Санхиров, когда вы задумали начать строить ваш дом, прямо сейчас, с апреля, вы как нельзя удачное время нашли, выбрали самое свободное время.

Развертывание высказываемого сообщения в сверхфразовом единстве осуществляется по правилам актуального членения предложения, когда постоянно чередуются тема и рема. То, что в предыдущем предложении было "новым", в следующем - становится "данным". Обычно обозначение темы является одним из средств межфразовых связей. В следующем синтаксическом целом то, что в предыдущем предложении было "новым", становится "данным" для следующего предложения, а опорное предложение помещается в конце текста: "ши өөрөө анханда газар гэхэхэ малгүй, ган гэхэ нохойгүй ябаан тоймог бээш даа. Мүнөө дулаан гэртэйш, дал соогоо ведро ну гарадаг үнээтэйш. Хоёр гахайтайш. арбан дүрбэн тахяшни үдэр бури арбан дүрбэн үндэгэ түрэнэ. Хоёр ашанаршни "баабай ерээ", "баабай ерээ" гэлдээд, ухаа алдажа угтадаг. Городойшни хвбуун агроном ухин хоёршни нара бури 300 түхэриг эльгээдэг. Зөөлөхэн орон дээрэ хэбтэхэдэш, ашанаршни ульгэр туухэ уншажа һонирхуулдаг. Нанатай боложо ябанаш, маани уншаа һааш дээрэ нэн даа, һүлэр толгой". - Наверное, раньше у тебя, голодранца, не было ни кола, ни двора. А теперь у тебя теплый дом, в стайке имеется корова, которая дает ведро молока. Есть две свиньи. Четырнадцать твоих куриц ежедневно несут четырнадцать яиц. Два твоих внучонка радостно встречают тебя с возгласом: "Дед пришел! Дед пришел!" Городской твой парень, да агроном-дочка ежемесячно высылают тебе 300 рублей. Когда ты лежишь на мягкой постели, внучата твои забавляют тебя чтением сказок и улигеров. Надо бы тебе одуматься, голова садовая, лучше бы тебе читать молитвы, ведь ты уже в возрасте.

В стихотворных произведениях Ч. Цыдендамбаева, как и в его прозе, умело строятся сверхфразовые единства, хотя отдельным стихам молодого поэта были присущи многословность, описательность, декларативность. В них отсутствовало глубокое проникновение во внутреннюю жизнь героя, чувства героев выражались напыщенно, риторично. Эти черты особенно заметно проявились в поэме "Гвардеец" (1945) и стихах, опубликованных в сборнике "Утро" (1958). В стихотворениях "9 мая 1945 года", "Дню артиллерии", "Генералу Панфилову", "Агитатор Дугаржаб", как показано в работах литературоведов, имеются общие места,

декларации, холодная риторика и пышное словесие. Однако с годами все более преодолевались эти недостатки, и у зрелого Ч. Цыдендамбаева стиль стихотворения обретает черты, присущие его лучшим рассказам. Так же, как и в рассказах, в стихах описывается какой-нибудь конкретный факт, и из него делается обобщение. В стихотворении из цикла "Дойбод зураг шүлэгүүд" (Мозаичные стихи) говорится о том, что зрячий сын ведет через мост и перевал незрячего отца. Отец дает своему семнадцатилетнему сыну мудрые советы о том, как прожить жизнь. Отсюда делается вывод, который выражен следующим опорным предложением сложного целого:

Албайдалай харгыгаар
Алинайнь алинаа хутэлъень
Абааар хэлэхэээ марганаб.

Затрудняюсь сказать:
По дорогам жизни
Ведет кто кого.

Ученые-археологи выкапывают черепки тысячелетней давности и склеивают из них кувшины. С этим сопоставляется факт из взаимоотношений людей:

Уни бэшэ, тугаархан,
Угын шэрүүниие дуулаандаа,
Гажаран гантаһан зурхые
Гагнажа тэдэнэр шадаха аал?

Сумеют ли они соединить
Сердце, разбитое не давно,
А сейчас жестоким грубым словом?

В следующем стихотворении поэт спрашивает о том, чем можно разрезать алмаз. И отвечает:

Гаһар хүсэтэй тиимэ зэбсэг
Газар дээрэ байдаг наань, -
Хурса эритэнүүдэй атаархадаг
Хүнэй хэлэн гэлсэебди.

Если есть на земле
Такое средство могучее,
То это язык человеческий,
Чему завидуют острия все.

Стихи Ч. Цыдендамбаева в основном миниатюрны, форма у них четкая. Автор старается в каждом стихотворении выразить какую-нибудь обобщающую мысль, свои раздумья о людях, народную мудрость. Литературные факты вызывают у него разные ассоциации. В стихотворении "Гээгдээн бээлэй олдобо" (Нашлась потерянная рукавица) говорится о потерянной рукавице с подкладкой из гураньей шкуры. Кто-то нашел и возвратил ее владельцу, обрадовав его. Вывод поэта таков:

Хайша хэрэгээр үнгэргээн
Хайран бүхнэ сагъемни,

Если бы кто-нибудь
Вернул мне время,

Брэдөө нэгэнэй бусаагаа яань,
Бунээр сэнтэй бэлэг нааб!

Гастриченное мною попусту,
Каким бесценным был бы подарок
этот!

Стихи Ч. Цыдендамбаева не в такой степени пронизаны разнообразными эмоциями, как его рассказы. проявляются они лишь в отдельных стихах. В стихотворении "Инаг дуранай баллада" (Баллада о любви) поэт с горечью говорит о девушке, грубо оборвавшей чистое юношеское чувство:

Зуунэй бэшэ,
Жадын үзүүрнээ муухайгаар
Угээн харюугайш
үзэг бүхэнөө шархатабашье,
Хуугэн зангайш
хунгэн нэбхидэнь тохоод лэ,
Хулисэхэ наналые
хүндуулхэй зурхэндөө
туруулээ нэм.

Хоть и ранен был я,
как копьем острым,
словом каждым ответа твоего,
отнес я это на счет
возраста юного.
И взрастил в сердце
измученном
чувство прощения тебе.

Үнэниие бэшэ,
худалые намда асарааша
Угэ бүхэндөө
хоёр-гурбан алдуутай
Буугай номондол
зурхьем сорьёон бэшэгыешни
Буурал толгойтой
болотороо хадагалжа ябаналби.

Храню я
до волос седых
письмо твое пронзившее,
как пуля, сердце мое,
принесшее не правду, а обман,
в слове каждом содержащее
две-три ошибки.

Ч. Цыдендамбаев пришел в бурятскую литературу во второй половине 30 х гг. вместе с Цэдэном Галсановым, Ж. Тумуновым, Дарихапом Дамдиновым. К этому времени бурятская литература достигла определенных успехов, поэтому стали предприниматься интенсивные поиски новых форм, средств, приемов поэтического выражения. Изменился внешний облик бурятского стиха, он стал делиться на строфы. Молодой Ч. Цыдендамбаев тоже внедряет ритмику силлабо-метрической системы. В этом плане наиболее удачным его созданием является стихотворение "Сэсэгхэн" (Цветик, 1940). Оно написано двухстопным амфибрахийем с каталектисом:

Нэрүхэн нэбшээндэ
Хээээдэш сэнгүүл!

На легком ветерке

Зунай саг дулаахан,
Зугаалха хүжүүл!
Тальмни дорюухан
Гаряе харыш!
Арюухан, халуухан
Абяе шагныш!

Улаахан залаашни,
Намаашни хэдэб?
Арюухан тальмни
Гоёонол, мэдыш!

Приятно всегда!
Лора летняя тепля,
Веселье звенит!
Смотрите же на хлеба,
Степные, гордые!
Слушай же ее

Звуки листые, горячие!
Сколько же кисточек,
Сколько листочков у тебя?
Знай же, украшаешь ты
Степь мою славную.

Это стихотворение отличается поэтичностью и напевностью. Тема о цветке позволяет говорить о прекрасной летней поре, легком теплом ветерке, цветущей степи. Несмотря на удачу в этом стихотворении, Ч. Цыдендамбаев не стал продолжать свои опыты в этом направлении. Эта система стиха, основанная на чередовании долгих и кратких слогов, делала бурятский стих несколько монотонным, однообразным. Поэтому Ч. Цыдендамбаев в дальнейшем придерживался улигерной системы стихосложения, основанной на аллитерации, равном количестве слов в строке, параллелизме и синтаксическом членении. Однако им делались попытки внедрения ритмики метрического стопного стиха и совершенствования рифмы. В этом отношении особенно показательна поэма "Соном Гармаев", написанная в 1954 г. Это первое крупное произведение бурятской литературы о рабочем классе. Главный герой поэмы - молодой бурятский рабочий Соном Гармаев. В то же время в каждой главе присутствует и сам автор, что придает повествованию стилистическое единство. В поэме с начала до конца как система применена рифмовка. Используются перекрестные рифмы. По звучанию они разнообразны - точные и приблизительные, богатые и бедные, ассонансы и диссонансы, составные.

В ритмике автор делает попытку придерживаться цезуры, под которой понимается словораздел на определенном месте, расчленяющий стих на два полустихия. Строка состоит из 4, 5, 6 слов и делится на две части свободной цезурой. Рифмой скрепляется сложное синтаксическое целое:

Гэбдэн мэгдэнгуй тон сулөөтэйхэн
Тойрон ябана уран станогоо.

Не спеда, очень свободно
Обходит он станок модный.

Котелнай эмээлдээ хүлөө	Котел найн на седло ногу
тээхэнь	навесит,
Булад дүрөөнь бүхөөр	Стремя стальное крепко
хоноогоо.	сидит.

Рифмуются слова самых разных частей речи, а также оригинальные и заимствованные, простые и сложные: тэнгээр - шэнгээр, тоймогби - нойрмоглон, одоо - хододоо, аараг - Гармаев, гохолном - Соном, намда - замда, намда - саарьанда, байн байн - эхэ байн, магтахаб - мартахаб, электро-тоогоор - гудогоор, хэлээшэ - хүн гээшэ, сүлөөтэйхэн - тээхэнь, станогоо - хоноогоо, байгаа - хайгаа, манайда - найда, захиит - рахит, дооронь - теоринь, Цавел заабол, Иваньч - яанаш, хоюулан - хаюулан, Орлов - олооб, Цавел - хараабал, салиитар - палиитар.

"Ароухан далай, нангин	"Славное море, Байкал
Байкал..."	священный..."
Пассажиры нүхэдни будуугээр	Пассажиры-товарищи басом
дуулаа.	запели.
Энээнъээ золтой үдэр наһандам	Будет ли день у меня лучше,
байхаал?	чем сегодняшний?
Москва ошохомнай Галитай	В Москву поедем мы вдвоем
хоюулаа.	с Галей.

Особенностью лексики поэмы является довольно обильное употребление заимствованных слов, особенно терминов: литейнэ, мастер, фамили, автобиографи, кронциркуль, заготовко, гендернууд, хатаалха, электро-мостовой кран, резец, рычаг, котел.

Компоненты изобразительных средств в сложном целом берутся иногда из индустриальной тематики:

Долоодохи класснаа, жэлэй	С седьмого класса, с половины
тэнгээр	года
Дарханай субасаар харгылжа	Стал я на тропку кузнеца.
эхилээб.	
Магнитда татагдаһан хадааһан	Как гвоздь притянутой
шэнгээр	магнитом,
Мастерской, станогто татагдан	Мастерская, станки затагнули
эрээб.	меня.

Для сравнения больше привлекается животный мир:

Соном зангаба: абааша бэлэн
гээд,
Басаган сэлмэгхэн нүдөөр
харана.
Дошхон хүлэгэй жолоо
шэнгээр
Дорюун кранаа зубөөр залана.

Или:

РУ-до ороогүйдөө сүхэрэн
гомдоод,
ажаллажа ябалаар гуша хүрөөб.
Мэжэ туунууд соо турлааг
болоод,
Зоной наадан болохо аалби
мунөө?

Умеренно и удачно применяются метафоры:

Өөрынгөө тухай хөөрэхэдөө аараг,
Угэу удьень асуудалай гохоор
гохолном:
Дамилитнай хэн бэ?
Минии гү? Гармаев.
Нэрээрни нэрлэгтэ. Нэрэмни
Соном.

В рамках сложного синтаксического целого в уста персонажей вкладываются остроумные выражения, отражающие специфику рабочей психологии:

Партида орохо гүт? гээд
хандааб.
Хараадхиба сэлмэгхэнээр нам
тээшэ:
- Ушөөл түүхэйб, ногооншог
зандааб,
Эдешэнэн зон партида ерэдэг
гээшэ.

Соном махнул: мол, готово,
унеси,
Девушка смотрит взором
ясым.
Как поведьями горячего
скакуна,
Управляет она ловко краном
могучим.

Обиделся я, что не поступил
в РУ.
Трудился, работал, уж
стукнуло тридцать.
Буду ли я теперь, как ворона
белая,
Среди мелких грачей смешить
людей.

Говорит о себе неохотно.
Вытаскиваю из него слова
крючком вопросов:
Как ваша фамилия?
- Моя что ли? Гармаев.
Называйте по имени. Имя
Соном.

Вступите в партию? -
обратился к нему.
Ясым взглядом он глянул на
меня:
- еще не созрел, по-прежнему
зеленоват,
зедь в партию вступают
зрелье.

Партийн нэрэ түрэдэ хүрэмэ

Арадайнгаа үнэнтэ хэбүүн

болоходоо,

Турэл оронойнгоо сүсэгэ үрмэ,

Дабна дээжэнь гэгдэхэб одоол.

логда я стану народа

настоящим сыном,

Тогда-то отнесут меня к

сливкам рабочего класса,

Тогда-то буду называться

солью, лучшим из лучших людей.

Эпитетворения не используются широко, но иногда весьма удачно впадают в стихи:

Заримаднь ухаанай мохоодо

хаатаа.

Байгаагүй нүгөөдадэнь мунган,

зөөри.

Эрдэм техникэшье нарайл нааб даа.

Зобоогоо даа зониие энээхэн

моөри.

Некоторых задержала тупость

ума.

У других не оказалось денег

и добра.

Да и техника была младенцем.

Это кольцо помучило людей.

Старые составные термины (мухар тэргэ) поэт использует в качестве синонимов к новейшим:

"Локсмотив" нэрэ тойруу орёо,

Латинска, хари нэрэ гэдэг.

"Пар" гэдэг үгэ түрэл болоо:

"Воз" гээшье хүүгэдшье мэдэдэг.

Моригүй тэргэ гүйлгэхэ гээшэ

Тодхортой түбэгтэй хэрэг байгаа.

Мухар тэргэ олые хэньэжэ

шадаа. Хүнэй хубуудые бунаагаа.

Название "локомотив" сложное,

Говорят иностранное, латинское

оно.

Ведь "пар" - слово стало

родным,

"Воз" знают даже дети.

Скакать на безлошадной телеге

делом трудным оказалось.

"Комолая" телега многих

наказала.

Помучила лучших парней.

В поэме довольно широко применяется инверсия. Из традиционных средств свободно используется аллитерация:

Тайгамнай баян ан булгадаар,

Унаднай загаанаар дүүрэн.

Дуулим талымнай хонидые

харахат,

Хүлэгэй хурдаар хатаруулхат.

Тайга наша богата соболями,

зверьем.

Воды наши полнятся рыбой.

Увидите овец наших привольных

степей,

Поедете вы на быстроногих

скакунах.

В этом сложном синтаксическом целом связь между предложениями, помимо микротемы "Богата наша степь", осуществляется посредством интонации, а также притяжательных частиц.

Хотя Ч. Цыдендамбаев в большинстве своих поэтических произведений придерживался традиционной системы стихосложения с частичными новшествами, в некоторых стихах он экспериментировал, пробовал разные приемы. В стихотворении "Үнэн бэшыень шийдхэгты" (Решите сами, так или нет) в начале каждой строфы располагается слово-понятие, которое характеризуется в следующих строках по однотипной формуле с вопросом:

"Поэдби" - гэжэ ханаашадай если бы все, кто именует себя
"поэтом",

Бултадаа поэдүүд хаань,
Хэды дуунуудыг арадууднай
Ханхинаса дуулахал хааб?

Были бы все поэты,
Сколько звонких песен
Запели бы народы?

"Таряшаб" - гэжэ ханаашадай если все, кто считает себя
"крестьянином",

Бултадаа таряшад хаань,
Али зэргын ехэ дайда
Таряагаар эбхэрхэл хааб?

Были бы крестьянами,
Какая широкая степь
Переливалась бы пшеницей?

"Дурланаб" - гэжэн хүнүүдэй
Бултадаа дурладаг хаа,
Хэды басагад дэлхэйдэ
Золтой ябахал хааб?

Если все, кто говорит "люблю",
любили бы все,
Сколько девушек на свете
Озарились бы счастьем?

"Эсэгэб" - гэжэ ханаашадай Если все, кто считает себя
"отцом",

Бултадаа эсэгэнэр хаа,
Хэды үхибүүд газар дээр
Жаргалтай байхал хааб?

Были бы отцами,
Сколько детишек на свете
Были бы счастливы?

Это стихотворение в целом составляет одно сверхфразовое единство, в котором связующими элементами являются микротема "Если бы все были настоящими", условная и вопросительно-утвердительная интонации, однотипная и параллельная структуры предложений. В стихотворении "Хүнүүд юндэ найдадаг бэ?" (На что надеются люди?), отвечая на поставленный в заглавии вопрос, каждое двустопное предложение поэт завершает словом найдадаг - надеется:

Онгосынгоо хоёр надеется на два
хэлжуртэ найдадаг, весла лодки,

Моринойнгоо дүрбэн
 туруунда найдадаг,
 Туулган тоблынгоо
 мэргэндэ найдадаг,
 Лайсадайнгаа аймхайдань,
 тэнэгтэнь найдадаг,
 Ханзынгаа мунгэнэй
 ханхинаанда найдадаг,
 Хара Һамганайнгаа
 мэхэтэйдэнь найдадаг,
 Эрэлхэг зоригтоо,
 хусэндөө найдадаг,
 Эрхим нүхэдэингөө
 зүбшөөлдэ найдадаг.
 Абида бурхандаа
 найдашоодшье Һуудаг
 Арба табан хүн
 байжашье солохол.

Надеется на
 четыре коньта своего коня,
 Надеется на
 меткость свинцовой пули,
 надеется на трусость,
 глупость врага,
 Надеется на
 звон монет в сундуке,
 надеется на
 Хитрость своей темнокожей жены,
 Надеется на
 Свою смелость и силу,
 Надеется на
 Советы лучших друзей.
 Есть, наверное, такие, кто
 надеется на Абида-бурхана,
 и сидит, ничего не предпринимая.

В сатирической поэме "Соорхойдо болохон ушар" (происшествие в Сорхое, 1965) поэт использует некоторые фольклорные приемы. Для усиления выразительности стиха и заключенной мысли поэт в начале строфы приводит авторский афоризм или пословицу, по образцу которой в том же смысловом ключе создаются фразы:

Үлэзэн сууха тэвэрдэг,
 Үмхирэн хохюур тарайдаг,
 Гүйхэн шалнаг шэргэдэг,
 Нариихан утаһан таардаг,
 Нананайнгаа ерэхэдэ,
 Набша сэгсэг хагдардаг,
 Нангин зулашье бүхэдаг -
 Юрн имэ байдалаар,
 мртэмсын хуули журамаар
 Галзуухан хэнтэг шолымнай
 Газарайнь "диваажан"
 хаагдахань ха.

Надутый пузырь лопается,
 Гнилой сухостой падает,
 Мелкая лужа засыхает,
 Тоненькая нить рвется;
 Когда приходит пора,
 Цветы и листья ветшают,
 Даже священная лампадка гаснет,
 По простому этому порядку,
 По закону вселенской жизни
 Скоро, однако, закроется
 "Рай" земной для беснующегося
 черта этого.

Здесь подчеркивается мысль "Сколько веревочке не виться, а будет конец" в связи с тем, что начальник лесного склада Модуев Муниха Петрович уже очень глубоко запустил руку в государствен-

венный карман, создал у себя дома "земной рай", но стужается тычи распахать над ним. Хотя поэт поставил точку только в конце, здесь на самом деле много самостоятельных предложений. Поэтому их следует рассматривать не как одно сложное предложение, а как сверхфразовое синтаксическое единство.

Развернутая градация, т.е. расположение фраз в порядке возрастающего значения, создается поэтом путем использования в качестве ключевых слов разделительных деепричастий со значением возвышения, одобрения. Фоном для этой стилистической фигуры служит пейзаж, нарисованный в традиционном, фольклорном духе:

Модоной складь даагша
Модуев Мунигха Петрович
Аглаг тэнгэрийн үүлэгүй
адам тунгалаг байхада,
Сэсэгэй найгалзаха нэбшээгүй
Сэлмэг хонгор байхада,
амаралтын нэгэ үглөөгуур
Аялдар шиираг хубууды
Архи тамхьяр хүндэлээд,
Анекдот хөөрэлэ хүлээгээд,
Алтан шүдөөр магалзаад,
Арба табые адхуулаад,
"Ажалшад" гэжэ найрхуулаад,
Араате малгай үндэхүүлээд,
Хүрээ, нүхэ хамагыень
Хүршэ айлнуудыа суглуулаад,
Зуугаад нүхэ малтуулаад,
Зуугаад гаран столб
Зуулан шэнэ гэр тээшэ
Зурылгажа зоолгобо.
Шуламал цэнэхэн столбнууды
шуумгай түргэн зоолгобо.

Заведующий лесотоварным складом
Модуев Мунигха Петрович
в то время, когда небо далекое
Было безоблачным,
Когда не было ветерка,
Не колыхались цветочки,
Однажды в воскресный день,
Угостив вином и табаком
Покладистых дожих парней,
Повеселив их анекдотом,
Золотыми зубами улыгнувшись,
Всучив им по десятке и пятерке,
"Трудягами" называя, похвалив,
Дешевыми комплиментами заворожив,
У соседей лопаты, прочее собрав,
Заставив выкопать более ста люк,
Проложил к даче своей новой
Более сотни столбов.
Очищенные новые столбы
Заставил быстренько
вкопать.

Этот отрывок представляет собой периодическую речь, которая также относится к сверхфразовым единствам со своей микротемой, хотя и является развернутым, но простым предложением. Оно распадается на две части с резко различным произношением. Первая часть, состоящая из синтаксически однородных единиц или причастных и деепричастных оборотов, произносится с однообразной инто-

нашей, несколько нарастающим повышением голоса. Затем после оборота "зуугаад нүхэ малтуулаад" следует пауза, после чего за ключительное предложение, или вторая часть, произносится с заметным понижением голоса.

Периодическая речь отличается стройностью формы и музыкальностью фразы, поэтому широко использовалась в улигерах, в частности их зачинах: "Урданай сагай уринда, уран сагай түрүүндэ, саг жэлэй сарюнда, сахилза үбтэнэй хүхэдэ, бүхэгүй бүлээндэ, бээлэйгүй дулаанда, саган юнэй сабхан сагаан байхада, сарьян юнэй нимгэн зөөлэн байхада".

Умело пользовался ими Х. Намсараев. В начале поэмы "Убгэн гэлэнэй үгэ" (Слово старого гэлэна) находим классический пример: "Баян дарын хубуун Бадма гэдэг би бөлбол бага балшар наһандаа баабай эжын зарлигаар баруун хүрэн ошожо, бараг һайн лама боложо, бата сагаан дуганда баруун мурэй эхиндэ барас шэнгээр багаганажа, зуун мурэй эхиндэ луу шэнгээр лужаганажа, дээбэриень дэжэгэнүүлжэ, дэмы зондо гайхуулжа, хаалгень хашагануулжа, хамаг зондо гайхуулжа".

В своей сатирической поэме Ч. Цыдендамбаев прибегает к "животноводческой" терминологии для изображения героя:

Аашатайхан Тамарань
Аяар холо арилшоод,
Жолоо ногтоо алдуураад,
Жороо табиһан Мунинха,
Тушаа шүдэрөө гээжэрхеод,
Турьяад гуйһэн Петрович
Гарагай хоёр, гурбанда
Гансаарханаа унтаба.

Тамара его с норовом
Убралась в далекие края.
У Мунинхы узда упала,
И он припустил вовсю;
Потеряв пути и треноги,
Фыркая, побежал Петрович,
Но в понедельник и вторник
Спал дома один.

Для усиления выразительности стиха Ч. Цыдендамбаев в порядке градации в сверхфразовых единствах умело использует глагольные формы с отрицанием -гүй, благодаря которым подчеркнута звучат утверждения с положительным значением:

- Асатанан дүрбэн туруутай
Арбагар хоёр эбэртэй,
Уб улаахан тугалтай,
Уураг сагаан дэлэнтэй,
Мөөдэйе тэндэ хаажархеод,

- Не будут держать в изгороди
И заставлять мякать буренку,
С раздвоенными четырьмя
копытами,
С растопыренными двумя рогами,
С ярко красным теленком,

Мөөрүүлжэ байхагуйл!
 Дамганиинь тэрэ үнээн дор
 гаалиин тудхуур тодожорхёод,
 Шодогор дүрбэн хүхьень
 Шобторхожо нуухагуйл!
 Турбэлгүйхэн хурданаар
 Тубиие тойрон харайгаад,
 Туруу хүлөө эсээжэ
 Тураха гээшые мэдэхэгүй,
 Мянган модондо элэхэгүй,
 Мяхалиг резинэ туруутай,
 Харгы замда төөрихэгүй
 Харанхьда хараха нүдэтэй, -
 "Волго" нэрэтэй ногоогшон
 Болзорто удэртөө гүйжэ ерээд,
 Бүтэхэгүй зохидхон хоолойгоор
 "Бу-бүү" гэжэ дохёолоод,
 Шэнэхэн гаражайнь урдахана
 Шэрэ будагаараа толоржо,
 Шэл сонхоороо ялархал.

С молозивно-белым выменем!
 Не будет его жена,
 Подставив под нею подойник,
 Сидеть и тянуть
 Тонкие и короткие соски!
 Зеленуха по имени "Волга"
 Прибежит в назначенный день
 И будет стоять,
 Сверкая краской новой,
 Блестя стеклянными окнами,
 Перед его гаражом новым,
 Издавая чрезвычайно приятным
 Голосом сигналы "бу-бу";
 Может она объехать свет
 На огромной быстрой скорости,
 Не знает она, что такое,
 Тощать, уставать и утомиться,
 Есть у нее мясистые
 Резиновые копыта,
 Не изнаются они
 И в тысячу верст,
 Не заблудится она в пути,
 Есть у нее глаза,
 Которые пронзают темноту.

Ч. Цыдендамбаев использует разнообразные синонимы - языковые и контекстуальные - для сатирическо-иронического изображения героя и относящихся к нему людей и предметов. "Волгу" называет то ногоогшон - зеленуха - по аналогии с харагшан, алагшан, то "бу-бүү!" гэдэг дуудайгаараа; корову именует детским словом мөөдэй.

Для обозначения понятий "жена", "женщина" употребляются различные синонимические слова, которые используются для создания тесно связанных между собой синтаксических целых:

Габардаад нуни үзэхэдэнь,
Дамган гэжэ байхагуй,
 Лалуун кофе асаруулха
Хатан гэжэ байхагуй...
Гэргэн хүнэй угьдэ

Ночью он шарит по кровати,
 Но нет на месте жены,
 Нет на месте хатуны
 Кофе горячий поднести...
 Нет дома бабы,

Гэр байрань хүйтэршоо,
 Хон-жэнхэн болошоо,
 Хонохошье нүээгнь буурашоо.
 Абараша энээхэн эхэнэрын
 Али гэрэйн зараса гу,
 Амараг найхан дангина гу, -
 Одоол энээниие бу мэдэе.
 Охорхон сагай убсанса -
 Онигорхон тэрэ үхинийн
 Бодолгүйгөөр дуугаржа,
 Уйлажал байлтай газарта
 Урбайтараа энеэнэ.

В квартире собачий холод,
 Тишина мертвая,
 Не хочется и ночевать.
 А эта, что он привел,
 То ли домашняя прислуга,
 То ли его любовница, -
 Чего не знаем, того не знаем.
 Временная эта супружница,
 Узкоглазая эта девица
 Говорит совершенно невпопад,
 Где надо плакать,
 Она смеется, смеется
 До красноты в глазах.

В сатирических целях употребляются прилагательные, глаголы и другие слова с просторечно-негативной экспрессией: залхуу шантагар ухин - ленивая курносая девица, урбайтараа энеэхэ - смеяться, выворачивая веки, жүжэгэр хултэй Тамарань - Тамара его с тоненькими ногами, энэ ёозогор хэн гээшэб - кто это - высокий и худой, мэнтэгэр улаан Тамара - багрово-красная Тамара, убсансатай баабайнарай уринан тээшэ жороолдог убайгүйхэн ухин - нахальная эта девица, рысью бежит туда, куда ее ведет женатик, танхиитараа турашаха - тощать до измождения, абгайнарай хажууда ангайтараа энеэнэ - около тетушек смеется, широко разевая рот.

В сатирическом аспекте сталкиваются разные значения одного и того же слова, благодаря чему предложения объединяются в одно целое:

- Ямар гурбан юмэ
 Яшаагүй хүндэб дэлхэйдэ?
 Харюу тайлбари хүлээгээд,
 Хаража нууна басаганиинь...
 - Хадын шулуун хүндэ байха.
 Халуунда ангахада хүндэ байха.
 Үшөө тиигээд... - гэжэ
 Үгэ гарахатайнь аб адли,
 Үүдэн гэнтэ нээгдэжэ,
 Үүдэнэй саанаана маряанан
 Үхин Тамарань шагаажа:

- Что три
 Самые тяжелые на свете?
 Ждет девица ответа,
 Ждет отгадки она...
 - Тяжел камень на горе.
 Тяжело мучиться жадой в жару.
 Далее еще... - проговорить
 Успел он только,
 Как дверь вдруг открылась,
 Крадучись, Тамара вошла,
 и говорит:
 - Скажи же, что будет.

Хатуу тангаригаа мартаашадай
Харюусалга хундэ гээд хэльш! -
Ийгэжэ хэлээд Тамара
Убгэн тээшэ алхалба.

Тяжкой ответственность
Клятву забывших!
Сказавши так, Тамара
Зашагала к мужу своему.

Ч. Цыдендамбаев был писатель разностороннего дарования, и почти в каждом жанре бурятской художественной литературы он оставил свой след. В последние годы им был создан роман "Далекие и близкие родные", а также повесть "Год начинается с весны" (1973). В 1977 г. издан сборник его лучших стихов и поэм под названием "Зурхэнэй дуунай дээжэ" (Лучшие из песен сердца). Поэт сам отобрал для этого сборника свои стихи и поэмы из 11 книг сочинений, изданных в 1940, 1943, 1945, 1948, 1954, 1958, 1965, 1970, 1971, 1972 и 1975 гг.

Ч. Цыдендамбаев был одаренным переводчиком. Им переведены на бурятский язык "Слово о полку Игореве", "Полтава" А.С. Пушкина, "Демон" М.Ю. Лермонтова, произведения советских писателей. Творческие принципы, легшие в основу этих переводов, также заслуживают кропотливого исследования. Переводы произведений великих русских писателей оказали на поэтику Ч. Цыдендамбаева заметное влияние. В поэме "Суворов" (1942) отчетливо слышны интонации стихотворения М.Ю. Лермонтова "По синим волнам океана":

Улаан боецуудэй эсэнхэй,
Унтажа амаржа хэбтэхэдэ,
Сулөөтэй аалиханаар алхалжа,
Суворов үбгэн ерэнэ...
Эсээн ашанараа хаража,
Эсэгэ Суворов зогсоно.
Дабхаса субаяа хуулажа,
Дааранан боецуудээ нэмэринэ.

Забылись в сне тяжелом
Бойцы красные тут.
Походкой медленной, неторопкой
Старик Суворов идет...
Смотрит он на внуков уставших,
Стоит долго Суворов-отец.
Снимает он с себя плащ,
Укрывает замерзших бойцов.

В.Ц. Найдаков пишет: "Без высокого понимания своего долга перед народом, своего места в народной жизни" Ч. Цыдендамбаев "не сумел бы создать столько значительных, нужных народу произведений. Многотысячными тиражами на многих языках разошлись они по свету и делают большое дело, утверждая правду новой жизни, правдиво и ярко рассказывая людям о прошлом и настоящем бу-

рятского народа, нашедшего свое счастье в общей борьбе трудящихся за коммунизм"¹⁰.

¹ См.: История бурятской советской литературы. - Улан-Удэ, 1967. - С. 182.

² Указ. соч. - С. 282.

³ См.: Найдаков В.Ц. Чимит Цыдендамбаев // Современные писатели Бурятии. - Улан-Удэ, 1969; Бабушкин С. Чимит Цыдендамбаев // Литература Советской Бурятии. - Улан-Удэ, 1973; Вышеславский Л. Свежесть первооткрывателя // Литературная газета. - 1959. - 4 июля; Очиров Н. Рассказы о простых людях // Дружба народов. - 1957. - № 3; Белоусов А.А. Люди степных просторов // Байкал. - 1962. - № 5; Оршанский Н. Песня души - самая лучшая песня // Бурят-монгольская правда. - 1957. - 14 июля; Яновская Э. Поэзия возрождения // Сибирские огни. - 1958. - № 11.

⁴ Белинский В.Г. полное собрание сочинений в 15 томах. - М.: Изд-во АН СССР, 1953 - 1959. - Т. 5. - С. 454.

⁵ Нечаева О.А. функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение, вопрос, побуждение) // Вопросы филологии. БГУИ им. Д. Банзарова / Уч. зап. - Вып. 37. - Улан-Удэ, 1970. - С. 89.

⁶ Найдаков В.Ц. Указ. соч. - С. 161-162.

СЛОЖНЫЙ СИНТАКСИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
В ЯЗЫКЕ БУРЯТСКОЙ ЛЕТОПИСИ В. ЮМСУНОВА

В бурятоведении и монголистике летопись Бандана Юмсунова "qori-yin arban nigen eciqe-yin jon-u uy ijayur-un tuyuji" (История происхождения народа II хоринских отцов, 1875 г.) является одним из достоверных письменных источников по истории, этнографии, культуре и быту бурят дореволюционной эпохи.

Лексические и морфологические особенности бурятских хроник, в том числе и летописи В. Юмсунова, нашли отражение в трудах бурятских ученых, в частности Д.-Н.Д. Доржиева, Ц.Б.Цыдендамбаева¹, но синтаксические особенности остались вне поля их зрения.

В данной статье делается попытка определить некоторые особенности синтаксической структуры данной летописи. Исследователи старомонгольского языка отмечали, что отличительной чертой синтаксиса этого языка являются длиннейшие конструкции, тянущиеся, по выражению одного монгольского автора, как хвост змеи или бараньи тонкие кишки². Такие длинные конструкции характерны и хронике В. Юмсунова. Например, летопись начинается такой конструкцией, которая совпадает с первым абзацем: "Angqan-dur mongyol-un ijayur-un olan-a Ergügdegsen qayan-aça uy-tai Enedkeg-un orun-u Saki-a-yin ijayur-un olan cereg-tü keme-kü qayan-dur nigen köbegün törüküi-degen üliгер beige tegülder-nidüben दौरа-aça degegdide aniqu-çayan labai metü dung çayan sidütei=köke kömske-tei=qoyar yar-un aliyan-dur kürdün-ü jiruy-tai=yar köl-ün quryad anu yalayud-un metü=toor-iyar barilduysan=teyimü nigen köbegün törüged-kümüjiküi-degen casutu töbed-ün orun-a irejü Yarlung-un Yarulha kemekü casutu ayulayin üjegür-e tngri-yi takiysan=Töbed-ün ulus-nar-luy-a uciraju=angqan-u olan-a Ergügdegsen qayan-aça inayci-ki ucir-nud-iyani tatan kelegesen-dür=tedeger anu=ober jayur-a-ban jobcileldün-ene anu angqan-aça qoyisi qayan ijayur-tai aysan-iyar bide töbed-ün degere qavan boltuyai=kemen modun-iyar sangdali kifu=tegün degere sayulyayad-kümün-ü küjügün degere sargdalitai-yi örgüjü=jon-u dumda asaraju qayan bolyun ergümji-legsen-iyerburqan-u müngdülegesen-eçe qoyin-a 835 on-a Kristos-un müngdül-

kū buyu=Ros-un ekilekü-ece 127 jil urida küjügün sangdali-tu Batu ejin kemen aldarsibai=".

В русском переводе данный фрагмент звучит так: "Вначале, когда у царя по имени "Обладающий множеством войска", из рода Сакья индийской страны, происходящего от царя монгольского корня "Многими возведенного", родился сын, последний был преисполнен сверхъестественных признаков: глаза его смыкались снизу кверху; он имел раковинно-белые зубы, словно белая морская раковина; голубые брови; изображения молитвенного колеса на ладонях обеих рук; пальцы рук и ног как у гуся, соединенные между собою перепонкой. Когда он возмужал, он прибыл в страну снегов Тибет и встретился на вершине Ярлунской снежной горы Ярхла с тибетцами, приносившими жертву небожителю. Когда он рассказал им, ссылаясь на обстоятельства, имевшие место после первоначального царя "Многими возведенного", те посоветовались между собою и заявили: "Да будет он царем над нашим Тибетом, вследствие того, что он искони царского рода!" Они сделали из дерева сидение, посадили его на него, подняли вместе с сидением на шею людям и принесли в середину народа. Они возвели его царем. Вследствие этого он в 835 году после рождения Будды, или в 127 году до рождества христового, или начала Руси, прославился под именем "Крепкий властитель, на шее восседающий".

Этот эпизод, как и некоторые другие, заимствован у Саган Сэцэна. Возникает вопрос: что из себя представляет такая конструкция в синтаксическом плане. Является ли она простым осложненным распространенным или сложным предложением? Г.Д. Санжеев вслед за А.А. Бобровниковым употреблял для обозначения таких длинных, осложненных конструкций старописьменного монгольского языка термин "период"³.

Но под периодом в языкознании, в частности в русистике, понимается нечто иное. Период – это относительно законченное в смысловом отношении развернутое сложное или простое, осложненное оборотами, предложение, четко распадающееся на две противопоставленные части, первая из которых, как правило, состоит из ряда однородных единиц и произносится повышающимся тоном, а вторая, произносимая пониженным тоном, заключает первую в смысловом, грамматическом и интонационном отношениях⁴.

Благодаря изяществу формы периоды употребляются в художе-

ственной литературе, публицистике. Старомонгольские "периоды" не имеют такого специального функционального назначения, да и по структуре совершенно не похожи на подобные периоды. Имея в виду, что период отличается эмоционально-экспрессивной окраской, особым интонационным рисунком и ограниченностью сферы употребления, считаем, что термин "период" не подходит для обозначения синтаксической конструкции старомонгольского языка.

Наиболее приемлемым для наименования основной синтаксической структурной единицы языка летописи Ы. Юмсунова представляется термин "сверхфразовое единство" (СФЕ), наряду с которым употребляется еще термин "сложное синтаксическое целое" (ССЦ). Под сверхфразовым единством или сложным синтаксическим целым в лингвистике, как отмечает Ё.А. Реферовская, понимается отрезок текста или группа тесно взаимосвязанных законченных предложений, образующих особую синтаксико-стилистическую единицу. Иногда она может состоять и из одного предложения⁵. Компоненты СФЕ связываются между собой не только логически, семантически, но и формально, т.е. языковыми средствами.

В качестве лексических средств связи СФЕ используется повторение в последующем предложении отдельных слов из предшествующего предложения, личных и указательных местоимений; морфологических - соотношение видовременных форм глаголов - сказуемых в объединяемых предложениях; к синтаксическим средствам связи СФЕ относятся порядок слов и предложений, союзы и союзные слова, употребленные в присоединительном значении, параллелизм построения; к ритмомелодическим - интонация частей и целого; к стилистическим - анафора, эпифора, лексическое кольцо.

Длинные конструкции старомонгольского языка мы относим к СФЕ ввиду того, что в них объединяются распространенные фразы, которые при расщеплении и соответствующем оформлении могут составить несколько тесно связанных самостоятельных предложений. Приведенная выше конструкция из данной летописи распадается на следующие предложения (приводим в современном звучании): "Ан-ханда монгол изагуурай Слондо Ургэгдээн хаангаа угтай Энэдхэг ороной Сахиягай изагуурай олон сэрэгтэ гэгдэдэг хаанда нэгэ хубуун түрэхэдөө, тэмдэг бэлгэ түгэлдэр бэлэй. 2. Нюдэ-ниинь дорооо дээшээ анидаг, мун сагаан лабай дун сагаан шүдэтэй, хүхэ хүмэсхэтэй, хоёр гарайнгаа альганда хүрдэнэй зураг-

тай, гар хүлэйн хургад галуунайхи шэнги, тоораар баригдаан, тиимэ нэгэ хүбүүн түрээн юм. 3. Тэрэ ехэ болоходоо, саһата Түгэд орондо ерэжэ, Ярлангай Яралга гэжэ саһата уулын үзүүртэ тэнгэри тахиан түгэд уладтай ушаржа, анханай олондо үргэгдээн хаанһаа нааша ушарнуудаа эшэ татан хэлэхэдэнь, тэдэнь өөһэд зуураа зүбшэлдөөд, энэ анханһаа хойшо хаан изагууртай байһан хадань бидэ түгэдүүд дээрэ хаан болог гэжэ, модоор һандала хэжэ, тэрээн дээрэ һуулгаад, хүнэй хүзүүн дээрэ һандалитайнь үргэжэ, зоной дунда асаржа, хаан болгон үргэмжэһэн юм. 4. Тиигээд Бурханай мундэльһэньөө хойшо 835 жэл, Христосой мундэльһэн гү, али Россиин эхильһэньээ 127 жэл урид Хүзүүн һандалита Бата эзэн гэжэ тэрэ алдаршаба". (Конструкция передана чертярмыя предложениями).

Однако безоговорочно признать старомонгольские конструкции сверхфразовыми единствами или сложными синтаксическими целыми не представляется возможным. Дело в том, что данные конструкции состоят не из самостоятельных законченных предложений, а из зависимых предикативных единиц с одним финитным сказуемым, которое придает им формальную завершенность.

Новосибирские языковеды ввели понятие полипредикативной конструкции (ППК) в бурятском языке⁶. ППК – это родовое понятие, включающее сложные предложения как один из его видов. В ППК обычно включаются две ПЕ (предикативные единицы). Они используют термин "предикат" как родовой термин по отношению к терминам "сказуемое", "второстепенное сказуемое", "главное слово оборота".

Главный структурный, конституирующий компонент ППК – это сказуемое зависимой части. Ядро всей системы сложного предложения в монгольских языках составляет подсистема синтаксических конструкций. Именные глагольные формы (традиционно – причастия) выступают в роли сказуемых в управляемых (т.е. изъяснительных, дополнительных, отчасти подлежащих) и некоторых других зависимых предикативных единицах (ЗПЕ).

Подобные полипредикативные конструкции лучше всего называть сложными синтаксическими комплексами (ССК)⁷ с монофинитным синтаксическим механизмом построения. Наиболее плодотворным представляется изучение подобных конструкций с позиции лингвистики текста. Конечно, основной коммуникативной единицей языка является предложение. Текст же представляет собой объеди-

нение нескольких простых и сложных предложений. Такие отрезки объединяют слова и предложения тематически. Большинство лингвистов подразумевают под текстом именно такие относительно небольшие отрезки. Однако считается, что текст может быть и очень большим (например, роман). Самой малой единицей текста является ССЦ (сложное синтаксическое целое). А в некоторых работах и смешанные предложения признаются низшей единицей текста. Представляется, что это правильно. Как пишет Г.Ц. Лорбе-ев, "являясь объединениями разнородных конструкций сложных предложений", эти комплексы имеют свои особенности в количественном составе, внутренней структуре и составляющих компонентах.

Со стороны количественной допускается сочетание двух, трех, четырех, пяти и более сложных предложений. Материал, взятый в качестве наблюдений, позволяет сказать, что структура сложных предложений смешанного типа чрезвычайно разнохарактерна и вариативна⁸. В данном случае мы имеем дело не столько с языковыми моделями, сколько с речевыми образованиями.

Следующая за смешанными предложениями единица текста — ССЦ. Затем идет абзац, который иногда совпадает с ССЦ. Границы здесь размыты. Текст может делиться и на другие части: так называемые отбивки (пропуск ряда строк), главки, главы и части. Кроме структурных, текст характеризуется рядом других особенностей.

Для понимания текста берется во внимание целый ряд показателей, характеризующих его содержание и структуру и называемых соответственно экстралингвистическими и интралингвистическими. В соответствии с различными видами коммуникативной задачи текст классифицируется на: 1) информирующий, 2) активизирующий, 3) разъясняющий. Эта коммуникативная задача текста (информировать, активизировать или разъяснить) теснейшим образом связана с автором-адресатом.

При изучении текста существенны такие характеристики автора, как мировоззрение, теоретический и практический опыт. Необходимо учесть также и особенности получателя информации — адресата, реципиента с его социальным положением, мировоззрением, видом трудовой и общественно-политической деятельности, образованием, потребностями и интересами. В связи с этим исследователи оперируют еще понятием пресуппозиции, под которой

понимается база для той информации, которую автор хочет донести адресату, фонд общих знаний читателей.

При исследовании текста летописи в этом плане вырисовывается такая картина. Летопись В. Юмсунова относится к историческим сочинениям, которые составляли один из важнейших жанров бурятской дореволюционной светской письменной литературы. Исторические хроники и родословные таблицы издавна были одним из любимейших занятий знатоков старомонгольской письменности. Хроники и генеалогические таблицы бережно хранились и передавались из рук в руки, из поколения в поколение.

Составители летописей и исторических сочинений, кроме устного народного творчества (преданий, легенд, мифов), своих личных наблюдений или услышанных от старых людей, широко использовали для своей работы документальный материал бурятских канцелярий и личных архивов тайшей, нойонов, а также монгольских летописей, в частности Саган Сэцэна и "Алтан Тобчи".

Особенно положительное влияние на них оказали традиции русской исторической науки. Это проявилось в том, что, восприняв форму и композицию монгольских летописей, бурятские авторы стали делать ссылки на сообщаемые ими факты, указывая дату и номер документа⁹. Они были хорошо знакомы с русской монголоведческой литературой, в частности "Сибирской историей" И. Фишера, "Полным собранием законов Российской империи" и другими работами.

Ввиду всего этого многие из летописей по своему содержанию, исполнению и композиции не стали укладываться в понятия "летопись" или "хроника". В.М. Залкинд отмечал, что некоторые бурятские летописи, например Вандана Юмсунова, перерастают рамки хроник и представляют историко-этнографические очерки, разделенные на главы по тематическому, а не хронологическому принципу¹⁰. В этих документальных очерках излагаются факты и явления общественной жизни в истолковании их автором, зачастую воспроизводятся реальные факты, события, лица, увиденные автором непосредственно в самой жизни или описанные со слов очевидцев. Последнему обстоятельству исследователи придают весьма важное значение, ибо многие документы, на которые ссылаются авторы, не сохранились в государственных архивах. Кроме того, сообщаются детали, основанные на личном наблюдении, которые отражают настроение бурятского общества того времени.

Таким образом, с точки зрения коммуникативной задачи изучаемая нами летопись относится в основном к классу информирующих текстов с элементами активизирующих текстов, в частности к текстам научно-популярного характера, знакомящих читателя со знаниями, добытыми отчасти путем исследования и анализа, отчасти путем прагматических умозаключений.

Летопись В. Юсупова имеет стройную композицию, состоит из введения, 12 глав и колофона. Каждая глава представлена пронумерованными абзацами, содержащими субподтемы. Тема "История хоринских бурят" является семантической базой текста, которая деагрегируется на следующие подтемы: 1) происхождение хоринских бурят, 2) вероисповедание, 3) управление, 4) земле-владение, 5) нравы, 6) образ жизни, 7) официальная служба. Каждая подтема состоит из семантически более конкретных элементов - субподтем. Процесс раскрытия данной темы представлен в виде иерархии подтем и субподтем, появление которых дополняет, насыщает тему текста, позволяет более достоверно раскрыть ее. В качестве основного признака иерархии выделяются самостоятельность и соподчиненность отдельных подтем текста.

Как отмечают исследователи, понятие "интеграция" интерпретируется в теории текста как свойство, обуславливающее связность текста. Иерархия и интеграция, отражающие свойства речемыслительной деятельности коммуникаторов, тесно связаны между собой^{II}. Смысловая целостность текста, тесная органическая взаимосвязь его семантических компонентов (подтем) обеспечивают восприятие темы как единого целого.

Данная тема реализуется в виде развертывания подтем текста которые представляют собой динамику субподтем. Каждая субподтема в синтаксическом плане оформлена в виде сложного синтаксического комплекса (ССК), который является доминирующей синтаксической единицей нашего текста. Так как ССК - единство, состоящее из множества компонентов - зависимых предикативных единиц, с финитным сказуемым, то такое единство мы рассматриваем как единицу сверхфразового уровня. Эти речевые построения выражают взаимосвязанные языковые явления действительности на ярусе более высоком, чем суждение.

О.А. Нечаева считает единицы сверхфразового уровня особыми функционально-смысловыми типами речи. Этими типами речи являются описание, повествование и рассуждение^{IK}.

ССК нашей летописи по своей конкретной структуре отличаются от сверхфразовых единств, изучаемых русистами. Но они по своему содержанию и языковой организации относятся именно к этому классу явлений. Поэтому, на наш взгляд, их вполне можно рассматривать как функционально-смысловые типы речи, складывающиеся не из одного или двух языковых средств, а являющиеся совокупностью, целостной системой выражения мысли. По функциональному признаку наши ССК принадлежат, в основном, к повествовательному типу.

О.А. Нечаева к повествовательному типу речи относит "сообщения о развивающихся действиях или состояниях, располагающих для реализации своей функции специфическими языковыми средствами"¹³. Например: "Teyin bayitala=tede yeke degedü ejin imperatur Nigedüger Цайсангдур цаган бар=арад амитани анган өршигэ-жү=тедегер-ийен елдеб будуй ба ициргене ning qalayun такул-нуд-аца арсилагу-йин тулادا=1808 он-ду qori-yin медел-үн Jon doturača 19 böged угаган ба шидалтай нигур-нуд-и сунгуагулан=тедегер-үн ros emci-ner лиикар-нуд-ун сунгуагулин-а абу=абурал-ту үкер чөчөг таригу-йин тула сунгуагад=теден-дүр санг-аца салин өгсү=теден-ү алба побиности елдеб егелжийен-нүд-и көнгүлөжү Jon doturača moris-ud-i unaжу sayad үгеи убагу-йин улаган-у Jakirulta-nudi qayiralan=Jon-dur yabuyulaжу=абарал-ту үкер-үн чөчөг-и цимдагулан тариулавсан-ийар уридуни болудуй будуй-а такул-ану жоусожу=арад бар тегүн-ече агуу үгеи амургад=тедегер чөчөг тариүцид-ану=абурал-ту үкер чөчөг-үд-үн үшиниг кенен нерегедеге буи=".

Русский перевод: "Тем временем его величество государь император Александр I оказал внимание и милосердие к людям и приказал в 1808 году, в целях охранения их от оспы и различных сыпей, горячек и поветрий, выбрать из среды народа Хоринского ведомства 19 умных и способных лиц и, приняв их в русские лекарские школы, обучать их производству предохранительных прививок коровьей оспы, дать им казенное содержание, освободить их от повинностей и соблюдения всяких казенных нарядов. Он соизволил издать распоряжение насчет подвод на предмет беспрепятственного передвижения их верхом на конях (которые представлялись бы им) народом, послал их к народу и приказал производить предохранительные прививки коровьей оспы, благодаря чему прежде появлявшиеся эпидемии оспы приостановились, народ

перестал их бояться и получил покой. Что же касается тех, прививающих оспу, то они называются оспопрививательными учениками".

Этот ССК представляет собой довольно подробное информационное повествование, так как в нем сообщается о расчлененных, хронологически последовательных действиях или состояниях одного и того же или нескольких субъектов в данной конкретной обстановке в пределах одной микротемы ("Оспопрививание").

Данный ССК состоит из 4-х блоков, в первом подлежащее - *Ilaysangdur qayan bar*, во втором - *taqul anu*, в третьем - *arad bar*, в четвертом - *tariyücid anu*. Опустив некоторые несущественные второстепенные члены, этот ССК можно трансформировать в ряд самостоятельных предложений, связанных по смыслу: "Nigedüger Ilaysangdur qayan bar üker-ün cecceg-i cimdäyulan tariyulabai. (Tegün-ece) buduy-a taqul anu joy sobai. Arad anu amurabai. Tedeger cecceg tariyücid anu üsinig kemen nerelegdedeg bui".

Такая трансформация свидетельствует о том, что инфинитные формы в этих блоках функционируют в роли финитных форм. Таковыми здесь являются: *tariyulaysan-iyar* (прич. прош. вр. в орудн. пад.), *joysofu* (соединит. дееприч.), *amurayad* (раздел. дееприч.). Эти формы, функционируя в роли финитного сказуемого, не зависят от конечного сказуемого *nerelegdegeg bui*. В отличие от них инфинитные формы внутри этих блоков зависят от субъекта и сказуемого этих блоков. К субъекту *Ilaysangdur* относятся *örsiyeju* (соед. деепр.), *arsilaqu-yin tulada* (буд. прич. в род.п. с послелогом *tulada*), *abcu* (соед. деепр.), *suryayad* (разделит. дееприч.), *ögcü* (соед. деепр.), *yabuylaju* (соед. дееприч.), *qayiralan* (слитн. деепр.).

Все они, по традиционной терминологии, образуют простые деепричастные и причастные обороты. Сказуемые блоков выполняют функцию связи между блоками. Все 4 блока, если не иметь в виду тот факт, что их предикаты не являются конечными формами, соответствуют по структуре и содержанию простым предложениям. Если учесть, что 2-й и 3-й блоки производят впечатление однородности, то между ними и 1-м блоком можно усмотреть отношение подчиненности, а именно причинно-следственное отношение. Таким образом, 1-й, 2-й, 3-й блоки условно представляют собой сложную полипредикативную конструкцию, в которой 1-я часть является зависимой, а 2-я, 3-я части - главными.

Конечный предикат этого ССК выражен многократным причастием в форме страдательного залога *nerelegdedeg* с глагольной связкой *bui*, являющейся формой причастия настоящего времени вспомогательного глагола *bo* - быть. Данный ССК имеет общий связующий элемент - *teyin bayitala*. Кроме того, в качестве таких элементов выступают формы указательных местоимений: *tegün-eče* (3-й блок), *tedeger* (4-й блок). Этот ССК можно рассматривать как одно очень распространенное сложное предложение смешанного типа.

Кроме повествований, встречаются описания и, реже, рассуждения, а также контаминированные функционально-смысловые типы речи. Характерны ССК такого синтаксического построения: "Angqan-u say-tu-burqan-u sašin-bay-a delgeregsen=blam-a bayıi-nar üseken-eče yadna=nige jarim-ud bar=böge-nerün mörgül-i šitüdeg aysan-iyar-buyan niyul-ün ilyal ba nom-un-ču činar medekü ügei=Bey-e yasun anu tomu=Tusburi öber öberün yurim durabar ayacılan yabuqu=Qoyordumda-ban obuy obuy-iyar qamturan neyilekü=nügüge šidurki=jon-iyar aliba mal-nud bolun=ed tavar-i degermedelge-ber buliyan abqu kiged=nomu somu sayaday quyay duuly-a terüten-i čidaqu činege-ber kičiyenggüyilen=čerig-üd jebseg-ud-i tükiyeren beledkejü tede-iyen aysaju yabuyad=qoyordumba-ban tonjul alalčayan boluduy bōlüge-".

"В прежнеё время религия Будды была слабо распространена, лам и учителей было мало, и так как, кроме того, некоторые исповедывали шаманские верования, они не знали различий между добродетелью и грехами, а также свойств учения. Нравы были жестоки и грубы, жизнь долгой, тело и костяк - большие, каждый вел себя, как он хотел и как он считал правильным. Объединялись родами, костями или группами юрт. Грабили и отнимали у других, близживущих людей разный скот и имущество и, проявляя радение, по мере сил, к лукам, стрелам, колчанам, панцирям, шлемам и прочему, подготовляли войска и оружие. Последнее они носили и совершали в своей среде грабежи и убийства".

Данный фрагмент представляет собой описательный вид речи, поскольку показывает синхронную картину нравов хоринских бурят ХУП - ХУШ вв. Он представляет собой экспозицию к подтеме "О нравах". О.А. Нечаева определяет описание как "функционально-смысловой тип речи, являющийся ее типизированной разновидностью, как образец, модель монологического сообщения в виде перечисления одновременных или постоянных признаков предмета в

широком понимании и имеющий для этого определенную языковую структуру"¹⁴. В то же время в этом ССК имеются элементы повествования.

Данный ССК состоит из 8 блоков, в 1-м субъект - *ya'in*, во 2-м - *blam-a bay'i-nar*, в 3-м - *nige Jarim-ud*, в 4-м - *aburi Jang anu*, в 5-м - *nasun anu*, в 6-м - *beu-e uasun anu*, в 7-м - субъект опущен, предполагается *tedener*. в 8-м - также отсутствует, предполагается *tedener*.

В блоках в качестве сказуемых выступают: 1) *delgeregen* (прич. прош. вр.), 2) *iseken-ese* (прилагательное в форме исходного падежа с послелогом *uadna*), 3) *medekü ügei* (отриц. форма будущего прич.), 4) *qatayu sirigün* (парное прил.), 5) *ur-tu* (прил.), 6) *tomu* (прил.), 7) *ayacilan yabuqu* (аналит. форма будуч. прич., состоящая из слитного деепричастия *ayacilan* и вспомогательного глагола *yab-* в форме прич. буд. времени), *qamturan neyilekü* (аналит. образование будущего прич., состоит из синонимичных слов, первый компонент - в форме слитного деепр.), *buliyan abqu* (аналит. форма буд. прич., состоит из слитного деепр. *buliyan* и вспомог. гл. *abqu*), 8) *boluduy* (многократное прич. с глаг. связкой).

Эти сказуемые блоков не зависят от конечного сказуемого последнего звена (*qoyordumda-ban tonoyul alalçayan boluduy bölü-ge*). Выделенные блоки по структуре и содержанию соответствуют простым предложениям. В 3-м блоке имеется инфинитивное сказуемое *aitüdeg aysan-iyar*, подчиняющееся предикату данного блока. Оно выражено сочетанием многократного причастия (*aitüdeg*) с формой орудного падежа прошедшего причастия (*aysan-iyar*) вспомогательного глагола *a-* быть.

В 7-м блоке представлены три однородных сказуемых блока, выраженных причастием будущего времени. 1-й, 2-й и 3-й блоки грамматически и по смыслу можно объединить в одну сложную полипредикативную конструкцию, связанную посредством скрепы *uadna*. 8-й блок представляет собой моносубъектную простую полипредикативную конструкцию с двумя сказуемыми, выраженными соответственно слитным деепричастием *kiciyenggüyilen* и *tükiyeren belde jü* (парный глагол в форме соединительного деепричастия, 1-й компонент - слитное деепричастие).

Конечное сказуемое данного ССК выражено многократным причастием *boluduy* в сочетании с глагольной связкой *bölüge*, явля-

ющейся формой заведомо-прошедшего времени вспомогательного глагола бө - быть.

Схема данного ССК

Предл.	Сложно- прост.	Прост.	Прост.	Прост.	Прост.	Прост.
	подчин.	предл.	предл.	предл.	предл.	предл.
Прид.	Прид.			д/п об.	д/п об.	д/п об.
прич.	прич.					

Каждый из этих блоков может составить в современном литературном языке самостоятельное предложение, некоторые из них будут неполными, двусоставными. Но в старомонгольском языке они приобретали окончательный вид только с помощью финитной связки bölüge.

данный ССК в трансформированном виде на современный литературный язык: "Анхан сагта бурханай шажан бага дэлгэрхэм; лама багшанар үсөөхэнһеэ гадна, нэгэ зариманууд, бөөнэрэй мургэлье шүтэдэг ушарһаа буян нүгэлэй илгал ба номойшье шанар мэдэхэгүй; абари зангын хатуу шэрүүн, наһанинь ута, бэе яһанинь томо; тус бури өөр өөрын гурим дураар ашалан ябадаг, хоорондоо обог обогоор хамтаран ниилэдэг, өөрынгөө шадархи зонойнгоо алибаа малнууд болон эд товарые дээрмэдэлгээр булян абадаг ба номо номо, наадаг, хуяг дуулга гэхэ мэтые шадаха шэнээгээр хэшээнгылэн, сэрэг зэбсэгүүдые тухээрэн бэлэдхэжэ, тэдэнээ агсажа (үлгэжэ, зуужэ) ябаад, хоорондоо тонуул аласаан болодог байгаа".

Все единство объединено конечным показателем bölüge (совр. бэлэй), т.е. его можно присоединить ко всем выделенным звеньям. Иными словами, все части, за исключением последней, характеризуются отсутствием связки bölüge. данный ССК имеет параллельный вид паратаксиса, что характерно для описания. 8-е и 9-е звенья соединены союзом kiged (совр. ба - и). Кроме того, компоненты с 3-го по 9-й объединены эксплицитно не выраженным, но подразумевающимся субъектом "хоринский народ", который также можно присовокупить к каждому из указанных компонентов.

Автор летописи придерживается единого плана повествовательно-описательного тона, стремясь придать более достоверный и объективный характер изложению. В повествовании не встречаются авторские отступления, которые могли бы отразить субъектив-

ное отношение пишущего к изображаемым эпизодам, конструкции с модальными показателями. лишь в редких рассуждениях можно увидеть авторскую позицию к сообщаемому. В главе "Об образе жизни" хоринских бурят В. Амсунов выражает сожаление по поводу того, что со временем стали забываться такие традиционные развлечения, как стрельба из лука по мишеням, называемые бай сур и тунху: "... edüge oyir-a çay-un teyimü suryülinar qurıyaydun ügei bolqui-dur-nomon somoң ügei boluyad-yaуça nige yaјar-a teyimü Jebbeg bayıbacu-tere metü juуа kikü ügei-meyin utayan äroi-du daruydaju gamcilge-tei metü bayıday=".

В данном фрагменте причиной озабоченности и сожаления автора послужил вид заброшенных лук и стрел, которые находятся в столь плачевном состоянии по причине того, что перестали проводиться такого рода состязания. В переводе данная конструкция звучит так: "Между тем ныне, когда в недавние времена такие упражнения стали выводиться, луки и стрелы исчезают, и хотя в одной какой-нибудь местности такое оружие и водится, но забав такого рода уже не устраивают. Они лежат, к сожалению, просто так, покрытые пылью и копотью".

В целом ССК, являющиеся основным смысловым и структурным элементом текста летописи В. Амсунова, представляют собой подпредикативные конструкции с зависимыми предикативными единицами и монофинитным синтаксическим механизмом построения. Аналогичные конструкции в современном литературном бурятском языке бытуют как несколько простых или ряд сложных предложений, связанных между собой союзами харин, зүгөөр, теэд, глагольными заменителями иһэ, тиһэ, местоимениями энэ, эдэ, тэрэ, тэдэ, наречиями тэрэ үедэ, энэ үедэ, тэрэ дары, а иногда только интонацией¹⁵.

Таким образом, ССК как основная синтаксическая единица текста В. Амсунова содержит субподтему (ограниченную микротемой) и представляет собой определенный функционально-смысловой тип речи (повествование, описание, рассуждение).

¹ См.: Доржиев Д.-Н.Д. Язык старомонгольской письменности Бурятии: дис. канд. филол. наук. - М., 1955; Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. - Улан-Удэ, 1972.

- 2 См.: Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. - М.; л., 1941. - С. 171.
- 3 Там же.
- 4 См.: Современный русский язык. - М., 1979. - С. 220-221.
- 5 См.: Реферовская В.А. лингвистические исследования структуры текста. - л., 1983. - С. 6.
- 6 См.: Скрибник Е.К. Способы выражения субъекта в системе зависимой предикации (на материале бурятского языка): Дис. канд. филол. наук. - Новосибирск, 1980. - 194 с.
- 7 Такой термин нам подсказал Г.Ц. Пурбеев, за что выражаем ему признательность.
- 8 Пурбеев Г.Ц. Типы сложных предложений в монгольских языках. - М., 1979. - С. 127.
- 9 См.: Румянцев Г.Н. Бурятские летописи как исторический источник // Тр. Бурят. комплексного научно-исследовательского ин-та. - Улан-Удэ, 1960. - Вып. 3. - С. 13.
- 10 См.: Задкин Е.М. Общественный строй бурят XVIII и первой половины XIX века. - М., 1970. - С. 16.
- 11 См.: Скирдач О.М. лингвистические принципы тематической организации текста (к проблеме динамики текстовых структур): Дис. канд. филол. наук. - М., 1984. - С. 49.
- 12 См.: Нечаева О.А. функционально-смысловые типы речи: АДД. - Улан-Удэ, 1975. - С. 3.
- 13 Нечаева О.А. функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). - Улан-Удэ, 1974. - С. 99.
- 14 Нечаева О.А. Указ. соч. - С. 94.
- 15 См.: Цыдыпов Ц.-л.Ц. Буряад хэлэнэй синтаксис. - Улан-Удэ, 1985. - С. 132-133.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ БУРЯТСКИХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Собственное имя, как и всякий лексический элемент, выполняет определенные функции в грамматической структуре высказывания. При этом особых специфических функции у имен собственных нет. Основная грамматическая функция онимов — выражать в предложении подлежащее и дополнение¹. Однако нельзя не согласиться и с тем, что наличие у имен собственных делимитативной (различительно-выделительной), дейктической (указательной), дескриптивной (описательной) и ряда других функций вносит определенное своеобразие в их употребление. В частности, исследователями отмечалась особая роль имен собственных в художественном произведении².

На материале бурятской онимии специальных исследований по вопросам синтаксиса пока еще не предпринималось. Как известно, проблема изучения синтаксических характеристик имени собственного возникает при анализе состава неоднословного имени и изучении употребления любых имен в контексте³. Безусловно, в соответствии с задачей нашего исследования предпочтительнее обращение к речевому произведению, поскольку синтаксическую роль имен собственных можно выявить в определенном контексте. Рассмотрим синтаксические функции бурятских собственных имен на материале произведений устного народного творчества. Остановимся на анализе онимов улигера "Абай Гэсэр"⁴.

Данный текст записан известным собирателем фольклора И. Н. Мадасоном у сказителя Неохона Петрова — одного из лучших знатоков бурятского героического эпоса. По свидетельству А. И. Уланова, подготовившего издание настоящего варианта Абай Гэсэра, "записан улигер И. Н. Мадасоном с большим вниманием. Он сам хорошо знает языковые особенности того говора, на котором говорит И. Петров. Улигер записан без использования транскрипции, но с фиксированием наиболее значительных отклонений от правил орфографии; записан так, как говорил улигершин, со всеми архаическими, диалектными, заимствованными словами. Если в

* См.: Абай Гэсэр / вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарии к нему А. И. Уланова. — Улан-Удэ, 1960.

отношении фонетики нельзя считать запись идеальной, то в отношении изучения архаизмов, диалектизмов, заимствованных слов, синтаксиса она может быть признана вполне надежной"⁴. Примечательно, что опубликованный текст подготовлен А.И. Улановым с сохранением всех особенностей оригинала собирателя.

Работа по выявлению имен собственных в анализируемом тексте облегчена тем, что онимы в улигере написаны с прописной буквы. Правда, терминированная часть имени пишется со строчной. Сказанное выше позволяет считать избранный для лингвистического анализа текст вполне корректным.

Для бурятского героического эпоса так же, как и для эпоса многих тюрко-монгольских народов, характерно наличие множества имен собственных⁵. В рассматриваемом варианте сказания о Гэсэре встречается около 150 антропонимов, мифонимов, теонимов и топонимов. Причем большая часть из них отличается сложной композиционной структурой. Учитывая функциональную специфику антропонимов, мифонимов, теонимов и топонимов, очевидно, следует сгруппировать все имена по следующим признакам: 1. Имена, обозначающие одушевленные существа и 2. Имена, обозначающие географические объекты. В первую группу включим имена, относящиеся к главным действующим лицам улигера (батыры, тэнгрии, чудовища), а во вторую – топонимы, т.е. географические названия.

Анализ неоднословных имен одушевленных существ показывает, что в основном эти именованья представляют собой двух- и трехкомпонентные образования: Иргай Баатор, Наран Гоохон, Шаррагшахан одигон; Гал Дулмэ хаан, Ганга Бүрэд хаан, Гурбан Ылхин тэнгри, Улаанай Богдо хаан и др. В процентном соотношении двухкомпонентные имена баторов, тэнгриев и чудовищ составляют около 40%, а образования на трехкомпонентной основе – примерно 50%. Встречаются именованья, включающие в свой состав четыре компонента: Гурбан гээгнэр бурхан ахбай – три божественные сестры-спасительницы. Ширэм минаата альбан шулма – дьявол с чугунным кнутом. Ёргоон нээм нахалтай уггэн – старик с бородой в шесть четвертей. Подобные именованья составляют чуть более 1%, столько же приходится на имена, включающие в свой состав более четырех основ: Гунан үхэрэ шэнээн хара хулгана – черная мышь величиной с трехлетнего быка. Мориной толгойн шэнээн шара хэдэгэнэ – желтая оса величиной с лошадиную голову.

Географические названия, встречающиеся в анализируемом

источнике, составляют 34 единицы. В основном это двухкомпонентные образования, большей частью содержащие в своем составе номенклатурный географический термин. В качестве компонентов названия встречаются следующие термины: газар - земля, местность, гол - долина, далай - море, дэлхэй - земля, нуур - озеро, уула - гора, хада - в том же значении.

Определяющая же часть названия включает субстантивированный адъектив: мунхэ - вечный, хара - черный, шара - желтый. В отличие от названий одушевленных существ, в которых не встречается компонент в форме генитива, среди географических названий присутствует данная форма: Бульжамууртын урам (орон) - страна жаворонков, Дохолони газар - земля хромых, Шонын гол - волчья долина, Шаажагайн гол - сорочья долина, Хэрэйн гол - долина воронов, Эмээлтэн гол - долина седла, Номотын гол - долина стрелы. Кроме того, субстантив используется также и в форме совместного падежа с лексическим значением "имеющий что-либо": Элиэнтэ уула - песчаная гора, Мульэтэ далай - ледовитое море, Мэнгэтэ уула - серебряная гора. Очевидно, мотивация топонимов основана на признаках, бросающихся в глаза. Можно предположить, что процесс онимизации используемых в названиях субстантивов завершен, так как мы имеем форму с кратким финальным гласным, а не дифтонгом.

В структурном отношении интересны образования из трехкомпонентных основ: Альбан тамайн оеор - дно подземелья, ада, Хулхата сагаан нуур - камышовое белое озеро. Образование трехкомпонентной структуры именовании в данном случае вызвано необходимостью указания на несколько признаков объекта с целью идентификации последнего. Весьма любопытно в этом смысле образование топонима Тулээ үгэй газар - местность без дров. Вероятно, процесс онимизации апеллятивов в данном случае представляет начальную стадию.

Следует остановиться и на названиях, в которых использованы наречия. Обращает на себя внимание образование парных именовании: Дээдэ замби - верхний мир (вселенная) и Доодо замби - нижний мир (вселенная). Образование парных именовании типично для топонимической системы, ср. пары слов, используемых в современных названиях: хойто - северный, урда - южный; баруун - западный, зүүн - восточный; дээдэ - верхний, доодо - нижний; ехэ - большой, бага - малый; хүйтэн - холодный, дулаан

- теплый; ундэр - высокий, набтар - низкий.

Встречается в описываемом тексте географическое название, состоящее из четырех компонентов: Ухэлэнги газари саада бии - сторона за землей смерти. данную фразу следует также отнести к топонимам, она включает в себя элемент описания, который впоследствии отступает на задний план, а главной функцией образованного топонима становится дейктическая.

В целом же основная задача топонимов в рассматриваемом источнике - служить ориентиром, т.е. главными ономастическими функциями топонимов выступают дейктическая, делимитативная и уж потом только дескриптивная, хотя функционирование топонима начинается обычно с описания объекта.

В онимических образованиях дичного повествования наблюдается четкий порядок компонентов названия. В двухкомпонентных именах определяющая часть предшествует определяемой: Бүхэ Билигтэ, Шара Хасар, Харабсар шубуун; Сахидаг уула, Мөөрэн гол, Шара далай. Подобный порядок характерен и для апеллятивных словосочетаний в бурятском. Возможен вывод о том, что онимические образования улигера свидетельствуют об определенной последовательности порядка слов в бурятском. Как правило, определение употребляется перед определяемым словом (ср.: онимические и апеллятивные образования в русском языке: гора Высокая, река Быстрая и высокая гора, быстрая река, где определяющая часть находится в постпозиции и препозиции. Данное обстоятельство свидетельствует о достаточно свободном порядке слов в русском).

Примечательно, что терминированная часть названия в географических именах никогда не опускается, т.е. мы не наблюдаем процесс эллипсиса, который имеет большое распространение в топонимии. Несмотря на то, что географические имена упоминаются в повествовании неоднократно и в случае самостоятельного употребления субстантивированной части названия контекст помогает правильному восприятию названия, сказителем используется весь компонентный состав топонима:

Хатан гэгшэ голоо
Дэргэдэнь хүрэбэ⁰.

Прибыли они в свою
долину Хатан.

Хатан гэгшэ голоо
Узууртан хүрэжэ
Алма Мэргэн хатанайдаа

В низовьях своей долины Хатан
у Алма Мэргэн-жены
он остановился

Урмай Гоохон хатантаяа
Гушан гурбан баатартаяан бууба⁷.

Арбадахи үдэртэ
Арай гэжэ сэлмэжэ,
Урмай Гоохон хатаа
Хатан гэгшэ голос
Талданда абааша Һуулгажа...⁸

Хатан гэгшэ голи толгойдо,
Түмэн Яргалан хатанаа
Үзэлэнги Һайхан үргөөгтэ
Ерэжэ оробод⁹.

с Урмай Гоохон-женой,
с тридцатью тремя баторами.

На десятый день [Гэсэр],
едва отрезвившись,
Урмай Гоохон-жену увез
на середину долины Хатан...

прибыли в верховья долины Хатан
к невиданной красоты дворцу
Түмэн Яргалан-хатан
и вошли.

Элемент гэгшэ < гэхэ в значении "тот самый" обычно употребляется при собственных именах, наименованиях должности и специальности людей¹⁰. Как видно из приведенных примеров, в топониме Хатан гол определяющая часть не меняет своей формы, а терминированная часть названия представлена парадигмой существительного гол. Рассматриваемый топоним выполняет в предложении функцию обстоятельства места.

Анализ трехкомпонентных структур показывает, что в составе этих образований два компонента служат определением третьего: Гурбан мана тэнгри - три туманных тэнгрия, Гурбан бурэн тэнгри - три сумеречных тэнгрия, Гурбан дулэн тэнгри - три пламенных тэнгрия; Гурба Дибез гол - три долины Дибе, Хульата сагаан нуур - камышовое белое озеро. Здесь слова-определения также предшествуют определяемому слову.

Среди трехкомпонентных структур обращают на себя внимание образования при помощи генитива: Альбан тамайн оёор - дно под-земелья, ада; Үхэлэнги газари саада бии - сторона за землей смерти. Форма родительного падежа в подобных названиях служит средством образования онимов. Независимо от части речи, которой выражена определяющая часть (имя числительное, прилагательное), субстантивация, происходящая в процессе онимизации апеллятивных основ, позволяет воспринимать все компоненты наименования как существительные.

В целом онимическое образование, обозначающее конкретное лицо или определенный объект, независимо от его компонентного состава функционирует в предложении как имя существительное и связывается с другими членами предложения через парадигму суб-

стантива. Причем морфологическая парадигма именования представлена его терминированной частью, а предшествующие этой части компоненты находятся в форме номинатива.

Осуществление связи онама с другими словами посредством парадигмы терминированного компонента не означает сохранения атрибутивных свойств компонентов, выступающих в роли определения. Объясняется это субстантивацией адъектива.

Бытование в улигере таких многокомпонентных наименований, как ширэм минаата альбан шулма – дьявол с чугунным кнутом, Гунан ухэрэ шэнээн хара хулгана – черная мышь величиной с трехлетнего быка, Мориной толгойн шэнээн шара хэдэгэнэ – желтая оса величиной с лошадь, свидетельствует о том, что в ономастике исследуемого улигера используются именования, служащие одним из средств создания образности. В данном случае мы наблюдаем проявление образной функции имен собственных. Образование подобных онимов основано на ассоциативном сопоставлении.

В ономастической литературе отмечается, что круг собственных имен, используемых при ассоциативном сопоставлении, изменяется не только в зависимости от социальных преобразований, но и от развития культурно-литературной традиции¹¹. В настоящее время имена, образованные на ассоциативном сопоставлении, бытуют в сфере вторичных антрспонимов, чаще всего в качестве прозвищных имен¹². Приведенные выше примеры представляют интерес и с точки зрения эволюции системы онимии бурят. Мы разделяем мнение А.Г. Митрошкиной, считающей, что "для того чтобы проследить эволюцию системы личных имен бурят, ранее не имевших письменности, необходим массовый материал разных синхронных срезов, записанный по возможности без пробелов между ними"¹³. Совершенно верно указывает автор далее: "Такого рода материалы можно извлечь только из устных преданий и антропонимических родословных таблиц"¹⁴. На важность обращения к родословным таблицам при изучении бурятской антропонимии указывал Ц.В. Цыдендамбаев¹⁵.

Онимы-словосочетания представлены производными от однословных онимов: Манзан шуумар, Сагаан Бургээ, Урмай Гоохон, Эржэн Шуумар. На отонимическое образование названных наименований указывают, во-первых, субстантивный характер прилагательных, входящих в состав этих наименований, и, во-вторых, написание компонентов имени со строчной буквы. В отапеллятивных на-

званиях преимущественно использованы имена прилагательные (Алтан шагай, Баян Хангай, Бүхэ Билигтэ).

Среди таковых представлены прилагательные, обозначающие стороны горизонта: баруун - западный (Баруулама дээдэ тэнгри), зуун - восточный (Зуулэмэ дээдэ тэнгри), цвет: сагаан - белый (Сагаан Хасар), шара - желтый (шара Хасар), хара - черный (Хара Хасар), улаан - красный (Шуһа улаан тэнгри), другие качественные характеристики объектов: мунгэн - серебряный (Мунгэн шагай), бүхэ - крепкий (Бүхэ түгэлдэр), баян - богатый (Баян Хангай).

Многочисленны названия, включающие в свой состав числительные (Гурбан гээгнер бурхан ахбай, Газари дурбэн хэнзээ, Табан номто бурхан, Долоон хара шолмосууд, Шэн бөөлүүр тэнгри). Особенно частотны именованья с компонентом гурбан (Гурбан манан тэнгри, Гурбан бүрэн тэнгри, Гурбан хируу тэнгри, Гурбан ьалхин тэнгри, Гурбан эмээршэн тэнгри, Гурбан дүлэн тэнгри). Безусловно, это связано с определенной символикой, отражающей мифологические воззрения бурят. Чаще используются в анализируемых именах нечетные числительные.

Из имен существительных, входящих в состав именованья, обращают на себя внимание существительные, относящиеся к терминам родства: хатан - супруга, жена, ахбай - сестры, үтөөдэй - бабушка, эсэгэ - отец, хубуун - сын (Алма Мэргэн хатан, Гурбан гээгнер бурхан ахбай, Мачзан Гүрмэ үтөөдэй, Хара Манзан үтөөдэй, Эсэгэ Малаан тэнгри, Олзобой хубуун).

На эти термины, как и на другие, падает нагрузка быть связующим звеном имени собственного с другими словами. В тексте улигера есть употребление многокомпонентных именованья, оформленных в своей терминованной части посредством падежных флексий, которые и связывают данные онимические образования с другими членами предложения:

Урмай Гоохон хатандаа
Хатан гэгшэ голи таңдалда
Үзэлэнги гое
ли баряад үгөө¹⁶.
Хатан гэгшэ голи талданда
Үзэлэнги гое аалитай
Урмай Гоохон хатан
һуудалтай байба¹⁷.

Жене Урмай Гохон
на середине долины Хатан
выстроил дом
невиданной красоты.
На середине долины Хатан
в доме невиданной красоты
Урмай Гохон-жена жила.

В парадигме терминированной части названий употреблены все падежные формы. В составе таких собственных имен, как Сэгээн Сөбдэг-тэнгэри и Алтай Улаан-тэнгэри, использованы следующие падежные формы:

тэнгэри
тэнгэриин
тэнгэрииндээ
тэнгэриез
тэнгэритэээ
тэнгэръээн¹⁸.

Наряду с употреблением именованной, содержащих терминированную часть, допускается опущение этой части в онимах, обозначающих одушевленные существа. Причем подобное явление для данного текста нетипично. Случаи употребления имен собственных, образованных на многокомпонентной основе, без терминированной части единичны. Наряду со словосочетаниями Абай Гэсэр хаан, Абай Гэсэр хаанай, Абай Гэсэр хаанда, Абай Гэсэр хаае, используются Абай Гэсэр, Абай Гэсэрээ, Абай Гэсэртэээн¹⁹.

Факт употребления онимов с опущением терминированной части в этом случае можно объяснить, на наш взгляд, значением именованной в семантическом плане. Ведь речь идет о главном герое произведения. Предельная известность именуемого объекта позволяет допустить употребление безтерминированного компонента. Но в названиях географических объектов опущение терминированной части именованной отсутствует. Вероятно, данный факт следует объяснить тем, что без терминированной части совершенно неясно, к какому именно объекту относится топоним. Ономасты отмечают, что данное положение справедливо для всех языков и топонимических систем, т.е. является одной из топонимических универсалий²⁰.

Следует выделить географические названия, в которых определяемая часть и определяющая часть связываются способом примыкания, т.е. не имеют никаких специальных грамматических показателей, их соединяющих: Хатан гол (ср. апеллятивы хатан - ханша, царица, княгиня; принцесса, царевна, княжна; госпожа, барыня и гол - долина), Холбоо уула - гора Холбо (ср. апеллятивы холбоо - связь, союз и уула - гора), Шулуун туби - каменная страна (ср. апеллятивы: шулуун - камень и туби - земля, мир; вселенная; страна).

Проведенный анализ имен собственных улигера "Абай Гэсэр" позволяет сделать следующие выводы:

1. Онимы улигера представлены в основном образованиями многокомпонентного характера, функционирование которых зависит от разряда онимов (антропонимы, теонимы, мифонимы и топонимы).

2. В многокомпонентных онимических образованиях наиболее широкое распространение имеют именованя, состоящие из:

а) сочетания имен существительных и прилагательных;

б) менее распространены сочетания: существительное + существительное;

в) реже встречаются сочетания: числительное + существительное;

г) встречаются сочетания: наречие + существительное;

д) используются и предложные конструкции.

Процесс онимизации апеллативов субстантивирует все части речи.

3. Компоненты имени собственного располагаются в строго определенном порядке: терминированная часть имени собственного занимает постпозицию.

4. Грамматическая связь между определяющим и определяемым компонентами именованй выражается конструкциями генитива, комитатива и локатива определяющей части. Кроме того, используется и примыкание. Грамматическая же связь онима с другими словами в предложении осуществляется через использование форм косвенных падежей терминированной части названия.

5. Имена собственные в улигере выступают в роли подлежащего, дополнения и обстоятельства.

6. Своеобразие синтаксических функций имен собственных объясняется влиянием экстралингвистических факторов.

Таким образом, лингвистический анализ онимической лексики улигера "Абай Гэсэр" в плане синтаксических функций имен собственных свидетельствует как об общих с именами нарицательными свойствах, так и об отличии рассмотренных онимов от соответствующих им апеллативов.

В целом же предстоит еще большая работа по изучению функций имен собственных в произведениях устного народного творчества.

Следующим этапом изучения синтаксических характеристик онимической лексики улигера может стать выявление частотности

тех или иных падежных форм и конструкций. Эти сведения могут быть полезны для истории бурятского языка при описании традиций, установлении более древних форм некоторых имен. Подобные исследования необходимы также для комплексного изучения бурятской системы ономии.

I См.: Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. - М.: Наука, 1973. - С. 276.

2 См.: Посадский А.Н. Мордовские имена и прозвища в "Счерках мордвы" П.И. Мельникова-Печерского // Ономастика Поволжья. - Саранск, 1976. - С. 348-350; Некрасова Е.А. Некоторые наблюдения над употреблением имен собственных в произведениях А. Вознесенского // Ономастика и норма. - М.: Наука, 1976. - С. 200-208; Михайловская Н.Г. Об употреблении собственных иноязычных имен в современной русской поэзии // Имя нарицательное и собственное. - М.: Наука, 1978. - С. 180-188; Зинин С.И. Антропонимический мир Гринландии. (Имена собственные в произведениях А. Грина) // Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы. - М.: Наука, 1979. - С. 317-329 и др.

3 См.: Суперанская А.В., Сталтмане В.Э. Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований. - М.: Наука, 1986. - С. 174.

4 Абай Гэсэр. Вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарии к нему А.И. Уланова. - Улан-Удэ, 1960. - С. 10.

5 См.: Филиппова Н.И. Собственные имена персонажей якутского олонхо и бурятского улигера // Вопросы языка и литературы народов Сибири. - Новосибирск, 1974. - С. 151-155; Субракова О.В. Собственные имена персонажей в хакасском героическом эпосе // "Джангар" и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. - М.: Наука, 1980. - С. 365-370 и др.

6 Абай Гэсэр. - С. 150-151.

7 Там же. - С. 150.

8 Там же.

9 Там же. - С. 151.

10 См.: Буряад-ород словарь. Бурятско-русский словарь / Сост. К.М. Черемисов. - М.: Советская энциклопедия, 1973. - С. 174.

II См.: Михайловская Н.Г. Указ. соч. - С. 151.

12 См.: Шулдунова Л.В. Прозвища в антропонимии бурят. - Улан-Удэ, 1985. - С. 63.

13 Митрошкина А.Г. Бурятская антропонимия. - Новосибирск: Наука, 1987. - С. 21.

14 Там же.

15 См.: Цыдендамбаев Ц.Б. Родословные таблицы бурят на письменном монгольском языке как источник изучения антропонимов // Бурятские антропонимы и отспонимы. - Улан-Удэ, 1981. - С. 8.

16 Абай Гэсэр ... - С. 73.

17 Там же. - С. 75.

18 Там же. - С. 20-22.

19 Там же. - С. 78-82.

20 См.: Литвин И.П. О структуре и функционировании названий физико-географических объектов в своей и чужой языковой среде (на материале некоторых европейских языков) // Ономастика. Типология. Стратиграфия. - М.: Наука, 1988. - С. 68.

СИТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

"Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все стороны, все связи и "опосредования"¹. В данной статье рассматривается одна из сложных проблем языкознания – модальность и ее лингвистические критерии. По словам Ц.Б. Цыдендамбаева, "в полное определение предмета входит вся человеческая практика и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку"².

В лингвистических исследованиях последних лет наметился переход к анализу текста, его смысла (в полном объеме), от анализа отдельных предложений. Идет широкий поиск понятия модальности. Л.И. Павлова³, изучая роль просодии в тексте, констатирует, что есть два типа информации – объективная, включающая предметную информацию о предметах, объектах действительности, событиях, фактах, тесно связанная с формами мышления (логическая мысль), и субъективная, т.е. ситуация-информация о степени достоверности знания говорящего о содержании высказывания, куда входят оценочная, экспрессивная и эмоциональная информации.

Любые бурятские высказывания с точки зрения субъекта и объекта (т.е. субъект – и предикат – как смысловые опоры мысли) представлены различными формами и значениями. В вопросительных высказываниях желание спрашивающего получить информацию и его обращение к собеседнику с целью удовлетворить свое незнание связаны с контекстом, т.е. предшествующим и последующим текстами. Примерами могут служить любые реплики в диалогической речи. Это как бы "обмен высказываниями, из которых второе зависит от первого, порождено им и в своей языковой форме отражает эту зависимость"⁴.

В зависимости от предшествующего и последующего текстов могут проявляться состояние знания говорящего и слушающего, отношение между говорящими и слушающими, возможности говорящего "проявить" свой собственный подход и мнение к предмету разговора. Все это обуславливает смысловые варианты высказываний.

- Зарим хонишод хонидоо эртээр туун гаргадаг бшуу.
- Энэ муу гу, али найн гу?
- Некоторые чабаны рано начинают пасти овец.
- Это разумно или неразумно?

Машинаагаа бугаад, ерэнэн газараа яаралгүй хаража сайтараа:

- Энэ гээшэ гу шини нутаг?

Спрыгнув с машины, неторопливо осматриваясь по сторонам, он задумчиво произнес:

- Это и есть твоя малая Родина?

(Д. Мункуев)

В приведенных примерах отражается различный объем знаний, общих для говорящего и слушающего, т.е. на модальной шкале градаций (если взять в целом) выделяются контекстуально выраженные группы высказываний. Высказывания могут отличаться не только разделительными (или альтернативными) вопросами, но и перестановкой темы и ремы (акцентным членением). Во втором случае акцентное выделение выражено служебным глаголом гээшэ — значит, есть, имеет место. При этом повышается прямая зависимость между объемом запрашиваемой информации и степенью распространения коммуникации, связанных контекстом. Если шире объем знаний в результате контекста, то смысл оценки вопроса сводится к определенным знаниям, полученным в ходе реплики, т.е. внимание акцентируется лишь на одной мысли.

-Углөөдэрьеэ агнахаяа гарахамнай. Тиймэньээ эдээ хоолоо, буу ьомоёо г.м. бэлдэхэ хэрэгтэй. Байза, булган, хэрмэн энэ жэл олон гэлсэгшэ.

- Ахай, удаан боложо бусаха хаяат?
- Завтра мы уже выходим на первую тропу, и поэтому надо подготовить необходимые (проверить) охотничьи снасти. Говорят, что нынче много белок и соболей.
- По всей вероятности, брат, вы не скоро вернетесь?

(Из радиопередачи)

В данном примере степень неопределенности и недостоверности исходит от шкалы полученной информации (здесь немаловажную роль играет интонация смысловой незаконченности), т.е. слушающий неуверен в своих предположениях и дает свою оценку действиям.

Таким образом, оценочная модальность характеризуется не-

которой объективностью, которая несет в себе чисто эмотивные значения, проявляющиеся факультативно. В то же время в ходе текстологического анализа обнаружилось высказывания чисто эмоционального характера. Предварительный анализ позволяет сказать, что оценочную модальность можно отнести к собственно-субъективной модальности. При этом интонация является основным лингвистическим средством выражения вообще модальности. Собственно-субъективная модальность тесно переплетена с выражением психологической направленности (проявление эмоции, экспрессии, аффекта). Это значит, что на первое место в системе синтаксиса выходит интонационное оформление любого высказывания.

В.И. Петрянкина выделила сигнификативные значения (отношение интонационного знака к смыслу – коммуникативной сущности высказывания) высказываний с точки зрения теории общего языкознания – синтагматическое и прагматическое значения интонации⁵.

Оценочная модальность – это широкое понятие. Это – не абстракция в сознании человека. Она отражает сущность данного момента. Если взять любые высказывания (будь то вопрос, восклицание, повествование), то в них "исподволь" прослеживается не только сигнальная функция говорящего по отношению к слушающему, но и обратная реакция по отношению к сообщаемому. В коммуникативную установку любого высказывания входит не только интонационная акцентировка, но и логически опосредованные слова, несущие информацию и обратную реакцию, т.е. это модально-временная парадигма⁶ на модальной шкале градаций.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т.42. – С. 290.

² Цыдендамбаев Н.Б. Марксистский диалектический метод и системность языка // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. – Новосибирск, 1984. – С. 34–41.

³ См.: Павлова Л.И. Роль просодии в выражении апеллятивного компонента информационной структуры текста: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1984.

⁴ Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису разговорной речи. – М., 1958. – С. 39.

⁵ См.: Петрянкина В.И. Функционально-семантический аспект интонации. – М., 1988.

⁶ См.: Петрянкина В.И. Указ. соч.

О КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ ТИПОВ ИМЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема словосочетания до сих пор остается одной из сложных проблем в современном языкознании, хотя ей посвящено немало исследований. Нет еще общепринятого определения словосочетания как лингвистической единицы. Многие отечественные и зарубежные лингвисты считают словосочетанием любую синтаксически организованную группу слов независимо от типа отношений, на которых она базируется (Л. Блумфильд¹, Б. А. Ильин², В. В. Бурлакова³ и др.). Более узкое понимание словосочетания ограничивается только подчинительными структурами. Эта точка зрения была выдвинута академиком В. В. Виноградовым⁴ и поддержана в отечественном языкознании Н. Н. Прокоповичем⁵, Н. Ю. Шведовой⁶.

Если представителями первого направления словосочетание понимается в более широком смысле, т. е. как любое синтаксически организованное непредикативное сочетание на основе не только подчинительной связи, но и сочинительной, то представители второго направления словосочетаниями признают синтаксическую единицу, образуемую только на основе подчинительной грамматической связи.

Положение В. В. Виноградова, который впервые связал теорию словосочетания не только с учением о предложении, но и учением о слове, сводится к следующему:

1. Теория словосочетания — необходимая часть грамматического учения, которая изучает типы, формы и правила построения грамматических единств, образуемых из сочетаний слов по законам данного языка.

2. Словосочетание — это не слово и не предложение.

3. Словосочетание (если это не фразеологическая единица) свободно делимо на слова.

4. Словосочетание является результатом семантического распространения слова.

5. Словосочетание в отличие от слова является сложным названием предметов, явлений и процессов.

6. Словосочетание как особая синтаксическая единица выс-

тупает в качестве средства коммуникации только в составе предложения.

7. Словосочетания, как и слова, являются "строительным материалом" для предложения.

8. Словосочетание – это объединение двух и более значительных слов на основе подчинительной связи.

В последующих работах ученых-синтаксистов некоторые из этих положений оспариваются. Например, считается, что словосочетание так же, как и слово, является номинативной единицей языка. В то же время многие ученые не признают словосочетание явлением языка и тем самым исключают его из системных языковых явлений. Эта точка зрения основывается на понимании языка как системы знаков, системы готовых или полуготовых языковых средств, используемых для выражения мысли. Поэтому одним из основных признаков языкового знака считается его воспроизводимость в готовом виде. Ученые, придерживающиеся этой точки зрения (В.В. Бельй, М.С. Маслов, В.И. Павлов, Ю.В. Фоменко и др.)⁷ считают словосочетания соединениями знаков, комбинациями языковых единиц, создаваемых в ходе речевого процесса.

В результате многолетних споров: "Является ли словосочетание единицей языка или нет?" в работах последних лет появилась тенденция считать словосочетанием не языковую единицу, а синтаксическую конструкцию, образуемую в ходе речевого процесса. В "Русской грамматике"⁸, изданной в 1981 г. Институтом русского языка АН СССР, словосочетанию дано следующее определение: "Словосочетание – это синтаксическая конструкция, образующаяся на основе подчинительных связей: согласования, управления и примыкания". Здесь в отличие от определения словосочетания, изложенного в "Грамматике" 1970 г., нет слова "единица". Мы будем придерживаться принципа, изложенного в "Русской грамматике".

Свободные словосочетания образуются в процессе речи. При описании словосочетаний бурятского языка должны рассматриваться всевозможные комбинации слов, т.е. лексических единиц, с одной стороны, с другой – сочетание разных частей речи. Поэтому данный принцип дает возможность четко проследить сочетательные возможности разных слов, разных частей речи в синхронном плане.

Некоторые несвободные словосочетания уже превратились в

единицу языка, поскольку они в готовом виде воспроизводятся в речи. Но есть и такие, которые еще не превратились в языковую единицу, а находятся на переходном этапе. Поэтому при описании свободных и несвободных словосочетаний нужен диахронический подход, так как язык все время развивается. Также нужно учитывать функциональный аспект. Термины сочетаются только с определенным кругом слов.

Остановимся на принципах выделения свободных и несвободных словосочетаний. Что же такое свободное словосочетание? Существует несколько критериев. Одним из них является критерий, разработанный А.И. Смирницким, в котором учитывается склоняемость каждого компонента: Иван-царевич - Ивана-царевича. Другим - является критерий Дж. Гринберга, который заключается в том, что между компонентами словосочетания возможна вставка другого слова: красивая рубашка - красивая желтая рубашка; улаан пулаад - гое улаан пулаад, улаан гое пулаад. Третьим - является критерий, разработанный китайским лингвистом Лу Чживэйем. Заключается он в том, что в сочетании двух сегментов каждое слово можно заменить другим словом, сохраняя тот же синтаксический строй, т.е. это свободное словосочетание: модон халбага - түмэр халбага; модон гэр - шулуун гэр.

Первых два критерия невозможно применить для бурятского языка. Критерий А.И. Смирницкого в бурятском языке не может быть использован, так как не склоняется определяемое слово с определением. Критерий Дж. Гринберга тоже не подходит, так как в атрибутивных словосочетаниях невозможна вставка между определяемым и определяющим: улаан пулаад - гое улаан пулаад, а не улаан гое пулаад.

Если применить критерий, разработанный Лу Чживэйем, то в бурятском языке можно выявить следующие типы:

1) словосочетания, компоненты которых полностью взаимозаменяемы;

2) словосочетания, в которых можно заменить только один из компонентов: томо гэр, сага гэр, томо шулуун, ээжэ шулуун, т.е. эти слова могут встречаться в самых разных сочетаниях.

Или: модон гэр, шулуун гэр, модон хурээ, түмэр хурээ, но никак не шулуун хурээ.

Таким образом, используя классификацию Лу Чживэйя, можно выявить возможность сочетаемости каждой лексемы, определить степень ограниченности сочетаемых слов.

-
- 1 См.: Блумфильд Л. Язык. - М.: Прогресс, 1968.
 - 2 См.: Ильиш Б.А. О частях речи в английском языке // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). - Л.: Наука, 1968. - С. 138-145.
 - 3 См.: Бурлакова В.В. Основы структуры словосочетаний в современном английском языке. - М., 1975.
 - 4 См.: Виноградов В.Б. Исследования по русской грамматике. Избранные труды. - М.: Наука, 1975.
 - 5 См.: Прокопович Н.Н. Словосочетание в русском языке. - М.: Просвещение, 1966.
 - 6 Л. в е д о в а Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. - М., 1966.
 - 7 См.: Белый В.В. К вопросу о словосочетании // Научные доклады высшей школы. Филол. науки. - 1960. - № 4; М а - с л о в Ю.С. Какие единицы целесообразно считать знаковыми // Язык и мышление. - М.: Наука, 1967; П а в л о в В.М. Субстантивное словосложение в немецком языке: Автореф. дис. - Л., 1973; Ф о м е н к о Ю.В. Является ли словосочетание единицей языка? // Филологические науки. - 1975. - № 6. - С. 60-65.
 - 8 К у з ь м е н к о в Е.А. Опыт дистрибутивной классификации лексем монгольского языка // Востоковедение. - Л., 1980. - С. 49-50.
-

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ БУРЯТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Понятие валентности в языкознании стало разрабатываться сравнительно недавно. Впервые четко обосновал теорию синтаксической валентности в 1953 г. французский грамматист Л. Теньер в книге "Очерк структурального синтаксиса". Основанием для выделения понятия валентности послужило признание им особой организующей роли глагола (предиката) в структуре предложения. Поэтому трактовка сущности данной теории предполагает прежде всего синтаксическую валентность глагола, т.е. его способность управлять числом "участников", совершающих действие (подлежащее), испытывающих действие (дополнение), и "участников", в пользу которых или в ущерб которым совершается действие (косвенное дополнение). Синтаксическая валентность рассматривается как потенциальная сочетаемость глагола с подлежащим и дополнением (прямым и косвенным).

Дальнейшее развитие теория синтаксической валентности получила в работах немецких языковедов, расширив свое содержание прежде всего за счет включения всех необходимых по смыслу добавлений к глаголу, в первую очередь - структурно обязательных обстоятельств (Г. Бринкман, Л. Вейсгербер, Й. Эрбен, Г. Гельбиг, В. Инг). По мнению М.Д. Степановой¹, первый этап развития теории валентности в зарубежном языкознании характеризуется следующими общими чертами. Основная черта - рассмотрение глагола как центра предложения. Вторая - изучение количественной стороны валентности. (Выделение глаголов с нулевой валентностью, одновалентных, двухвалентных, трехвалентных). Третья черта - тенденция к морфологизации структуры предложения, т.е. определение валентности не сказуемого как члена предложения, а глагола как части речи. Соучастники ("участники", актанты, аргументы) глагола также называются в терминах частей речи.

За последние годы в зарубежных работах наметился поворот в сторону расширения понятия валентности в разных направлениях. Прежде всего началось изучение сочетательных способностей не только глаголов, но и других частей речи.

В советском языкознании термин "валентность" употребил

впервые С.д. Кацнельсон в 1948 г. со следующим содержанием: "Свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами можно было бы назвать его синтаксической валентностью". Вопросам теории валентности на материале разных языков посвящены работы советских языковедов Б.н. Абрамова, М.д. Апресяна, В.В. Бурлакова, С.д. Кацнельсона, О.И. Москальской, Г.Г. Сильниченко, М.д. Степановой. В работах С.М. Кибардиной⁴, Н.И. Филичевой⁵ произведен обстоятельный анализ истории изучения валентности в трудах зарубежных и советских исследователей и намечен ряд новых вопросов. К числу последних работ как по проблеме валентности, так и разграничению понятий синтаксической валентности и синтаксической сочетаемости относятся работы А.Ф. Лосева⁶ (1963), А.Л. Зеленецкого, П.Ф. Монахова (1983)⁷, М.Н. Лебедевой⁸ (1984), Т.М. Дорофеевой⁹ (1986), А.М. Мухина¹⁰ (1986).

С.М. Кибардина⁹ выделяет следующий круг наиболее существенных и спорных проблем теории валентности:

1) определение валентности, ее сущность, уровни валентности, их определение и разграничение;

2) соотношение значения слова и его валентности;

3) критерии определения партнеров "носителя валентности" (актантов, аргументов, "участников"), какие члены предложения (части речи) являются ими, а какие нет, и как это разграничение соотносится с традиционной классификацией членов предложения;

4) разграничение обязательной и факультативной валентности, условия реализации валентности;

5) выделение типов валентности, методика описания валентности;

6) связь валентного анализа с другими методами исследования - компонентным, трансформационным, количественным анализами и другими методами.

В работах советских лингвистов термин "валентность" употребляется в широком смысле, обозначая способность не только разных частей речи, но и различных других элементов языка вступать в связь в силу своей валентной заряженности с определенными однородными единицами языка для образования более или менее обширных цельностей. Понятие валентности трактуется в исследованиях как способность единицы языка вступать в соединение с

другими единицами языка. Хотя в настоящее время и говорят о языковой валентности в отношении разных уровней жизни языка, все же в основном рассматривают ее как синтаксическое явление. В ряде работ производится разграничение синтаксической сочетаемости и синтаксической валентности.

В работе М.Д. Степановой при разъяснении понятия "валентность" подчеркивается, что "наиболее близким по значению термином является "сочетаемость" при учете известной диффузности и этого термина"¹⁰. Т.М. Дорофеева, также усматривая близость понятий "сочетаемость" и "валентность", считает необходимым различать их. По ее мнению, "сочетаемость слова - это совокупность его синтагматических потенций..."¹¹ "При таком понимании синтаксической сочетаемости речь идет именно о сочетаемости, то есть о свойстве данного слова...; имеется в виду сочетаемость именно слова, то есть единицы, заданной в понятиях лексикологии (а не синтаксиса или морфологии), сочетаемость отдельного слова, а не какого-либо грамматического разряда слов, семантической группы..., набор связей при одном слове, то есть именно парадигма синтаксических связей; имеются в виду лишь связанные с данным словом компоненты синтаксического ряда, то есть именно распространители, ... условия их реализации, их свойства, их организация в линейном и парадигматическом рядах"¹².

При изучении же валентностей глагола, отмечает Т.М. Дорофеева, "рассматриваются его дистрибутивные свойства как предиката, то есть изучаются и "левые" - субъектные и "правые" - объектные и обстоятельственные валентности"¹³.

Осмысление принципа валентности в современном советском языкознании, на наш взгляд, наиболее емко, выразительно представлено в работе А.Ф. Лосева, который считает, что "формулирование принципа валентности продиктовано желанием языковедов понимать язык как органическое целое, ... каждый языковой элемент которого существует не изолированно, не единично, но как бы в виде заряженности разными своими возможными связями с другими языковыми элементами. Принцип валентности языкового знака - это чрезвычайно важный принцип, безусловно, относящийся к самой специфике языка, понимаемого строго динамически. Каждое слово, каждый языковой элемент заряжен бесконечным количеством разного рода смысловых оттенков,

составляющих подлинную специфику языка, и только здесь неподвижное "основное" значение слова становится живой динамической картиной выражаемых нами мыслей в языке. Языковая валентность есть...вообще не естественно научная валентность, но валентность чисто смысловая"¹⁴.

Валентность связана с понятием, им выражаемым, и имеет поэтому логический характер. В лингвистической литературе различают три вида валентности: логическую, лексико-семантическую и синтаксическую, — тесно взаимосвязанных между собой. логическая валентность определяет отношения между понятиями, отражающими внеязыковые явления. лексико-семантической валентностью называют сочетаемость слова со словами определенной семантики. Специфически лексическая сочетаемость отражается в словарях, и без ее учета часто нельзя понять значения лексем. Количественные параметры лексико-семантической валентности у семантически сопоставимых слов разных языков часто не совпадают. Диапазон слов, с которыми могут сочетаться бурятский глагол ябах и русский глагол идти, расходится в количественном отношении вследствие различий в их семантических объемах: түмэр харгыгаар ябах — ездить по железной дороге, ой-гоор ябах — идти по лесу, мүлхижэ ябах — ползти.

Синтаксическая валентность зависит от семантики слова и тесно связана с реализацией логических отношений. Грамматическая корректность фразы, и потому коммуникативная правильность высказывания, регулируется содержанием синтаксических категорий. Синтаксическая валентность определяет способность слова к синтаксическому распространению на уровне словосочетаний и предложений.

В монголоведении вопрос о языковой валентности еще не подвергался исследованию. Косвенную связь с проблемой валентности в каком-либо из ее аспектов можно установить в работах лингвистов в связи с изучением в монгольских языках синтаксических категорий и функционирования некоторых фонетических единиц, морфологических категорий. Соприкосновение с проблемой синтаксической валентности в работах монголистов в основном происходит в связи с изучением следующих вопросов: 1) связи слов в словосочетании и предложении; 2) функционирования падежей имен существительных и выявления их значений; 3) установления соотношения падежных форм и послеложных конструк-

ций в монгольских и русском языках. Термин "валентность" в современном его понимании употребил В.А. Кузьменков¹⁵, который на основе валентности произвел семантико-синтаксическую классификацию глаголов монгольского языка. Глаголы движения выделены в данной работе в один подкласс, в первую очередь, по семантическим признакам. Все эти глаголы различной валентности.

По мнению С.М. Кибардиной, "валентностная типология глаголов еще мало разработана... Поэтому первоочередная задача валентностной типологии состоит в описании валентности конкретных значений и их классификации"¹⁶.

Задача данной статьи - произвести практический анализ синтаксической валентности лексико-семантической группы глаголов движения бурятского и русского языков. При решении этой практической цели мы опирались на теорию синтаксической валентности, изложенную С.М. Кибардиной¹⁷, разграничивающей вслед за С.Д. Кацнельсоном содержательную и формальную валентность. В работах по изучению синтаксической валентности употребляются синонимичные термины "актанты", "аргументы", "участники" для обозначения слов, вступающих в соединение с глаголом и образующих с ним различные отношения. Семантические отношения, возникающие в силу валентной заряженности глагола между ним и актантом, относятся к плану содержания, морфологическая форма актантов глагола, образуя план выражения, представляет формальную валентность.

Валентность глаголов движения, имеющих многочисленные переносные смысловые оттенки значений, подвижна и трудно исчислима. Глаголы движения имеют особенно динамичную заряженность в речевом употреблении. Эта заряженность выражается в разнообразных сочетаниях глаголов, отражающих процесс их динамического функционирования. Синтаксические единицы, приведенные в данной статье, фиксируют валентные связи глаголов движения бурятского и русского языков в их основных значениях.

Поскольку обозначение движения логически связано с перемещением в пространстве, типичной для исследуемых глаголов движения является реализация синтаксической валентности, связанной с выражением пространственных отношений. Актанты глаголов движения бурятского и русского языков при реализации логико-семантической валентности, связанной с обозначением

пространственной семантики, конкретизируют разные отношения: 1) место движущегося предмета в пространстве относительно предметов, находящихся в статике; 2) направление движения предмета в пространстве относительно окружающих статичных предметов. Глаголы движения сопоставляемых языков, имеющие как одинаковую, так и различную лексико-семантическую валентность при обозначении одних и тех же пространственных отношений по-разному оформляют актанты в соответствии с особенностями выражения морфолого-синтаксических значений в языке. Это касается проблемы формы и содержания, являющейся центральной в синтаксисе и приобретающей особое значение при сопоставительном изучении неродственных языков. Глаголы движения бурятского и русского языков входят в синтаксическую связь с лексемами (актантами) одних и тех же частей речи. Расхождения обнаруживаются в синтаксических функциях падежей имен существительных, выступающих в роли актантов, оформлении синтаксических связей между глаголом и актантом, позиции по отношению к глаголу.

Пространственные значения в монгольских языках выражаются сочетанием глаголов движения с формами косвенных падежей, а также конструкциями с послелогоми, наречиями, выступающими в качестве актантов глаголов движения. В русском языке выражение пространственных отношений уточняется синтаксическим соединением глаголов движения как с беспредложными и предложными именами существительными, так и наречиями. Причем наиболее продуктивными и разнообразными являются выражения пространственных отношений в конструкциях с предлогами.

Глаголы движения бурятского языка в соединении с разными падежными формами имен существительных и послеложными конструкциями (актантами) обозначают место движущегося предмета в пространстве с указанием различных уточнений.

I.I. С существительными в орудном падеже, уточняющими место, пространство, по которому направляется движение. В русском языке им соответствуют сочетания глаголов движения с существительными в творительном падеже без предлога и дательном падеже с предлогом по: уйлсөөр ябаа - шел улицей, шел по улице; ойгоор ябаа - ехал лесом, ехал по лесу; харгыгаар ябаа ябана - идет дорогой, идет по дороге.

Глаголы движения в бурятском и русском языках входят в

сочетания с существительными, одним из признаков которых является протяженность в пространстве. Причем в русском языке глагол движения с существительным в дательном падеже с предлогом по называет движение, совершаемое по поверхности какого-либо предмета. В бурятском языке в большинстве случаев данные оттенки значений не различаются и выражаются вышеприведенными формами. Некоторые русские предложные сочетания имен существительных в дательном падеже передаются послеложными конструкциями в бурятском языке: пройти по мосту - хуургэ дээгуур (или хуургээр) гараха; тренируя Сиротку, Доржи каждый вечер и утро скакал по степной дороге, поднимая пыль - Доржо удэшэ үглөө бури үнэшөөдэйе һорижо, талын харгыгаар тооһо худэлгэн гүйлгэдэг (Цыд., с. 23).

I.2. С послеложными конструкциями, обозначающими место совершения движения. (Послелог: хажуугаар - около; хажууда - около; дунда - среди; хойно - за, сзади; газаа - вне, снаружи, около; захада - на краю; дээрэ - в, на, наверху, наверх; дундуур - посередине; саана - за; саагуур - за, подальше; хоорондо - между). В русском языке им соответствуют глаголы движения в сочетании с существительными в разных падежах с пространственными предлогами: гэрэй хажуугаар ябах - ходить около дома; хүтэлэй саагуур ябах - ходить за косогором; галай хажуугаар ниидэхэ - летать около огня; оин дундуур гүйхэ - бегать среди леса.

I.3. С послеложными конструкциями, обозначающими пространство, преодолеваемое в результате или в процессе движения. (Послелог: хүндэлэн, ходоро - через). В русском языке эти значения передаются сочетанием глаголов движения с существительными в винительном падеже с предлогом через: үйлсэ хүндэлэн гараха - перейти через улицу; ой ходоро гараха - пройти через лес.

I.4. С послеложными конструкциями, обозначающими предмет, ниже которого или внизу которого, под покровом которого происходит движение (послелог: доро, доогуур - под), а также предмет, сверху, поверх которого производится движение (послелог: дээрэ, дээгуур - по, на, над). В русском языке им соответствуют сочетания с существительными в творительном, дательном падежах с эквивалентными послелогам предлогами: сонхо доогуур гүйхэ - бегать под окном; үүлэн дээгуур ниидэнэ - летит над

облаками; хуургэ дээгүүр гараха - проехать по мосту.

1.5. С послеложными конструкциями, обозначающими предмет, впереди, напротив которого совершается движение. (Послелог: урда, урдуур - перед). В русском языке им соответствует сочетание глагола движения с существительным в творительном падеже с предлогом перед: полкнундай урдуур гуйжэ гараа - промчался пред полками; мини урдуур гуйжэ гараа - пробежал передо мной.

1.6. С послеложными конструкциями (послелог соогуур), уточняющими определенное место, внутри которого осуществляется движение. В русском языке передается сочетанием глаголов движения с существительным с предлогами по, через, сквозь, в: коридор соогуур ябаад, газар гарашаба - пройдя по коридору, он вышел на улицу; сад соогур ябана - ходит по саду; саан соогур гуйжэ байна - бегаёт по снегу.

Обозначение направления движения, специфически выраженное в лексико-семантическом значении бурятских и русских глаголов движения, занимает особое место при выражении синтаксическими средствами. Глаголы движения обоих языков по-разному дополнительно уточняют направленность перемещения. Бурятские глаголы движения входят в соединение чаще всего с различными послеложными конструкциями.

1.1. С послеложными конструкциями, обозначающими место, откуда исходит движение (послелог: саанаһаа, сооһоо, тээһээ). В русском языке им соответствуют сочетания глаголов движения и существительных в родительном падеже с предлогами из-за, из, от: гэрэй саанаһаа гараха - выйти из-за дома; хадын саанаһаа гараха - выйти из-за горы; амбар тээһээ ерэбэ - идет от амбара (со стороны амбара); баабгай эшээн сооһоон гараба - медведь вышел из берлоги.

Послелогом дороһоо обозначается движение, исходящее из-под нижней части предмета. В русском языке данному послелогу соответствует предлог из-под: газар дороһоо гараба гу? - что, из-под земли вышел?; һарабша дороһоо гараха - выйти из-под навеса.

Этой группе близки сочетания, в которых имя существительное называет работу, занятие как исходный пункт движения: хүдэлмэринөө ерэхэ - придти с работы; агнууринаа ерэхэ - придти с охоты.

1.2. С существительными в исходном падеже и послеложными

конструкциями (послелог уруу), обозначающими предмет, с которого движение совершается вниз. В русском языке им соответствуют сочетания глаголов движения и существительных в родительном падеже с предлогом с, дательном падеже с предлогом по: хадаана гуйжэ бууха - сбежать с горы; гэшхуур уруу бууха - сойти с лестницы; зрье уруу гуйбэ - убежал вниз по берегу.

Существительные с послелогом уруу при глаголе движения могут обозначать направление движения внутрь предмета, что соответствует русским предложным сочетаниям существительных с предлогом в: уна уруу орохо - входить в воду; бургаана уруу тэрелхэ - убегать в кусты; ой тайга уруу гуйлдэшээн байба - оказалось, что они убежали в лес.

С послеложными конструкциями (послелог уруу) и существительными в дательном падеже, значение которых связано с представлением о пространстве, пределах, внутрь которых направлено движение. На русский язык они передаются с помощью сочетаний глаголов движения с существительными в винительном падеже с предлогом в: гэртэ орохо - войти в дом; Сибирь ошохо - поехать в Сибирь; деревни ошохо - ехать в деревню; хабшал уруу орохо - въехать в ущелье.

2.3. С послеложными конструкциями, обозначающими предмет, по направлению или вслед которому движение совершается. (Послелог: урдаана, хойноо). В русском языке им соответствуют сочетания глаголов движения с существительными в дательном и творительном падежах с предлогами навстречу, вслед: пароходой урдаана тamarxa - плыть навстречу пароходу; тэрээнэйнгээ хойноо гуйлдэсөө - побежали вслед за ним; нүхэрэйнгөө урдаана ошохо - пойти навстречу товарищу; налхинай урдаана ябаха - идти против (навстречу) ветра; тэрэ урдаанаамнай гараба - он вышел к нам навстречу.

2.4. С послеложными конструкциями, обозначающими предмет, к которому движение направлено. (Послелог: тээшэ, тушаа). В русском языке это значение передается сочетанием глагола движения с существительными в дательном падеже с предлогами по направлению к, к или с предложными сочетаниями в сторону, в направлении, а также с предлогами на, в с винительным падежом: город тээшэ ябаа - пошел по направлению к городу; центр тээшэ ябаа - поехал в центр, поехали по направлению к центру; тэрэ гэр ту-

шаа ошогты - идите в сторону того дома; энээн тушаа ошогты - идите в этом направлении; уьанай заха тээшэ ошохо - идти к берегу (на берег).

2.5. С послеложными конструкциями, обозначающими направленность движения на поверхность предмета (послелог дээрэ). В русском языке данному значению соответствуют глаголы движения в сочетании с существительными в винительном падеже с предлогом на: гэрэй орой дээрэ гараха - взобраться (залезть) на крышу дома.

Разновидностью данного типа валентности является сочетание глаголов движения с послеложными конструкциями (послелог тээшэ), обозначающими ориентир движения: дуун тээшэ ябаха - идти (двигаться) на голос; туудэг тээшэ ябаха - ехать на костер; гал тээшэ ябаха - идти на огонек.

2.6. С послеложными конструкциями (послелог өөдэ), обозначающими направленность движения вверх по предмету или против чего-то. В русском языке передается соответствующими эквивалентными сочетаниями глаголов движения с предложными существительными (предлоги по - с дательным падежом, на - с винительным, против - с родительным: гол өөдэ үгсэхэ - подниматься вверх по реке; гэшүүр өөдэ гараха - подниматься по лестнице; модо өөдэ абирха - взбираться на дерево; урадхал өөдэ тамарха - плыть против течения; ьалхи өөдэ ябаха - идти против ветра).

2.7. С послеложными конструкциями, обозначающими предмет, ниже которого или к нижней части которого движение направлено (послелоги: доро, уруу). В русском языке им соответствуют сочетания глаголов движения с существительными в винительном падеже с предлогом под: ьарабша доро орохо - войти под навес; хада уруу бууха - спуститься под гору.

2.8. С существительными в дательном падеже или с послеложными конструкциями (послелог соо), обозначающими место направления движения куда-либо в помещение. На русский язык передаются сочетанием глаголов движения с существительными в предложном и винительном падежах с предлогом в: ьургуулида ошохо - идти в школу; абгай амбар соо оробо - старшая сестра зашла в амбар.

2.9. С существительными в орудном падеже, называющими одежду, предметы убранства, составляющими особую группу. Тожественные значения употребительны и в русском языке: сбахьар

ябаха - ходить в сапогах; калошоор орохо - войти в калошах;
дэгэлээр гараа - вышел в шубе.

2.10. Как с послеложными конструкциями (послелог соо), так и с существительными в орудном падеже, обозначающими средство передвижения. Хотя образуемые сочетания синонимичны по выражаемым значениям, однако в конструкциях с послелогом соо в известной степени выражается то, что передвигающийся находится внутри вагона, самолета: трамвай соо ябаха - трамваяар ябаха; самолет соо ниидэхэ - самоледоор ниидэхэ; машина соо ябаха - машинаар ябаха.

В подобных сочетаниях актанты глаголов движения являются основными оформителями способа движения в бурятском языке. В русском языке данные сочетания соответственно передаются: ехать в трамвае - ехать на трамвае; лететь в самолете - лететь на самолете; ехать в машине - ехать на машине.

Предложные сочетания при глаголах движения в русском языке являются не основным, а дополнительным средством оформления семантики способа перемещения. Они используются лишь для уточнения средства передвижения (транспорта).

Р.Х. Харташкина считает, что под влиянием моделей русского языка "глагол движения + предлог в или на + существительное в предложном падеже" в бурятском языке стали использоваться сочетания: самолед-то нуугаад гарыш - на самолете - сев - выездной - вместо самоледоор гарыш - выездной самолетом; поездоо нуугаад ерээ - на поезде - сев - прибыл - вместо поездоор ерээ - поездом прибыл¹⁸.

Аналогичное явление происходит в тюркских языках¹⁹.

2.11. С послеложными конструкциями, обозначающими предмет, в стороне от которого совершается движение (послелог тээгүүр). В русском языке передается обычно употреблением существительного "сторона" в падежной форме: мориной баруун (зүүн) тээгүүр ябаха - идти по правую (левую) сторону лошади; харгын хоёр тээгүүр гуйлдэнэ - бегут по обеим сторонам дороги.

2.12. Глаголы движения в бурятском языке, сочетаясь с послеложными конструкциями (послелог: хурэтэр, болотор), обозначают перемещение, лицо или предмет, у которого заканчивается действие, т.е. выражается его предел. На русский язык данные значения передаются сочетанием глаголов движения с существительными в родительном падеже с предлогом до: гэртэ хурэтэр

гуйжэ ошоо - добежал до дома; танда хурэтэр ябаха - дойти до вас.

2.13. для выражения пространственной семантики в бурятском и русском языках широко используются также сочетания глаголов движения с обстоятельственными наречиями, которые можно разделить по значениям на две группы. К первой группе относятся сочетания глаголов движения с наречиями, называющими место движения (эндэ - здесь, тут; тэндэ - там, туда; эндэ тэндэ (парн.) - там и сям; урда - впереди; наана - вблизи, ближе чего-то; саана - вдали, дальше чего-либо; холо - вдали, вдалеке); эндэ гуйжэ байна - здесь бегаёт; урдаа тууха - гнать перед собой.

2.14. Ко второй группе относятся сочетания глаголов движения с наречиями, называющими направление движения: а) общее направление (урагшаа - вперед; ньэргөө, гэдэргээ, хойшо - назад; буруу тээшэ - назад, в противоположную сторону; зүүгшээ - налево, влево; хойшо - на север, к северу; баруугшаа, баруун тээшээ - направо, вправо, на запад; наашаа - сюда; дээшээ - вверх, наверх; өөдөө - вверх, кверху; доошоо - вниз; дору - внизу; уруугша - книзу, вниз; саашаа - дальше, далее, подальше; тиишээ - туда); б) исходный пункт направления (эндэһээ - отсюда; тэндэһээ - оттуда; хаа хаанаһаа, хаана яанаһаа - отовсюду; холоһоо - издалека, издали; досооһоо - изнутри; дээрэһээ - сверху; доруһоо - снизу; эндэ тэндэһээ, олон тээһээ - отовсюду; хойноһоо - с севера; зүүн тээһээ - с востока, слева; баруун тээһээ - справа, с запада; нүгөө тээһээ - с другой стороны); урагшаа ябаха - идти вперед; дээшээ гараха - взобратся наверх; тиишээ ошогты - идите туда; досооһоо гараха - выйти изнутри; эндэ тэндэһээ ерэе - приехали отовсюду; саашаа ошогты - идите дальше.

Бурятским сочетаниям с наречиями соответствуют эквивалентные русские сочетания глаголов движения с наречиями, имеющими тождественные значения.

Выражение пространственных отношений относится к разряду содержательной валентности глаголов движения. Валентные свойства глаголов данной группы регламентируют синтаксическое распространение их именами и наречиями пространственной семантики. Причем связь имен существительных с глаголами движения осуществляется как с помощью аффиксов: суффиксов в бурятском языке,

окончаний (флексий) в русском языке, так и с помощью послелогов и предлогов, тоже имеющих пространственное значение. В обоих языках пространственная семантика глаголов движения уточняется, конкретизируется такими частями речи, как имя существительное, наречие, и служебными словами - послелогом (в бурятском языке) и предлогом (в русском языке), образуя в соответствии с агглютинативным и флективным типами языков синтаксические модели, иллюстрирующие валентность глаголов.

Неразрывно связано с понятием движения понятие времени. логический характер связи между ними воплощается в языковых единицах, обозначающих всякое движение, осуществляющееся во времени. К числу содержательной валентности глаголов движения относится выражение синтаксическими средствами темпоральных отношений. Бурятские и русские глаголы движения образуют темпоральные отношения с именами существительными, послеложными и предложными конструкциями, наречиями, обозначающими временную семантику при реализации валентности в синтаксических единицах. При синтаксическом распространении глаголов движения при уточнении временных параметров образуются следующие темпоральные значения.

3.1. Предшествующее указанному времени движение. При соединении с существительными в форме орудного падежа со значением времени. В русском языке соответственно передается сочетанием глаголов движения с существительными в винительном падеже с предлогом под или существительными в творительном падеже: удэшээр ерэхэ - приехать под вечер, приехать вечером.

данное значение может быть выражено также сочетанием глаголов движения с послеложными конструкциями, обозначающими временной отрезок или явление, факт, до наступления которого движение совершилось. (Послелоги: урид, урда, урдуур). В русском языке передается глагольным сочетанием с существительными в творительном падеже с предлогом перед и родительном падеже с предлогом до: хабар болохын урдуур ерээ - приехал до начала весны; убьэндөө орохынгоо урда ошоо - ушел перед началом сенокоса; хонхооо урид ерэхэ - прийти до звонка.

3.2. Время, начальный момент, с которого совершается движение. выражается сочетанием глагола движения с существительным в исходном падеже, иногда с послелогом хоишо, называю-

щем временные понятия (үдэр - день, нара - месяц, жэл - год). В русском языке им соответствует сочетание глагола движения с существительным в родительном падеже с предлогом с: үглөөнөө ябаа - ушел с утра; хабарнаа эхилжэ энэ самолетто нийдэнэ - начиная с весны летает на этом самолете; вторниктоо хойшо яба-на - ходит со вторника.

Часто употребляются подобные сочетания с послеложными конструкциями (послелог: хурэтэр, болотор), указывающими предел, время окончания движения, соответствующие в русском языке предложным сочетаниям с предлогом до: үглөөнөө эхилээд ьуни болотор гуйжэ - бегать с утра до ночи.

3.3. Глагол движения может присоединять существительное, обозначающее наступление определенного периода времени, а также входить в связь с сочетанием числительного в именительном падеже и зависящей от него формы дательного падежа существительного. В русском языке данное значение передается эквивалентным сочетанием глагола движения с субстантивированным порядковым числительным в форме родительного падежа и зависящей от него формы родительного падежа существительного. Круг имен существительных в сочетаниях второго типа ограничен названиями месяцев или каких-либо временных отрезков: зунай найхан саг ерэбэ - наступило прекрасное летнее время; ябаха саг ерээ - настало время ехать; убьэ сабшалгын үе ерэбэ - наступила пора сенокоса.

Глаголы движения в соединении с послеложными конструкциями (послелог хамта), обозначающими наступление времени, одновременно с которым фиксируется данное движение. В русском языке передается употреблением лексем с временными признаками как только, наряду с, одновременно с: харанхы болохотой хамта гараа - вышел одновременно с наступлением темноты; гэрьээ гарахатайн хамта бороо ороо - как только он вышел из дома, пошел дождь.

3.4. Совершение движения в определенные временные отрезки, иногда с указанием его пределов. Выражаются данные значения сочетанием глаголов движения с существительными в различных падежных формах и послеложными конструкциями с временной семантикой.

1. Глагол движения в сочетании с послеложной конструкцией, обозначающей продолжительность совершения движения (послелог:

соо, соогоо). В русском языке передается существительными с предлогами в, в течение, в продолжение, за, на, на протяжении в сочетании с глаголами движения: нэгэ минута соо ороод ерэхэб - зайду на одну минуту; наһан соогоо ехээ ябааб, үзөөб - в течение своей жизни много ходил, видел.

2. Глаголы движения в сочетании с послеложными конструкциями (послелог: дунда, хоорондо, зуура), указывающими отрезок времени, в который совершается движение. На русский язык передаются сочетанием глаголов движения с предложными существительными и употреблением предлогов между, в, на, во время с существительными: убэл дунда хул нүстөөр газаа гүйжэ гарагша Һэн - он имел обыкновение среди зимы выходить на улицу босиком; нүдэ сабшаха зуура гүйжэ арилшоо - убежал быстро.

3. Бурятский глагол движения в сочетании с существительным в именительном падеже, обозначающим какой-либо временной отрезок, передается в русском языке сочетанием глагола движения с существительным в творительном падеже: намар ябаа - уехал осенью.

К данному типу сочетаний относятся лексически ограниченные случаи, когда временная характеристика действия обозначается не существительным с временным значением, а одушевленным существительным, употребленным для обозначения возрастного периода жизни или времени пребывания в том или ином звании, состоянии: багаар ябаа - уехал ребенком; залуу наһатайда ябаа - уехал в молодом возрасте. В русском языке передаются эквивалентными сочетаниями.

4. Глагол движения в сочетании с существительными, обозначающими временные отрезки (үглөө - утро, үдэр - день, жэл - год), обычно употребляемыми с прилагательными нүгөө, хойто - следующий, другой, будущий, завтрашний: хойто удэрьнь ошохо - пойти на следующий день; хойто жэлдэ ерэхэ - приехать на будущий год; нүгөө удэрьнь гүйхэ - бежать на другой день.

На русский язык передаются данные сочетания тождественным глаголом движения в сочетании с существительным в винительном падеже с предлогом на.

5. Сочетания глаголов движения с существительными, называющими временное понятие или явление, связанное с определенным отрезком времени, соответствуют в русском языке сочетаниям глаголов движения с существительными в предложном падеже с пред

логом в: бага нагатайдаа ниидээбди - летали в детстве.

В других значениях может быть передано в русском языке сочетанием глаголов движения с существительными в предложном падеже с предлогами на, в: жэл дээрээ ябаа - начал ходить на первом году жизни; энэ һарада ошообди - ходили в этом месяце.

3.5. Глаголы движения в бурятском языке могут сочетаться с послеложными конструкциями, обозначающими временные понятия, являющиеся выражением предела, времени окончания движения (уур сайлга - заря, углөө - утро, үдэшэ - вечер, һуни - ночь, үдэрэй эдээн - обед, һайндэр - праздник, үхэл - смерть): һуни болотор ябаха - ходить до ночи. В русском языке передаются сочетанием глагола движения с существительным с предлогом до.

3.6. Глаголы движения в сочетании с существительными в различных падежах и послеложными конструкциями, называющими какие-либо временные отрезки, могут обозначать повторяющееся движение, осуществляемое в указанные временные периоды. В русском языке тождественные значения передаются предложными сочетаниями: үглөөгуур ябадаг - ходит по утрам.

При именах существительных саг - час, үдэр - день, һуни - ночь в подобных сочетаниях часто вводится в бурятском языке лексема - уточнитель бүхэли, в русском языке - целый: бүхэли үдэртөө (үдэр соо) гүйхэ - бегать целый день; бүхэли хахад жэл соо ябаха - ездить целых полгода; бүхэли наһан соо ябаха - ходить в течение всей жизни; бүхэли суудхэ тамарха - плыть целые сутки.

3.7. Глаголы движения в бурятском языке входят в сочетание с послеложными конструкциями (послелогои: болоод, үнгэрөөд хойно), обозначающими временной отрезок, по прошествии которого движение совершится. В русском языке им соответствует глагол движения с существительным в винительном падеже с предлогом через, в родительном падеже с предлогом после, а также с предлогом по истечении: час болоод ерэхэб - приду через час; һара болоһон хойно ошоһом - дойду по истечении месяца.

Сочетание глагола движения с послеложной конструкцией может обозначать промежутки времени, по истечении которых движение повторяется: һара болоод лэ ерэхэ - приходить через месяц.

3.8. Валентная заряженность глаголов движения распростра-

няется на обстоятельственные наречия и послеложные конструкции, имеющие обстоятельственное временное значение. При этом образуются темпоральные отношения: 1) обозначающие движение и время его совершения (с наречиями ходо, хододоо - всегда; заримдаа, заримандаа - иногда; мунөөдэр - сегодня; маргааша, углөөдэр - завтра; гэрэлтэйдэ - засветло; хүниндөө - ночью; үбэлдөө - зимой; зуура - по пути, в пути, по дороге; тургэн дунда - быстро, спешно; яарал дунда - второпях; гүйдэл дунда - на бегу; намар дунда - среди осени; нийдэн дунда - на лету); 2) обозначающие движение и начальный момент или период его совершения (с наречиями и послеложными конструкциями урданһаа, унинһөө, унинһөө хойшо, хэб хэзээнһээ - издавна, исстари, с давних пор; тугаарһаа хойшо - с недавнего времени; үсэгэлдэрһөө хойшо - со вчерашнего дня; эндэһээ хойшо - отныне, впредь, с этих пор; турэһөөр - отроду; залууһаан, залуу наһанһаан - смолоду; туруун, уртаад - сначала; бага наһанһаан, хара багаһаан - сьзмала): хододоо ошодог - всегда ходит; би танайда зуураа ороод гараа һэм - я заезжал к вам по пути; углөөдэр ерэхэ - завтра приедет.

При реализации синтаксической валентности глаголов движения бурятского и русского языков с лексемами, обозначающими временные понятия, выражаются следующие темпоральные значения:

- 1) предшествующее указанному времени движение;
- 2) начальный момент совершения движения;
- 3) определенный период наступления времени движения;
- 4) время совершения движения, не ограниченное пределом;
- 5) определенный отрезок времени совершения движения, ограниченный пределом (от - до);
- 6) повторяющееся время от времени движение;
- 7) последующее указанному времени движение.

Одни и те же послелоги могут употребляться как для выражения синтаксическим способом пространственных отношений, так и для выражения временных отношений. Послелоги в бурятском языке многофункциональны, полисемантически. В этом отношении они сопоставимы с многозначными предлогами русского языка.

Среди синтаксических функций существительных выделяются субъектно-объектные (функции субъекта, прямого и косвенного объектов) и обстоятельственные. Разграничение функций происходит по их отношению к содержательной валентности предиката.

Субъект, объект, обстоятельство - это содержательные грамматические категории, складывающиеся из мыслительных (семантико-синтаксических) и коммуникативных элементов. "Субъект и объект при таком подходе объединяются в категории аргумента - "дополнения" в широком смысле слова - и противопоставляются обстоятельству"²⁰, - пишет С.М. Кибардина.

Как считает С.М. Кибардина, "привлечение к разграничению членов предложения валентности предиката позволяет ... уточнить определение субъекта предложения..."²¹ Семантико-синтаксическая валентность глаголов движения, употребленных в качестве предиката, предполагает обозначение перемещения в пространстве субъекта, т.е. требуется заполнение левой актантажной позиции аргументом. В этом проявляется одна из закономерностей, выявляемых на основе валентного анализа лексем, названная взаимной обязательной сочетаемостью. Считается, что "сочетаемость подлежащего и сказуемого обязательна в обоих направлениях - от подлежащего к сказуемому и обратно..."²²

Все глаголы движения, как правило, реализуют свое значение в синтаксической модели "субъект - действие, выраженное глаголом движения". Данная синтаксическая модель может распространяться при реализации синтаксической валентности предиката различными, дополнительными, обстоятельственными, определенными, уточнителями действия. В бурятском и русском языках наиболее распространенным средством выражения субъекта при предикате, выраженном полнозначным глаголом, например глаголом движения, является синтаксическая функция именительного падежа существительных и местоимений. В позиции субъекта выступают одушевленные и неодушевленные существительные и местоимения, называющие лица и предметы. В то же время дополнительной синтаксической функцией субъекта при выделении его среди других аргументов в сопоставляемых языках является функция темы: шубууд баран ниидэжэ арилшаба - птицы все улетели; мүнөөдэр бригадир манайда ерэхэ - сегодня к нам придет бригадир.

Глаголы движения в бурятском языке могут входить в соединение с существительными в совместном падеже обычно с притяжением и послеложными конструкциями (послелог хамта), обозначающими совместно совершаемое с кем-либо движение. В русском языке им соответствуют сочетания глаголов движения с существительными в творительном падеже с предлогом с и сочетанием вместе с:

хубуун нухэртэйшн ерэхэ - сын с твоим другом придут; эсэгэ-тээ хамта город оробо - вместе с отцом поехали в город; тэдэнээр (или тэдэнтэй) хамта ошохомнай - идем вместе с ними.

Реализуя содержательную валентность, глаголы движения бурятского языка вступают в синтаксические связи с лексемами и послеложными конструкциями с объектным значением, имеющими разнообразные соответствия в русском языке. При обозначении объектных отношений глаголами движения совместно с существительными и послеложными конструкциями выделяются следующие основные значения:

4.1. Самую распространенную группу составляют различные объектные с оттенками пространственных значений. Образуются они путем сочетаний глаголов движения:

а) с послеложными конструкциями (послелог: ходоро, отолон, хундэлэн), выражающими предметно-пространственное значение: харгы отолон гараха - перебежать дорогу; поли ходоро гараха - перейти поле.

В русском языке эти значения передаются переходными приставочными глаголами движения в сочетании с существительными в винительном падеже с предметно-пространственным значением. В обоих языках такие сочетания называют движение и предмет, с которым так или иначе связано это движение или который преодолевается соответствующим движением: гол тамаржа гараха - переплыть реку; харгы хундэлэн мулхижэ гараха - переползти дорогу; бухы Сибирээр ябажа гараха - проехать всю Сибирь;

б) с существительными в исходном падеже или с послеложными конструкциями (послелог: холо, саашаа), называющими лицо или предмет, к удалению или освобождению от которого приводит данное движение. В русском языке это значение передается сочетанием глагола движения с существительными в родительном падеже с предлогом от. Сочетания этого типа и в бурятском, и в русском языках совмещают в себе название действия и лица или предмета, от которого как от исходного пункта производится данное движение: стольоо холо болохо - отойти от стола; городоо гараха ошохо - отъехать от города; үүдэньээ холо болохо - отойти от двери; станциаа саашаа ябаха - отъехать от станции;

в) с существительными в дательном падеже и послеложными конструкциями (послелог тээшэ), обозначающими предмет, к которому кто-либо или что-либо приближается. В русском языке соот-

ветствуют этим бурятским сочетаниям приставочные глаголы движения с существительными в дательном падеже с предлогом к: ну-хэртөө ошохо - идти к товарищу; стол тээшэ ошохо - подойти к столу; гэртэ хутэлжэ асарха - привести к дому; үүдэндэ ойро болохо - подойти к двери; мурэн тээшэ ошоо - пошел к реке;

г) с послеложными конструкциями (послелог тээшэ), называющими предмет, являющийся местом или объектом (либо лицом, являющимся объектом), к которому это действие направлено. В русском языке передаются сочетанием глаголов движения с именами существительными в дательном падеже с предлогом к: эрье тээшэ тамарха - плыть к берегу; станции тээшэ ошохо - двигаться (идти) к станции; город тээшэ ябахэ - ехать к городу; гэр тээшэ ябахэ - идти к дому; Москва тээшэ ниидэхэ - лететь в сторону Москвы.

4.2. Сочетания глаголов движения со значением объектных отношений могут приобретать оттенок значения целевых отношений. Значения объектных и целевых отношений или целенаправленности действия совмещаются при сочетании бурятских глаголов движения:

а) с существительными в форме дательного падежа, соответствующего русскому сочетанию глаголов движения с существительными в творительном падеже с предлогом за: уянда ошохо - пойти за водой; хубуүндээ гүйн ошоод ерэхэ - сбегать за сыном;

б) с существительными в дательном падеже и послеложными конструкциями (послелог хойноою), называющими предмет как объект движения, соответствующих русским сочетаниям глаголов движения с существительными в творительном падеже с предлогом за: врачта эльгээхэ - послать за врачом; поездын хойноою гүйхэ - бежать за поездом; тэрэнэй хойноою уддөө - погнался за ним.

4.3. Реализуя объектную валентность, бурятские глаголы движения могут входить в сочетания с существительными с отрицательной частицей гүй, обозначающими предмет, без которого движение совершается, отсутствием которого оно характеризуется: пальтогүй арилха - уйти без пальто. В таких сочетаниях значение объектных отношений может соединяться со значением определительно-обстоятельственных отношений: уянгүй ерээ - приехал без воды; үдэшын эдээгүй ябахэ - уехать без ужина; таягагүй ябахэ - ходить без костылей. В русском языке им соответствуют сочетания глаголов движения с существительными в родительном падеже с предлогом без.

4.4. Иногда бурятские глаголы движения сочетаются с именами существительными в дательном падеже, которые так или иначе поясняют действие, уточняют сообщение. Если зависимое имя существительное называет предмет, то все сочетание выражает объектные отношения: тээбэритэй ябана - едет с возом; автоматтай ябаа - шел с автоматом. В русском языке соответствующее значение передается сочетанием глаголов движения с существительными в творительном падеже с предлогом с.

В коммуникативном употреблении бурятские глаголы движения могут в сочетании с существительными и послеложными конструкциями выражать определительно-обстоятельственные отношения. Имена существительные и послеложные конструкции обозначают в них способ совершения действия, называемого глаголом.

5.1. Имя существительное при глаголе движения может обозначать способ совершения действия, выступая для выражения сравнения. Такие сочетания по значению соотносительны с послеложными сравнительными конструкциями (послелог шэнги). Данные значения соответствуют в русском языке сочетаниям глаголов движения с беспредложными существительными в творительном падеже и соотносительными сравнительными оборотами с союзами как, словно, точно: мурэнидли урдана - течет рекой; мурэн шэнги урдана - течет, как река; годлиндли хиидэхэ - лететь стрелой; годли шэнги хиидэхэ - лететь, как стрела.

5.2. Способ совершения движения может быть охарактеризован с количественной стороны и выражен сочетанием числительного с зависимым существительным в именительном падеже. В русском языке соответствует данному значению бурятского сочетания при глаголе движения сочетание количественного наречия с существительным в родительном падеже множественного числа: олон зон ябана - идет много народу (идет толпа людей); һурэг үнеэд ябаад гараа - прошло стадо коров.

5.3. Если в сочетании с глаголом движения входит отвлеченное существительное, то такое сочетание выражает определительно-обстоятельственные отношения, называя действие и характер его протекания: һанаангүй арилха - уйти без сожаления.

5.4. Лексически ограничены сочетания глаголов движения с именами существительными - названиями одежды, предметов убранства: юбка кофтоор ябадаг - ходит в юбке и кофте; пальтогоор гараа - вышел в пальто; сабхяар ябаха - ходить в сапогах; ка-

лошоор, шляпаар орохо - войти в калошах, в шляпе.

5.5. Так как любое действие может быть охарактеризовано с качественной стороны, то глаголы движения могут входить в сочетания с качественными наречиями. Такие сочетания тоже выражают определительно-обстоятельственные отношения, называя действие и его качественный признак: ааляр тамараа - плыли медленно; шууяатайгаар гуйгээ - бежали шумно; доогуур нийдээ - летел низко; тургөөр ябах - идти быстро; шуумгай ябах - ехать скорее.

5.6. Определительно-обстоятельственные отношения выражают также сочетания глаголов движения с количественными наречиями, характеризующими движение с точки зрения количественной (интенсивности, длительности, повторяемости, степени): ходо ябах - часто ездить; ехээр абаашаха - носить помногу.

5.7. Часто сочетаются с глаголами движения количественные наречия типа хоууландаа - вдвоем, гурбууландаа - втроем, а также хошоодоо - по двое, гурбаадаар - по трое, которые вносят в сочетание оттенок значения способа действия: гурбууландаа ябах - идти втроем; хошоодоо гуйхэ - бежать по двое.

6.1. Валентные связи глаголов движения распространяются и на образование ими целевых отношений. Причем значение целевых отношений редко выступает в чистом виде: оно соединяется со значением пространственных и объектных отношений: золголгодо ерэхэ - прийти на свидание; амаралтада ошохо - поехать на отдых.

В приведенных примерах бурятские глаголы движения соединяются с отвлеченными существительными в форме дательного падежа цели, в русском языке им соответствует сочетание глаголов движения с отвлеченными существительными в форме винительного падежа с предлогом на.

6.2. В некоторых сочетаниях глаголов движения значение объектных отношений может приобретать оттенок значения целевых отношений: уянда ошохо - пойти за водой; хубуундээ гуйн ошоод ерэхэ - сбегать за сыном.

Зависимому бурятскому существительному в форме дательного падежа соответствует в русском языке существительное в творительном падеже с предлогом за.

6.3. Для выражения целевых отношений в бурятском языке специально используются сочетания глаголов движения с целевыми деепричастиями, которые можно разделить на две группы: I) со-

четания глаголов движения с субъектным деепричастием и 2) сочетания глаголов движения с объектным деепричастием. В русском языке широко распространено выражение соответствующих целевых отношений при соединении: 1) глаголов движения с субъектным инфинитивом и 2) глаголов движения с объектным инфинитивом.

1. В сопоставляемых языках при сочетании глаголов движения с субъектным деепричастием (в бурятском языке) и субъектным инфинитивом (в русском языке) образуются целевые отношения одного действия к другому. Целевое деепричастие в бурятском и инфинитив в русском языках обозначают в таких сочетаниях действие как цель движения:

Әдеэлхэез ошоо, обедлэхэез ошоо - пошел обедать.

гурахаяа ерээ - пришел учиться.

Харахаяа ошоо Һэн - ездил осматривать.

Хахасахаяа ошобо (ерэбэ) - идет проститься.

Амидхаяа ниидэбэ - летит подышать.

Хоргодохоео гуйгээ - побежал прятаться.

Хөөрэхэез ерээ - пришел рассказывать.

Худалдахаяа ябаа Һэн - ехали продавать.

Хахалхаяа гараа Һэн - выехали пахать.

Мэдэхэез ошоо - поехал узнать.

Угаалдахаяа гараа - вышел умываться.

2. При сочетании с объектным деепричастием в бурятском языке и объектным инфинитивом в русском языке глагол обозначает движение, цель которого - вызвать со стороны другого лица совершение действия, названного деепричастием и инфинитивом, или движение, имеющее целью вызвать то действие, которое названо деепричастием и инфинитивом:

Танилсуулхынь зөөнэ - возят представить.

Шэнээр тахалхынь асараа - привели перековывать.

Харахынь асараа - привел смотреть.

Унтахынь абаашаа - отвела спать.

Специфика лексико-семантических особенностей образных глаголов движения, заключающаяся в характеристике атрибутивных, зрительно воспринимаемых признаков предмета, определяет и их валентностные синтаксические связи. Предмет, совершающий движение, характеризуется образным глаголом с точки зрения различных его качественных признаков. Поскольку образные глаголы движения употребляются при описании человека, животных и

явлений окружающей природы, мира, то в качестве субъекта при них употребляются имена существительные и местоимения, их обозначающие. В позиции субъекта при образных глаголах движения выступают существительные и местоимения, обозначающие одушевленные и неодушевленные предметы. Синтаксическое распространение валентных связей образных глаголов движения возможно существительными в орудном падеже, обозначающими орудие совершения того или иного движения: гараараа арбаганаха - размахивать руками; һуулээрээ оодогонохо - махать коротеньким хвостом.

Часть образных глаголов движения может недифференцированно соединяться с субъектом, обозначающим и человека, и животных: тажаганаха - бегать, носиться взад и вперед (только о ком-либо с большим животом); хуниганаха - 1) суетиться, сновать (о ком-либо с маленькими ушами); 2) перен. - кокетничать, жеманиться; зантаганаха - 1) двигаться, покачивая большой головой. 2) перен. - грубо шутить.

Употребление образных глаголов движения обусловлено восприятием действительности, поэтому на первый план выступает их функция характеристики качественных признаков предмета, связанная с различными ощущениями человека. Образные глаголы движения в основном используются для описания кого-либо или чего-либо, характеризуя определенные признаки предмета, субъекта. Атрибутивные признаки субъекта, производящего движение, имплицитно выражены самим образным глаголом движения: глагол балтаганаха характеризует движения толстого, неуклюжего человека, глагол һартаганаха обозначает быстрые движения человека, глагол тангаршааха - бег животных в беспокойном состоянии. Многие образные глаголы движения бурятского языка недифференцированно могут быть использованы как для характеристики действий человека, так животных и явлений окружающего мира. Глагол унжаганаха может обозначать движения долговязого, высокого человека или длинных предметов, һабиганаха - движения (трепет, дрожь) человека или животного. В таких случаях для различения необходимо обращение к контексту.

Анализ содержательной валентности глаголов движения на основе их семантико-синтаксического распространения при выражении пространственных, темпоральных, целевых, определительно-обстоятельственных, обстоятельственных, субъектно-объектных

отношений послеложными конструкциями в бурятском языке, предложными сочетаниями в русском языке, глагольными формами (целевыми деепричастиями. - в бурятском и инфинитивом - в русском языках) и наречиями в обоих языках позволяет сделать выводы, представляющие интерес как фрагмент проблемы сопоставительного изучения грамматического строя разноструктурных языков. При едином подходе к выявлению содержательной валентности, выраженной в сочетаниях с тождественной синтаксической семантикой, обнаруживаются расхождения в грамматических средствах оформления валентных связей бурятских и русских глаголов движения.

Типологические особенности языка наглядно, зримо предстают при сопоставлении синтаксических категорий, в частности валентности глаголов движения. "В правилах сочетания слов, в закономерностях образования разных видов и типов словосочетаний ярко проявляется национальная специфика языка"²³.

Основные расхождения сводятся к постпозиционному и препозиционному характеру синтаксического оформления валентности анализируемых глаголов движения агглютинативного бурятского и флективного русского языков. При реализации валентности глаголы движения обоих языков вступают в соединение с одними и теми же частями речи: существительными, глаголами, наречиями. Однако лексемы, выступающие в роли актантов, занимают разные морфолого-синтаксические позиции по отношению к глаголам движения. Анализ материала выявил левоактантные валентные связи глаголов движения в бурятском языке и правоактантные валентные связи в русском языке в образуемых ими сочетаниях. (Речь идет только о сочетаниях). В обоих языках содержательная валентность характеризуется синтаксическими отношениями зависимости существительных от глаголов движения. Связь осуществляется в бурятском языке с помощью послелогов и аффиксов, в русском - предлогов и флексий. Любое положение в обоих языках может занимать только актант, выступающий в качестве субъекта движения, преимущественно располагаясь слева от глагола.

Характер оформления синтаксической валентности в большой степени обусловлен лексико-семантическим значением лексем. Глаголы движения бурятского языка, в семантике которых содержится указание на направленность (ошохо - ерэхэ, орохо - гараха) при уточнении места (помещения, названия местности, работы или занятия) синтаксически распространяются существительными без уча-

ствия послелогов. Соответствующие значения в русском языке передаются сочетанием глаголов движения с предложными существительными: нургуулида ошохо - идти в школу, худэлмэрийөөн ябах - идти с работы, мурэндэ ошохо - идти на реку. Даже в тех случаях, когда направленность русских глаголов движения содержится в лексическом значении глагола, оформляясь морфологически с помощью префиксов, их валентность реализуется с участием предлогов, повторяющих указание на направление еще и синтаксическим средством: войти в дом - гэртэ орохо, прийти с работы - худэлмэрийөөн ерэхэ, выйти из дома - гэртэьээн гараха, поехать в Сибирь - Сибирь ошохо. Примеры показывают, что некоторые сочетания с существительными при глаголах движения в русском языке не всегда соответствуют послеложным конструкциям с глаголами движения в бурятском языке.

Все значения русских предлогов имеют соответствующие эквивалентные послелого в бурятском языке. Но синтаксическое функционирование послелогов и предлогов во многом различается, поэтому некоторые беспослеложные бурятские сочетания с глаголами движения соответствуют в русском языке предложным сочетаниям с глаголами движения. Даже в сочетаниях с бурятскими послелогом, значение которых передается на русский язык соответствующими предлогами, билингвам бывает трудно установить параллельные функциональные соотношения между послелогом и предлогом и синтаксически безошибочно выразить свою мысль. Русские предлоги, употребленные для выражения различных отношений, явно имеющие адекватное выражение в бурятском языке определенными послелогом с соответствующими значениями, не ощущаются ими в таких случаях по иной причине. Постпозиционный порядок расположения послелогов в бурятском языке в отличие от препозиционного расположения предлогов в бурятском языке накладывает свой отпечаток на интонационное произношение бурятских и русских сочетаний и отражается при грамматическом оформлении фразы билингвами. В послеложных конструкциях интонационно выделяются повышением тона употребляемые с послелогом лексемы, а послелог произносится с понижением тона, ослабленно, поэтому в произношении сливается со словом. В русском языке предлог, расположенный в препозиции с употребляемым словом, произносится на одном интонационном уровне с ним, поэтому носителем агглютинативного языка не ощущается как имеющий соответствие послелогоу.

С этим связаны интерферентные явления при употреблении предлогов в русском языке билингвами.

Как считает Р.А. Будагов, "природа синтаксиса обуславливает необходимость функционального к нему подхода"²⁴. Синтаксические функции морфологических категорий с послелогоми и предлогами исключительно многообразны и располагают важнейшими синтаксическими значениями. Они несут определенную семантическую нагрузку, уточняя лексическое значение глаголов движения в образуемых ими синтаксических конструкциях. Их служебная функция состоит в употреблении для выражения различных отношений и синтаксической корректировки фразы.

Функционирование падежей бурятских и русских существительных, образующих модели синтаксических связей глаголов движения обоих языков, во многом различается. Значения падежей при передаче одних и тех же синтаксических отношений, формируемых на основе валентности, не совпадают. В сочетании мини урда гуйжэ гараа - выбежал передо мной - послелог урда управляет местоимением в родительном падеже. В русском языке это же значение передано местоимением в творительном падеже. При наличии некоторых общих падежей (именительный, родительный, дательный, винительный) в бурятском и русском языках отмечаются различия их синтаксического функционирования при передаче одних и тех же содержательных категорий. Кроме того, в бурятском языке имеются орудный, совместный, исходный падежи, в формах которых отмечается синтаксическое распространение глаголов движения, в русском языке они передаются в основном формами творительного, родительного, предложного падежей.

Интересно отметить характер оформления синтаксической зависимости послеложных и предложных сочетаний от глаголов движения. Как показывает приведенный материал, послелоги бурятского языка в сочетаниях в основном употребляются с существительными в форме основы, часто - в форме родительного падежа, иногда - в формах исходного и дательного падежей. Предлоги же русского языка обязательно управляют существительными в косвенных падежах, имеющих формальное выражение в виде флексий. Значит, связь в сочетаниях глаголов движения с послеложными конструкциями в бурятском языке осуществляется в основном только с помощью послелогов, иногда - одновременно с помощью послелогов и падежных аффиксов, в русском языке связь оформляется в предложных

сочетаниях всегда с помощью предлогов и флексий одновременно.

Сопоставительный анализ синтаксико-морфологической реализации логико-семантических позиций актантов, регулируемых синтаксической валентностью, у эквивалентных в смысловом отношении глаголов движения бурятского и русского языков имеет плодотворное значение не только для теоретического сопоставления, но прежде всего для нужд практического преподавания и изучения. Последовательное разграничение валентных типов лексем могло бы способствовать объективизации лексикографической практики.

¹ См.: Степанова М.Д. Теория валентности и валентный анализ (на материале современного немецкого языка). - М.: МГПИ ИЯ им. М. Тореца, 1973. - 110 с.

² См.: Кибардина С.М. Основы теории валентности: лекции по сравнительной типологии немецкого и русского языков. - Вологда, 1979. - 65 с.

³ См.: Филичева Н.И. Понятие синтаксической валентности в работах зарубежных языковедов // Вопросы языкознания. - 1967. - № 2. - С. 118 - 125.

⁴ См.: Лосев А.Ф. О понятии языковой валентности // Языковая структура. - М., 1963. - Разд. 8. - С. 131 - 143.

⁵ См.: Зеленецкий А.Л., Монахов П.Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. - М.: Просвещение, 1983. - 240 с.

⁶ См.: Лебедева М.Н. Синтаксическая сочетаемость глаголов. - М.: Изд-во МГУ, 1984. - 89 с.

⁷ См.: Дорофеева Т.М. Синтаксическая сочетаемость русского глагола. - М., 1986. - 104 с.

⁸ См.: Мухин А.М. Валентность и сочетаемость глаголов // Вопросы языкознания. - 1987. - № 6. - С. 52 - 64.

⁹ Кибардина С.М. Указ. соч. - С. 4.

¹⁰ Степанова М.Д. О "внешней" и "внутренней" валентности слова // Иностранный язык в школе. - 1967. - № 3. - С. 13.

¹¹ Дорофеева Т.М. Указ. соч. - С. 10.

¹² Цит.: Дорофеева Т.М. Указ. соч. - С. 11.

¹³ Дорофеева Т.М. Указ. соч. - С. 21.

¹⁴ Лосев А.Ф. Указ. соч. - С. 133 - 134.

15 См.: Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. - л.: Изд-во ЛГУ, 1984. - 140 с.

16 Кибардина С.М. Указ. соч. - С. 20.

17 См.: Кибардина С.М. Указ. соч.

18 Харташкина Р.Х. Глаголы движения в русском и монгольском языках // Тр. Иркутского гос. ун-та. - Сер. языкознание. - Иркутск, 1965. - Т. 36. - Вып. 2. - С. 157.

19 См.: Дмитриев Н.К. Глаголы движения // Строй тюркских языков. - М.: Изд-во восточной лит-ры, 1962. - С. 590 - 598.

20 Кибардина С.М. Указ. соч. - С. 38.

21 Там же. - С. 36.

22 Адмони В.Г. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы // Вопросы языкознания. - 1958. - № 1. - С. 112.

23 Грамматика русского языка. - Т. 2. Синтаксис. - Ч. I. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - С. II.

24 Будагов Р.А. К теории синтаксических отношений // Человек и его язык. - М., 1974. - С. 84.

Принятое сокращение

Цыд. - Цыдендамбаев Ч. Банзарай хубуун Доржо. - Улан-Удэ, 1953.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
БЕССОЮЗНЫХ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
С ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ БУРЯТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Проблема сопоставительного изучения русского и других языков СССР в настоящее время приобрела особую актуальность в связи с функционированием русского языка как языка межнационального общения и сотрудничества.

Сравнительно-типологическое исследование бурятского и русского языков вызвано велением времени. Бурятский и русский языки давно функционируют, взаимно обогащая друг друга. Наименее изученную область составляет синтаксис сложного предложения бурятского языка. Бессюзные полипредикативные предложения с подчинительной связью бурятского и русского языков не были предметом специального изучения в сравнительном отношении. При сопоставлении языков разных систем нельзя переносить грамматические явления одного языка на явления другого, а также ставить знак равенства между законами рассматриваемых языков. Каждый язык развивается по своим особым законам. В.Г. Белинский писал: "Все языки, несмотря на свое различие, основаны на одних и тех же законах, и в то же время каждый из них имеет и свои особенные законы"¹. Известный советский языковед О.П. Суник отмечает: "Не научно видеть в каждом языке черт, явлений и категорий, свойственных всем известным в науке языкам..., но и видеть в каждом языке и его категориях только "совершенно автономное явление" также глубоко ошибочно"².

Ссылаясь на эти высказывания, мы рассмотрим в сопоставительном аспекте бессюзный тип предложений бурятского и русского языков. Эти два языка являются генетически отдаленными друг от друга, русский относится к славянской группе, бурятский - к монгольской. Поэтому в сравнительном исследовании бессюзных полипредикативных (сложных) предложений двух языков ставится задача выяснить возможности сходства или различия.

Бессюзные сложные конструкции привлекают внимание многих исследователей, существуют самые противоречивые толкования их классификации. Долгое время бытовало мнение, что бессюзные сложные предложения - "явление чисто разговорное, народное".

это мнение в какой-то мере тормозило развитие науки о бессоюзных конструкциях. Типичность бессоюзия для русской устной разговорной речи подчеркивали А.Б. Шаширо, О.А. Лаптева, в.Н. Ширяев и др.

А.М. Пешковский³ первым в русской лингвистике дал теоретическое осмысление бессоюзным сложным предложениям. Особое внимание он уделял интонации в бессоюзном сложном предложении, отмечая, что интонация замещает союзы определенных значений: сочинительные и подчинительные. Форму бессоюзного сложного предложения он рассматривает как некоторую модификацию формы сложного предложения, полагая, что значения, которые в союзном типе передаются союзами и союзными словами, в бессоюзном сложном предложении передаются соответствующими интонационными типами. По мнению А.М. Пешковского, интонация может заменить грамматические средства. Безусловно, значение интонации неоспоримо, но не до такой степени, чтобы возмещать отсутствие союзов и союзных слов, что экспериментально доказала Т.М. Николаева⁴. Интонация в бессоюзном сложном предложении по сравнению с интонацией в союзных сложных предложениях отличается, несомненно, большей яркостью, выражает смысловые отношения между предикативными конструкциями. В системе языка нет обязательной закреплённости определенных интонационных конструкций за определенными структурами бессоюзного сложного предложения.

Значительный вклад в теорию бессоюзных сложных предложений внесли работы Н.С. Пospelова⁵, в которых содержится ряд сведений о грамматической природе и свойствах бессоюзных конструкций. "Бессоюзными сложными предложениями, — пишет он, — оказываются такие сложные предложения, части которых, оформленные грамматически как предложения, объединяются в одно целое не при помощи союзов или относительных слов, а непосредственно взаимосвязанностью содержания входящих в их состав предложений, что и выражается теми или иными морфологическими ритмико-интонационными средствами"⁶.

Интересные выводы по бессоюзным сложным предложениям делает в.Н. Ширяев⁷. Бессоюзный сложный тип предложения многообразен по характеру смысловых взаимоотношений, заложенных в содержании предикативных конструкций. Он отмечает, что отношения могут основываться не только на лексико-семантическом содержании частей, но и повседневно опыте говорящих. Смысл некоторых

бессоюзных сложных конструкций может быть понятен только узкому кругу говорящих (микроколлективу), обладающему лишь ему присущим запасом знаний. Поэтому-то категория бессоюзия долгое время была отнесена к категории разговорной речи. В "Русской грамматике" читаем: "Бессоюзный способ соединения предложений ограничен преимущественно рамками разговорной речи"⁸. Авторы "Русской грамматики" бессоюзные конструкции определяют как "бессоюзные соединения предложений", "особые синтаксические образования, в большей или меньшей степени соотносительные со сложными предложениями, но отличающиеся от них отсутствием союзной или местоименной связи между частями"⁹. Действительно, бессоюзные сложные предложения употребляются в литературе реже, чем другие конструкции. Но тем не менее их нельзя относить к чисто разговорной речи. Бессоюзные сложные предложения - это самостоятельный тип предложений, существующий как особая синтаксическая единица, имеющая собственную синтаксическую форму. Бесспорно, в бурятском языке, как и в русском, тоже существуют такие структуры предложения.

Синтаксис монгольских языков имеет богатую историю исследования. Вопросы бурятского синтаксиса освещались в работах многих ученых-монголоведов. Некоторые ученые предполагали, что в монгольском языке отсутствуют сложные предложения, так как причастные и деепричастные обороты служат формой выражения придаточных предложений.

Г.Д. Санжеев в работе "Синтаксис монгольских языков" писал: "Наличие развернутых членов в монгольском языке устраняет надобность в различного рода придаточных предложениях"¹⁰.

Т.А. Бертагаев одним из первых приступил к более детальному изучению бурятских сложных предложений. В статье "Классификация союзных и бессоюзных придаточных предложений в современном бурятском языке"¹¹ к числу бессоюзных придаточных предложений он отнес: 1) определительные, 2) причины, 3) дополнительные, 4) следствия, 5) сказуемого, 6) обстоятельства места и 7) обстоятельства образа действия. Рассматривая такое предложение: Юэн ухибууд суглараад ехэл обтой ажаллаа, саһаар толгой дархалаа. - Девять детей собрались и работали с большой охотой, лепили снежные головы - как дополнительное придаточное, он, как нам кажется, допустил неточность. По современным представлениям бурятского синтаксиса, это простое распространенное предло-

жение с однородными сказуемыми ажаллаа, дархалаа.

Заметный след в истории бурятского синтаксиса оставили работы Д.Д. Амоголонова, Д.А. Алексеева и др.

В 1985 г. издана книга Ц.Ц. Цыдыпова "Буряад хэлэнэй синтаксис"¹², где он на большом фактическом материале доказывает, что в бурятском языке имеются бессоюзные сложные предложения.

Бесомый вклад в изучение типов сложных предложений монгольских языков внес Г.Ц. Цорбеев своей работой "Типы сложных предложений в монгольских языках"¹³. Он более глубоко и полно анализирует сложные предложения калмыцкого, монгольского и бурятского языков. Бессоюзный тип сложного предложения он разделяет на две конструкции: бессоюзные сложные предложения сочинительного и подчинительного типов. К последним он относит предложения с анафорическим словом в первой части, фиксированными формами глаголов – сказуемых, предложения с изъяснительной частью, причинным обоснованием во второй части, пояснительной второй частью, объяснительно-присоединительной частью.

В последние годы группа новосибирских ученых под руководством М.И. Черемисиной проводит интересную работу по изучению языков народов, населяющих обширную территорию Западной и Восточной Сибири. Они предлагают совершенно иную, новую концепцию изучения синтаксического строя языков алтайской семьи.

В Новосибирске была издана монография Е.К. Скрибник¹⁴. В ней описываются типы синтетических и аналитико-синтетических конструкций бурятского языка: причастно-падежные, причастно-последовательные, деепричастные, определительные и др. Эта работа описывает совершенно новый подход к рассмотрению синтаксиса бурятского языка.

Сложные бессоюзные предложения как в русском, так и бурятском языке представляют собой сочетание двух или нескольких предикативных единиц – предложений, которые лишены конкретных показателей синтаксической связи: союзов и союзных слов. Из-за отсутствия таких компонентов предложения этого типа допускают различные толкования. Их относят и к сложносочиненным, и сложноподчиненным. Бэхээр бэшэхэдэ түбэгтэй: шэнгэн бэхэ саарһан дээрэ дуһахаяа тэгүүлнэ. – Плохо писать чернилами: жидкие чернила так и готовы капнуть на бумагу. Это предложение можно отнести и к сложноподчиненному, подставив нужное союзное слово: бундэб гэхэдэ – потому что. Плохо писать чернилами, потому что

жидкие чернила так и готовы капнуть на бумагу. Я не пошел гулять: было холодно. Я не пошел гулять, потому что было холодно.

Эти два предложения по своей структуре одинаковы: бессоюзное сложное предложение с подчинительной связью. Каждое из этих предложений (бурятское и русское) состоит из двух предикативных единиц: бэхээр бэшэхэдэ түбэгтэй (1); шэнгэн бэхэ саарһан дээрэ дуһахаяа тэгүүлдэ (2); я не пошел гулять (1); было холодно (2). Первые предикативные единицы имеют интонационную незавершенность и после себя требуют обязательной завершенности действия, поэтому вторая – завершает. В этом отношении роль интонации в бессоюзном сложном предложении весьма существенна. В целом эти две предикативные конструкции имеют законченное содержание – одно высказывание.

Предикативная единица – это синтаксико-структурное единство, образованное подлежащим и сказуемым, объединенными предикативными отношениями. Традиционная терминология "простое предложение" не совсем подходит к семантическим членениям сложных предложений. Предикативные единицы входят в состав сложных предложений, образуя единое целое.

В рассмотренных выше предложениях может быть выявлена причинная связь между предикативными конструкциями, раскрывающаяся из лексико-семантического содержания предложения: Почему плохо писать чернилами? Почему я не пошел гулять? Появление второй части (2-я предикативная единица) обусловлено контекстом. На такую особенность бессоюзных сложных предложений указывает Н.В. Кирпичникова: "Информация, содержащаяся в первой части, ... включает в себе смысловой элемент "несоответствия", который и ведет к появлению второго, мотивирующего сообщения"¹⁵.

Таким образом, бессоюзные полипредикативные конструкции характеризуются семантической незавершенностью первой части, которая требует обязательной второй части, которая "подготовлена" или же "заложена" в логической структуре первой части конструкции. Поэтому бессоюзное сложное предложение отличается особой коммуникативной организацией, играющей важную роль в создании прочной структуры. Это характерно для двух сопоставляемых языков, несмотря на то, что они относятся к разносистемным языкам. Хотя языковая система бессоюзных сложных предложений русского языка трактуется по-разному, все же мнение ученых-синтаксистов сводится к одному: в русском языке есть бессоюзный тип сложных

предложений. А.Н. Гвоздев¹⁶, В.А. Белошапкова¹⁷ и многие другие исследователи признают наличие бессоюзных конструкций.

Т.А. Бертагаев еще в 1949 г. в одной из своих статей, посвященных синтаксису бурятского языка, писал о наличии таких конструкций в бурятском языке. Он утверждал: "По моему глубокому убеждению, в современном бурят-монгольском языке существуют не только бессоюзные сложноподчиненные предложения, но и союзные"¹⁸. Такие ученые, как Ц.Ц. Цыдыпов, Г.Ц. Шорбеев, разделяют точку зрения Т.А. Бертагаева о том, что в бурятском языке существуют бессоюзные сложные предложения.

При сопоставлении предложений данной конструкции мы придерживались взглядов А.Н. Гвоздева, авторов "Русской грамматики", Т.А. Бертагаева и Г.Ц. Шорбеева, которые, на наш взгляд, наиболее полно описали их.

Сравним бессоюзные сложные предложения с подчинительной связью, в которых одна из предикативных единиц зависит от другой и носит подчиненный характер или подчиняющий по отношению к другой.

Бурятский язык

1. Бессоюзное сложное предложение с придаточным подлежащим. Придаточное предложение раскрывает содержание действующего субъекта при главном предложении

Зай, ойлгооб, тэрэ тон зуб хэлээ. - Все понял, он говорил правильно

2. Бессоюзное сложное предложение со сказуемым. Придаточное предложение объясняет содержание сказуемого главного предложения. Такие предложения имеют на первом месте главное, содержащее сказуемое, выраженное местоимением тиймэ - такой, таков.

Русский язык

1. Бессоюзное сложное предложение с придаточным подлежащим. Придаточное предложение характеризуется наличием неполного главного предложения, у которого недостает подлежащего

Ясно, что-то случилось (А. Толстой)

2. Бессоюзное сложное предложение со сказуемым. Отношения, выражаемые такими предложениями, являются отношениями раскрытия обобщающего слова

Обычай мой таков: с волками не делать мировой,

Эдэ зохёолнуудай удхань
имэ: урда сагай байдал ха-
руул. - Значение этих про-
изведений таково: показать
жизнь раннего периода

3. Бессюжное сложное
предложение с дополнительным
придаточным. дополнительное
придаточное предложение явля-
ется развернутым дополнением
к главному предложению

Ойлгон гэнээмни ахаймни
Ойром гэнтэ байбагуй:
Эжэтэйм орхед намайгаа
Энэм хайшаа талингааб?
(Г. Чимитов). - (Когда)
я оглянулся,
брата около меня не
было: куда же он ушел,
с матерью оставив меня?

4. Бессюжное сложное
предложение с придаточным оп-
ределительным. Одно из пред-
ложений, входящих в состав
бессюжного сложного предло-
жения, выражает признак пред-
мета, обозначенного существ-
ительным

Нухэдээ дунда имэ зан-
шал бии юм: нутаг нутагаа
дундаа магталсаха (Н. Дамди-
нов). - Среди друзей есть та-
кой обычай: хвалить друг пе-
ред другом свою родину

5. Бессюжное сложное
предложение с придаточным
причины. Придаточное пред-

как снявши шкуру с них долой
(И. Крылов)

3. Бессюжное сложное
предложение с дополнительным
придаточным. в них главное
предложение занимает первое
место, придаточное восполняет
отсутствующее в главном допол-
нение

Заранее предупреждаю:
удобств на пути не будет
(А. Чехов)

4. Бессюжное сложное
предложение с придаточным оп-
ределительным. В таких предло-
жениях придаточное предложение
относится к существительному
главного предложения и опреде-
ляет его

Около огня двигались лю-
ди; я узнал Дерсу - он поправ-
лял дрова (В. Арсеньев)

5. Бессюжное сложное
предложение с придаточным при-
чины. Одно из предложений вы-

ложение показывает причину совершения действия в главном

Тэдэ ехэ баярлана: мунээ-дэрэй дунгүүд муу бэшэ байба. - Они очень рады: итоги сегодняшнего дня неплохие

6. Бессюжное сложное предложение образа действия. Придаточное предложение показывает способ совершения действия в главном

Абын бэшэг харахадаа, хүүгэдэй баяр налбараа: нүдэднь гэрэлтээ... (Ш. Нимбуев). - Увидев письмо отца, радость детей расцвела: глаза загорелись

7. Бессюжное сложное предложение с придаточным следствия. Придаточное предложение показывает следствие, вытекающее из главного

Ши найнаар худэлэ: ундэр ургаса абахаш. - Ты работай хорошо: получишь богатый урожай

8. Бессюжное сложное предложение с придаточным места. Придаточное предложение показывает место совершения действия, выраженного в главном

Харгыгуй газарааршье ябанагуй, харгы соогууршье ябанагуй, харгын далан дээгүүр ябажа хүрэбэ (А. Тороев). - Не идет по бездорожью, не идет по дороге, пошел по обочине дороги

ражает причину и легко допускает замену предложениями с причинными союзами потому что, так как ...

Любите книгу: она поможет вам разобраться в пестрой путанице мыслей (М. Горький)

6. Бессюжное сложное предложение образа действия. Придаточное предложение указывает на способ совершения действия, действие

Туман был слишком густой, в двух шагах ничего не видно

7. Бессюжное сложное предложение с придаточным следствия. Придаточное предложение показывает следствие

Солнце дымное встает - будет день горячий (А.Твардовский)

8. -----

9. -----

9. Бессоюзное сложное предложение с придаточным времени. Придаточное предложение находится на первом месте, а главное - на втором

Стемнеет - всюду по степи зажигаются огни

10. -----

10. Бессоюзное сложное предложение с придаточным условным. В таких предложениях допускается союз если

(Если) будете в театре - заходите (К. Федин)

11. -----

11. Бессоюзное сложное предложение с придаточным уступительным. Такие предложения сходны с условными, временными

Давно пора бы каждому свернуть своей дорогой - они рядом идут (Н. Некрасов)

12. -----

12. Бессоюзное сложное предложение с придаточным цели. В "Русской грамматике" выделен такой тип придаточного предложения

Плохо не клади, вора в грех не вводи (посл.)

В бурятском языке не выделяются бессоюзные сложные предложения с придаточным времени, условным, уступительным и цели, а в русском - придаточным места. Несмотря на разные языковые системы, сопоставляемые языки имеют несомненное сходство в классификации бессоюзных полипредикативных предложений с подчинительной связью. Не только в художественной литературе, но и устной речи используются такие конструкции. Одни из них больше употребляются в устной разговорной речи, потому что она более гибка, говорящий стремится упростить и облегчить свою речь, убрать шаблоны, клише, громоздкие высказывания. Структура бурятских и русских предложений разная.

Выразительность бессоюзных полипредикативных предложений особенно ощутима в фольклоре. Пословицы и поговорки в сопоставляемых языках в большинстве представляют собой бессоюзные сложные предложения: любишь кататься, люби и саночки возить. Хэлэ-хэдэ бэлэн, хэхэдэ бэрхэ. - Говорить легко, делать трудно. Безусловно, русский язык более богаче и шире применяет такой тип предложений, но и в бурятском языке нельзя обойтись без них.

¹ Белинский В.Г. Основания русской грамматики. - М., 1837. - С. 5.

² Сунник О.П. Общая теория частей речи. - М.; Л., 1966. - С. II.

³ См.: Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М., 1956.

⁴ См.: Николаева Т.М. Интонация сложных предложений в славянских языках. - М.: Наука, 1969. - 286 с.

⁵ См.: Поспелов Н.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. - М., 1950.

⁶ Там же. - С. 343.

⁷ См.: Ширяев В.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. - М., 1986.

⁸ Русская грамматика. - М., 1980. - Т. 2. - С. 634.

⁹ Там же.

¹⁰ Санжеев Г.Д. Синтаксис монгольских языков. - М., 1934.

¹¹ Бертагаев Т.А. Классификация союзных и бессоюзных придаточных в современном бурятском языке // В помощь учителю (материалы научно-педагогического совещания). - Улан-Удэ, 1949. - С. 66.

¹² См.: Цыдыпов Ц.Ц. Буряад хэлэнэй синтаксис. - Улан-Удэ, 1985.

¹³ См.: Нюрбеев Г.Ц. Типы сложных предложений в монгольских языках. - М., 1979.

¹⁴ См.: Скрибник В.К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. (Структурно-семантическое описание). - Новосибирск, 1988.

¹⁵ Кирпичникова Н.В. К изучению семантики сложного предложения современного русского языка (на материале бессоюзных конструкций со значением мотивации) // Вест-

ник Московского университета. Серия 9. Филология.
1981. - № 2. - С. 36.

16 См.: Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. - Ч. 2. Синтаксис. - М., 1968.

17 См.: Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. - М., 1967.

18 Бертагаев Т.А. Указ. соч.

О ТИПАХ СВЯЗИ ГЛАВНОГО И ПРИДАТОЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЙ В БУРЯТСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Синтаксические категории отражают общие закономерности мышления. В разных языках они находят выражение в общей структуре предложений. Несмотря на большие различия в грамматическом строе бурятского и французского языков, в них можно найти не только особенное, но и общее. По нашему мнению, интерес представляют типы связей в сложноподчиненных предложениях бурятского и французского языков. В бурятском языке различают три основных типа связи между главным и придаточным предложениями: бессоюзный, аналитический, синтетический, во французском – два: бессоюзный и аналитический.

"Сложным бессоюзным предложением называются два или несколько предложений, связь между которыми устанавливается без участия грамматических средств, союзов и союзных слов"¹. В бурятском языке бессоюзное предложение рассматривается соотносительно со сложносочиненным или сложноподчиненным предложением². Во французском к бессоюзному типу можно отнести: а) соположение (бессоюзие), которое рассматривается не как формальный вариант сочинения или подчинения, а как особый вид семантической связи, возможно синонимичный сочинению или подчинению³; б) АПЮ – абсолютные причастные обороты⁴, называемые бессоюзными придаточными предложениями⁵; в) инверсия приглагольного местоимения в придаточном предложении.

Бессоюзная связь имеется и в бурятском, и французском языках. В обоих языках эта связь может быть синонимична и сочинению, и подчинению. В устной речи эта связь отмечается интонацией, в письменной – пунктуацией. Являясь синонимами сложноподчиненных, такие предложения могут выражать различные отношения (табл. I).

К бессоюзному типу связи во французском языке Н.М. Штейнберг относит также абсолютные причастные обороты (АПЮ). Она называет их бессоюзными придаточными предложениями, имеющими глагол в форме причастия и подлежащее, отличное от главного предложения. От обычных причастных оборотов АПЮ отличаются наличием своего субъекта, не совпадающего с каким-либо членом основ-

Отношения	Бурятский язык ^б	Французский язык ^в
причинно-следственные	Байгалай уһан айхабтар тунгалаг: оёоройнь хайр шулуун элихэнээр харагдажа байдаг (л. Шагдаров)	Il faisait frais, on rentrera bientôt dans le salon (Maupassant)
Пояснительные	Байкхальская вода очень прозрачна: камни на дне хорошо видны	Вскоре мы вернулись в гостиную: становилось прохладно
	Дэлгэр амаржа байна: энэ һунииндөө мори манаа (л. Шагдаров)	L'air fraîchit un peu: on arrivait hors de la forêt... (Cogniot)
	Дэлгэр отдыхает: этой ночью он пас лошадей	Воздух посвежел: мы подошли к краю леса...
Определительные	Нүхэдэй дунда иимэ заншал бии юм: нютаг нютагаа дундаа магталсаха (Н. Дамдинов)	La pièce était vide: Anne-Madeleine n'était pas rentrée (Bosco)
	У друзей есть такой обычай: хвалить друг другу свою родину	Комната была пуста: Анна-Мадлен не вернулась
Условные	Та найнаар ирагты, заабол олохот (разг.-быт.)	Cherchez, vous trouverez (разг.-быт.)
	Вы посмотрите получше, обязательно найдете	Ищите, вы найдете

Императив в первой части предложения является признаком условного значения^б.

Предположения	аймшагтайл амитан байгаа ёһотой: бүхы ангууд хоргодошобо (л. Шагдаров)	On me dirait qu'il est fiancé..., je n'en serais pas surprise... (Colette)
	Страшное должно быть существо: все звери попрятались	Сказали бы мне, что он помолвлен, я не удивилась бы

1	2	3
Условно-временные	Ши ерээрээ, би шамда ном угэхэб (разг.-быт.) Ты приходи, я тебе дам книгу	Tu viens chez moi, je te donne ce livre (разг.-быт.) Ты приходи ко мне, я дам тебе эту книгу

ной части предложения⁹. Грамматика современного французского языка называет *AttO* причастными предложениями, которые не вводятся никакими подчинительными терминами, так как формы глагола уже достаточно для выражения подчинения¹⁰. В большинстве случаев такие предложения выражают причинные, временные, условные и уступительные отношения.

В придаточных предложениях, выражающих причинные отношения, глагол может быть представлен причастием настоящего времени (действительного или страдательного залога) или сложным причастием прошедшего времени. Первые выражают отношения причины или мотива и являются эквивалентами придаточному с союзом так как:

<i>Après le diner, la soirée étant belle et le temps chaud, on se réunit dans le jardin autour d'une table rustique pour prendre le café (Mérimée)</i> ¹¹ .	Так как вечер выдался теплый, после ужина собрались пить кофе в саду за простым деревенским столом
--	--

Вторые выражают действие, предшествующее действию главного предложения:

<i>Son père lui ayant dit de voyager seul et modestement, il était venu dans le coupé de la diligence retenu pour lui seul (Balzac)</i>	Так как отец велел ему путешествовать скромно и в одиночестве, он приехал один в двухместной карете
---	---

Предложения, выражающие временные отношения, предшествуют действию главного и соответствуют придаточным предложениям с союзом когда. Глагол таких предложений может иметь форму сложного причастия прошедшего времени, причастия настоящего времени страдательного залога или причастия прошедшего времени

со вспомогательным глаголом быть (être), причем последний опускается:

La vaisselle lavée et rangée, Когда посуда была вымыта и
Clementine accompagna Elisabeth убрана, Клемантина проводила
dans sa chambre (Troyat) Элизабет в ее комнату

Такие предложения называют усеченными из-за отсутствия глагола. Иногда они вводятся наречиями, являющимися частью союзных слов, выражающих временные отношения:

Aussitôt le déjeuner fini, Как только обед закончился,
on retourna à l'Exposition мы вернулись на Выставку
(Maupassant)

Предложения этого типа особенно часто употребляются в литературном языке, так как позволяют избежать нагромождения фразы.

Абсолютным причастным оборотам близки по конструкции анаколуфы с гарундием. От АПО они отличаются тем, что их подлежащее выражается притяжательным или указательным прилагательным, которое находится в главной части предложения. Такие конструкции эквивалентны временным, условным, причинным, уступительным придаточным предложениям:

En traversant le vestibule pour Когда она шла на кухню,
gagner la cuisine, des lettres et письма и газеты, просунутые
des journaux glissés sous la porte под входную дверь, привлек-
d'entrée attirent son attention ли ее внимание (дословно:
(Martin du Gard) Проходя на кухню...)

Наряду с соположением и АПО, в условно-уступительных придаточных предложениях инверсия приглагольного местоимения заменяет союз, следовательно, здесь имеет место "чистое" бессоюзие:

Même seraient-elles innocentes, Какими бы невинными они ни
avec lui elles sortiraient plus были, с ним они все равно
noires que la poix (Druon) будут черней смолы

Имеется точка зрения, что в бурятском языке причастные и деепричастные конструкции считаются придаточными предложениями. Т.А. Бертагаев признает наличие двучленных причастных и деепричастных оборотов, которые имеют в своем составе имя и

отличаются от прочих моделей оборотов тенденцией к обособлению, а также тем, что по своему смыслу они чаще соответствуют придаточному предложению¹². Однако в отличие от АПО и анаколуфов французского языка, называемых бессоюзными придаточными, причастные и деепричастные конструкции бурятского языка связаны с основной частью предложения синтетически, т.е. показатель связи как основной носитель синтаксического значения входит в состав зависимого сказуемого на правах морфемы¹³.

В.К. Скрибник выделяет следующие конструкции¹⁴:

1. Причастно-падежные, или конструкции причастного предикативного склонения. Зависимые синтаксические позиции в них образуются при помощи падежных аффиксов, которые присоединяются к причастным формам глагола и выражают временные, причинные, пространственные, сравнительные отношения:

Эсэгынгээ ерээгүйдэ гэрьээн
бу гаратгы

Пока отец не придет, из дома
не выходите

2. Причастно-последовательные, в которых в состав зависимого сказуемого входят служебные слова - послелоги (тула, бури, тухай, дээрэ, адли, тээшэ и др.). Они представляют аналитико-синтетический способ связи, так как присоединяются к причастно-падежным формам и могут выражать различные отношения, например сравнения:

Тамжилхаһаа дээрэ найн юмэ
һанабагүй

Не придумал ничего лучшего,
чем закурить

3. Конструкции с деепричастными формами могут иметь уступительные, предельные, причинно-следственные значения:

Гостиницада байбашье, нүхэдтээ
аргагүй орохо

Хотя живет в гостинице, к
друзьям обязательно зайдет

Очевидно, показателем синтетического способа связи является глагольная форма. Этот способ связи есть разновидность бессоюзного. Подчинение в бессоюзном сложном предложении может выражаться следующим образом:

В бурятском

Французском

1. Соположением, синонимичным
подчинению

1. Соположением, синонимичным
подчинению

2. Глагольными формами:
- а) причастно-падежными конструкциями,
 - б) причастно-последельными конструкциями,
 - в) конструкциями с деепричастными формами

2. Глагольными формами:
- а) абсолютными причастными оборотами (АЮ),
 - б) деепричастными конструкциями (анаколуфами)

3. Инверсией

Бессоюзный тип связи во французском языке наиболее ярко выражен в придаточных предложениях с инверсией приглагольного местоимения, в бурятском языке инверсия – явление довольно редкое.

Наиболее распространенным типом связи, выражающим синтаксические отношения между главным и придаточным предложениями, в различных языках является аналитический. Он осуществляется посредством связующих слов, которые несут в предложении двойную функцию: 1) связывают два предложения в одно целое; 2) выражают конкретный смысловой характер связи между ними¹⁵.

В бурятском и французском языках связующие слова представлены союзами и союзными словами. Их функции идентичны. Союзы не имеют лексического значения, они более универсальны, абстрактны, особенно наиболее употребительные, тогда как союзные слова более конкретны и однозначны¹⁶.

В бурятском языке связующие слова подразделяются на три группы:

1. Дицендиальные, образованные от глагола гэхэ. В своих различных деепричастных и причастных формах в качестве связующего слова они устанавливают подчинительную связь между двумя предложениями. По составу они могут быть одиночными (гэжэ, гэхэдэ, гэмээр и др.), двойными (гэбэл гэхээр), сложными, сопровождаемыми частицами (гэхэ мэтэ, гэбэшье), послелогоми (гэхын орондо), другими служебными словами (гэжэ ябатар, гэжэ байтар), теми и другими (гэхэ байгаа наа, гээн байбашье).

2. Корреляты, соотносительные союзные слова, основанные на взаимно-сопоставительной связи вопросительного и указательного местоимений (хэн...тэрэ, юун...тэрэ, ямар...тимиэ и др.).

3. Полуаффиксальные союзы или союзы-частицы (аад¹⁷, хада наа¹⁸).

Во французском языке связующие слова представлены союза-

ми и союзными словами (наречиями, местоимениями). Союзы могут быть простыми и сложными. Простые союзы - наследие латинского языка, их четыре: когда - *quand* (*quando*); если - *si* (*si*), так как - *comme* (*cum*); что - *que* (*quam, quod*).

К сложным относятся различные комбинации, в состав которых входит союз что (*que*). Это могут быть:

- 1) наречия и союз - тогда как - *alors que*; как только - *des que*; хотя - *bien que*;
- 2) предлоги и союз - как только - *dès que*; после того как - *après que*;
- 3) предлог, наречие и союз - стоит только - *pour peu que*;
- 4) глагольная форма и союз - в ожидании пока - *en attendant que*; в виду того что - *vu que*; если предположить, что - *à supposer que*;
- 5) существительное и союз - в то время, когда - *à l'heure que*; при условии, что - *à condition que*.

Как и в бурятском, во французском языке соотносительные слова довольно редко употребляются, но они обязательны в придаточных дополнительных:

Je sais ce qui vous intéresse Я знаю то, что вас интересует

Часто функцию относительного слова здесь выполняет определенный артикль:

Je connais l'homme dont Я знаю этого человека,
vous parlez о котором вы говорите

Для смыслового подчеркивания, которое достигается соотносительными словами, французский язык использует более конкретные способы выражения. Соотношение тогда... когда во французском будет выражено словами в момент...когда - *au moment quand*, а соотношение там (туда)... где - в этом месте... где - *à l'endroit ou*.

Союзы и союзные слова являются не только средством связи между главным и придаточным предложениями, но и выражают определенные отношения, согласно которым их можно разделить на отдельные группы (табл. 2).

Как видно из табл. 2, функции связующих слов в бурятском и французском языках идентичны, так как они выражают отношения, отражающие общие закономерности мышления. Наиболее распространенными связующими словами в бурятском языке являются диценди-

Отношения	Бурятский язык ¹⁹	французский язык ²⁰
1	2	3
Временные	<p>Гэхэдэнь, гэтэр, гэжэ байтарнь, гэжэ ябатарнь, гэхэтэй сасуу, хэзээ...тэрэ, юун гэнэб ...тиигэхэн хойно</p> <p>Гайн пошто бии болоо гэжэ байтарни Жаргал гүйжэ арилаал (Д. Батожабай)</p> <p>Пока объяснял, что получены хорошие известия, Жаргал уже убежал</p>	<p>Когда - quand, comme, пока - pendant que, как только - dès que, с тех пор как - depuis que, du moment que, до тех пор как - jusqu'd ce que</p> <p>Pendant qu' il me parlait, je regardais avec emotion ce petit salon (Daudet)</p> <p>Пока он мне рассказывал, я с волнением разглядывал эту маленькую гостиную</p>
Причинные	<p>Аал, гэжэ, гээд, гэхэн хэбэртэй, юунлэб гэхэдэ, яахадааб гэхэдэ</p> <p>Хүбүүгээ сэрэгтэ мордохуулаабди гээд удэр хүнигүи ханаанда хатажа уха гэжэ юуб (Х. Намсараев)</p> <p>Стоит ли горевать и сохнуть день и ночь от того, что проводили сына в армию</p>	<p>Потому что - parce que puisque, в виду того что - attendu que, дело в том, что - c'est que, так как - comme</p> <p>Catherine aime les fleurs parce que les fleurs sont belles; elle les aime aussi parce qu'elles sont des parures (France)</p> <p>Катрин любит цветы, потому что они красивые, она их любит еще и потому, что цветы - украшение</p>
Целевые	<p>Гэжэ, гээд, гэхын тула</p> <p>Газаа байһан мориень Гартаа оруулха гэлдэжэ Гаран тургээр гуйлдэнэ (Х. Намсараев)</p>	<p>Для того чтобы - pour que, afin que, чтобы - de crainte que, de peur que</p> <p>Le peintre défendait à madame Joseph de balayer, de peur que la poussière ne</p>

1	2	3
Быстро побежали, чтобы забрать коня, стоявшего во дворе	couvrit ses toiles fraîches (Zola)	Художник запрещал мадам Жозеф подметать, чтобы пыль не летела на его свежие полотна
Условные Гэбэл, гээ һаа, гэлэн хойно, гээ хадань, гэхэдээ	Если - si, при условии - à condition que, лишь бы - pourvu que, если только - supposé que, в случае - en cas que	S'il fait beau demain, viens avec nous dans la forêt (разг.-быт.)
Шэниисээр баян нуухам гэ- бэл, шэнэ газар үргэнээр хахала (пословица) Если хочешь быть богатым пшеницей, распаша больше целины	Поедем с нами в лес, если завтра будет хорошая погода	Хотя - bien que, quoique, даже если - même si, quand même
Уступительные Гэбэшье, гэлэн аад, аад	Тэндэ хонишон һамгадай хулай гэлдэжэ хашхаралда- хань, хэды үглөөнэй суря- ан гэбэшье 'һаа, шэхэнэй үзүүртэ буур-туур шаад гэжэ дуулдана (Х. Намса- раев)	Ce qu'elle avait de beau, c'étaient les yeux; quoi- qu'ils fussent bruns, ils semblaient noire à cause des cils (Flaubert)
Как бы хорошо в эту ут- реннюю пору ни разноси- лись звуки, крики пасту- хов были едва слышны	Что у нее было прекрасного - так это глаза: хотя они были карими, из-за ресниц они казались черными	
Образа Гэжэ, гэхэ, гэхээр, гэ- действия бэл гэхээр, гэжэ бай- һар, хайшан гээд..тии- гээд	Так - de maniere que, de façon que, таким образом - de sorte que	

1	2	3
	<p>Хайшан гээд хэхэм гэжэ ханаа хэмбиб, тиигээд хэхэш (разг.-быт.) Как я думал делать, так ты и сделаешь</p>	<p>Elle avait parlé de manière que les autres n'entendaient pas (Vailland) Она говорила так, что другие не слышали</p>
<p>Сравнения, сопоставления</p>	<p>Гэйэндэл, гэйэн шэнги Дун гэгшэ ааб гэйэн шэнги урдавань үрээхэн нүдэсэ хёройлгон, энгүүрхуу янзаар хараад байна (Х. Намсараев) Он смотрел ему в лицо насмешливо, прищуриив один глаз, как бы ожидая, что же тот ему еще скажет</p>	<p>Как - comme, ainsi que, de même que Catherine imaginait un repaire de brigands, comme il y en avait dans les contes de sa mere jadis... (Clancier) Катрин представляла себе такое логово разбойников, какие когда-то были в сказках ее матери</p>
<p>Пространственные (места)</p>	<p>Хаана...тэндэ, хайшаа... тиишээ, хаагуур...тэрээгуур Хаанааа бороо ороноб, тэндэвээ тэнгэри сэлмэдэг (поговорка) Небо светлеет там, где начался дождь</p>	<p>Где - où, там, где - là où Mais là où les uns voyaient l'abstraction, d'autres voyaient la vérité (Camus) Но там, где одни видели лишь абстракцию, другие усматривали истину</p>
<p>Объектные</p>	<p>Гэжэ, гэжэ байжа, гээд, гэлсэхые Бишни шамаяа шэнэ байрада оробо гэлсэхые дуулаад, санаяа наашань залаалби (А. Шадаев) Услыхав, что ты переезжаешь, я и направил сюда свои лыжи</p>	<p>Что - que, чтобы - que Je suppose que vous avez encore besoin de moi? (Simenon) Я полагаю, что еще буду вам полезен</p>

1	2	3
Опреде- литель- ные	Гэхэ, гэхэ мэтэ, гэжэ ямар...тиимэ, ямар... тэдэ Би ямар хэнбиб, тэрэл зандаа ябанаб (Байгал))	То, что - <i>ce qui, ce que,</i> что - <i>que, тот, кто - qui,</i> <i>quiconque</i> <i>Qui langue a, a Rome va</i> (пословица)
	Каким видишь меня, таков я и есть	Тот, кто имеет язык, до Рима дойдет

альные, образованные от глагола гэхэ, во французском - союз что (*que*) в различных комбинациях. Что касается коррелятов, нельзя сказать, что они часто употребляются как в бурятском, так и французском языках. В бурятском языке, в отличие от французского, в качестве связующих слов употребляются союзы-частицы.

Таким образом, сравнивая типы связи главного и придаточного предложений в бурятском и французском языках, можно заключить, что союзная конструкция является наиболее типичной и продуктивной в обоих языках, бессоюзная - наиболее ярко выражена инверсией во французском языке, причастными и деепричастными оборотами - в бурятском. Такие формы, как соположение (в обоих языках), АЮ и анаколуфы (во французском языке), рассматриваются как синонимы придаточных предложений.

¹ Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. - М., 1962. - С. 281.

² См.: там же. - С. 282.

³ См.: Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. - М., 1981. - С. 33.

⁴ См.: там же. - С. 190.

⁵ См.: Штейнберг Н.М. Грамматика французского языка. Синтаксис. - Л., 1972. - С. 135.

⁶ См.: Шагдаров Л.Д. Буряад хэлэн. Синтаксис. - Улан-Удэ, 1986; Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Указ. соч.

- 7 См.: Штейнберг Н.М. Указ. соч.; Гак В.Г. Указ. соч.
- 8 См.: Гак В.Г. Указ. соч. - С. 201.
- 9 См.: Штейнберг Н.М. Указ. соч. - С. 135.
- 10 См.: *Grammaire Larousse du XXe siècle*. - Warszawa, 1960. - P. 348.
- 11 См.: Штейнберг Н.М. Указ. соч.; Гак В.Г. Указ. соч.
- 12 См.: Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Указ. соч. - С. 118.
- 13 См.: Скрибник Е.К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. - Новосибирск, 1988. - С. 3.
- 14 См.: Скрибник Е.К. Указ. соч.
- 15 См.: Гак В.Г. Указ. соч. - С. 192.
- 16 См.: Бертагаев Т.А. Указ. соч. - С. 229; Гак В.Г. Указ. соч. - С. 192.
- 17 См.: Бертагаев Т.А. Указ. соч. - С. 233.
- 18 См.: Скрибник Е.К. Указ. соч. - С. 7.
- 19 См.: Бертагаев Т.А. Указ. соч.
- 20 См.: Штейнберг Н.М. Указ. соч.
-

ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
С МЕСТОИМЕННЫМ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

В данной статье на основе сопоставления материала письменных памятников с фактами живых монгольских языков и диалектов устанавливаются общие и специфические особенности в структуре и характере функционирования различных групп субстантивных словосочетаний с атрибутивным компонентом - местоимением. Историко-типологический подход к объекту исследования дает возможность полнее учитывать синтаксические явления как в языке памятников, так и современных монгольских языках - литературных и бесписьменных.

Субстантивные словосочетания с местоименным определением очень разнообразны по лексическому составу и выражаемым отношениям. Основным способом синтаксической связи компонентов является примыкание. Лишь в моделях с указательными местоимениями наблюдается связь согласования, которая получила довольно широкое распространение в среднемонгольском языке. Явление согласования в числе определения, выраженного указательным местоимением, имеет место в памятниках классического монгольского языка, ойратских текстах на "ясном письме", а также некоторых современных монгольских языках и диалектах. В зависимости от того, местоимением какого разряда выражен атрибутивный компонент, все словосочетания рассматриваемого типа делятся на несколько групп.

I. Словосочетания с указательными местоимениями. Будучи весьма многочисленной и высокопродуктивной, эта группа словосочетаний почти во всех монгольских языках и диалектах обнаруживает большое сходство, различаясь главным образом в фонетико-орфографическом отношении. Определяющий компонент чаще всего бывает представлен местоимениями ene - этот, эта и tere - тот, та, от которых образуются формы множественного числа: ede - эти и tede - те. Благодаря им, предмет, обозначенный определяемым словом, выделяется путем указания на признак его близости или удаленности от говорящего (пишущего) лица: среднемонг. ene koun CC §15 - этот юноша, парень, tere ene CC §38 - та женщина, tede irken CC §7 - те люди, тот народ; классич.

ene darqad Xж, 143 - этот дархан, ede yal Xж, 199 - эти штрафы, tede qulyayici (там же) - те воры; ойрат., старокалм. tere okin КСП, 15 - та девочка, ene sö Номинх., 269 - эта ночь; монг. энэ ном - эта книга, тэр ширээ - тот стол; бур. энэ горхон - эта речка, тэрэ нүхэр - тот товарищ; калм. эн залу - этот мужчина, тер хотн - тот хотон.

Отличительной особенностью словосочетаний баоаньского и дунсянского языков является то, что определяющий компонент выражается формами множественного числа указательных местоимений, образуемых с помощью суффиксов -ла, -лэ: энэла мээрэ - эти дороги, тэрэла јман - те козы, энэлэ лохтэ - эти уздечки, тэрэлэ ногуј - те собаки. В дунсянском языке местоимения тэрэ - тот (дальний) и тэрэла - те (дальние) приносят в основное определительно-указательное значение словосочетания "оттенок пренебрежения и неуважения к обозначаемому предмету"¹.

Словосочетания с архаичным указательным местоимением в диалектах монгорского языка в фонетико-морфологическом плане мало чем напоминают словосочетания других монгольских языков. Ср.: не фуниге - эта лиса - ненгула (несге) фуниге - эти лисы, те фуниге - та лиса - тенгула (тесге) фуниге - те лисы (диалект хуцзу); нисе (нитан) хугуор - эти быки - тисе (титан) хугуор - те быки (диалект минхэ).

Определяющий компонент словосочетаний нередко бывает представлен местоимениями edeger - эти и tedeger - те, образованными от форм множественного числа ede и tede: классич. edeger elci - эти послы, tedeger irgen AT I, 2 - тот народ, то племя; старокалм. edeger yodosun КСП, II 2 - эти сапоги; монг. эдгээр асуудал - эта проблема, тэдгээр хүмүүс - те люди.

Эти словосочетания, являясь старокнижными, по традиции сохраняются в современном монгольском языке.

В качестве атрибутивного члена словосочетаний выступают и другие указательные местоимения: mön - этот, тот самый, сей^к, ele - этот, эта, а также tus, uul - вот этот, данный. Все они конкретизируют определяемое имя и путем указания на тот или иной предмет выделяют его из массы других: среднемонг. mun-kü Jarliq CC §22 - данный, этот указ; классич. mon seni МСЧ, 309 - в ту же ночь; старобур. mün otou Пром., 81 - тот род;

^к Слово mön некоторые ученые относят к определительным местоимениям, соотносительным, с одной стороны, с прилагательными, а с другой, - с наречиями.

ойрат. mon ödür ИЦ, 44 - этот день, бур. мунөө эханэр - эта (та) женщина; монг. эл ном - эта (самая) книга, эл хүн - этот (самый) человек, уул тогтоол - данное, настоящее постановление, тус аймаг - данный, этот аймак.

Атрибутивный член словосочетания может выражаться иногда повторяющимися и парными указательными местоимениями: среднемонг. шун шун уке укелеку СС §34 - твердить одни и те же слова, бур. энэ тэрэ кумэ хөөрэлдэхэ разговаривать о том, о сем; калм. эн тэр зэнг сонсх - слышать кое-какие новости; монг. эн тэр хүмүүстэй уулзах - встретиться с некоторыми людьми, өчнөөн төчнөөн мал - столько (много) скота, өдий төдий аянчин - множество путников. В последних двух примерах реализуется количественно-указательное значение. Ср.: бур. эды тэды баримта - кое-какие (некоторые) доказательства, калм. эду те-ду цаг - некоторое время.

В роли зависимого компонента словосочетаний часто употребляются качественно-определятельные местоимения eyin, ein, eyimü - такой (как этот), teyin, tein, teyimü - такой (как тот), которые служат для указания на качество, признак предметов и могут выступать в редуцированной форме: среднемонг. tein uke СС §104 - такое слово, teyimü morin СС §30 - такой конь; классич. eyimü Jobalang АТ II, 100 - такие муки, страдания; старобур. teyimü kerэг БХ, 366 - такое-то дело; монг. ийм дэвтэр - такая тетрадь; бур. иймэ һичлэл - такое мнение; калм. тиим бичг - такое письмо, ийм керг - такое дело. Ср.: дагур. мэр час - такая бумага, тимэр хургун - такой жених.

Словосочетания с повторяющимися и парными качественно-указательными местоимениями выражают обобщенно-определятельные или неопределенно-количественные отношения с оттенками некоторого пренебрежения: среднемонг. teyimü teyimü kuun СС §30 - такой-то и такой-то человек, классич. eyimu teyimü tang-yud АТ, 97 - такие-сякие тангуты, ein tein yge МСЧ, 33 - такие-сякие слова; ойрат. iyimi iyimi ner ТД, 102 - такие и такие имена; монг. ийн тийн уг хэлэлцэх - беседовать, калякать о чем-либо, бур. иймэ тиймэ бэлэг угэхэ - давать кое-какие подарки.

2. Согласование указательно-местоименных определений с определяемым именем во множественном числе. Тенденция к уподоблению определения, выраженного местоимениями, определяе-

тому имени во множественном числе некогда имела системный и последовательно выдержанный характер. Об этом свидетельствуют весьма многочисленные факты в языке памятников монгольской письменности XIII-XVII столетий, а также ойратских текстах более позднего времени. Такое согласование наблюдается, как правило, в тех случаях, когда определяемое имя обозначает категорию людей и приравненных к ним мифологических существ: среднемонг.

ede doйд МД, 91 - эти буддисты-даосин, ede tabun koud СС §19 - эти пять сыновей, tede cериud СС §101 - те ратники, mud cерикут (там же) - те самые воины; классич. ede yisün örlügüd АТ II, 106 - эти девять орлуков (маршалов), tedeger elbis МСЧ, 95 - те послы; старобур. tede ilcinar БХ, 345 - те посланцы; ойрат. ede ejed ИЦ, 45 - эти владельцы, tede urud sadan-noyoud ТД, 101 - те родственники, tede burxad ТД, 322 - те божества.

Согласование определения - указательного местоимения и определяемого имени во множественном числе имеет место и тогда, когда последнее обозначает любой одушевленный предмет: среднемонг. ede morid СС §92 - эти лошади, классич. ede dörben külgüd АТ I, 121 - эти четыре иноходца, старобур. tede moris (вм. morid) БХ, 334 - те лошади. Ср.: бур. эдэ малнууд - эти животные.

Более редкими являются примеры согласования указательно-местоименного определения с определяемым существительным, обозначающим неодушевленный предмет: среднемонг. ede ukas СС §105 - эти слова, речи; классич. tedeger ügss АТ I, 57 - те слова; старобур. ede yajar-ud БХ, 328 - эти места. Ср.: монг. эдгээр ажлууд - эти работы; бур. эдэ жэлнууд - эти годы, тэдэ удэрнууд - те дни.

В языке "Сокровенного сказания", "Алтан тобчи", а также современном бурятском языке встречаются словосочетания, в которых с определяемым именем согласуются во множественном числе качественно-указательные местоимения, соотносительные с прилагательными: eyimu eyimud teyimu teyimud omoytan irken СС §139 (см. АТ I, 86) - такие-то и такие-то возгордившиеся племена-народы; бур. иймөнүүд үгэнүүд - такие слова, тиймэнүүд холбуулалнууд - такие словосочетания.

Определяемое имя принимает форму множественного числа при определениях, выраженных некоторыми обобщительными и выделительными местоимениями с семантикой множественности: среднемонг.

bügüde eres МАА, II2 - все мужчины; классич. bygyde keyked МСЧ, 305 - все дети; ойрат. бүгүде сабинар ТД, I54 - все шабинары-послушники; классич. busud yledegsed МСЧ, II3 - все оставшиеся (uledsgsed - субстантивированное причастие прошедшего времени во множественном числе); монг. бусад хумуус, бур. бусад хунууд - другие, чужие люди.

В современном бурятском и монгольском языках согласование в числе определяемого имени с определением, выраженным указательными, а также некоторыми обобщительными и выделительными местоимениями, - явление факультативное. О нерегулярности данного вида связи свидетельствует то, что указательные местоимения употребляются в единственном числе, тогда как их определяемые бывают оформлены во множественном числе: монг. тэр хоньчид - те пастухи-чабаны; бур. энэ барилганууд - эти постройки; сооружения. Как отмечают бурятские лингвисты, "при почтительном указании на одно лицо эти же местоимения употребляются в форме множественного числа"³. Эдэ нүхэрнай манда хамналсахаа ерээлтэй? По-видимому, этот товарищ приехал на помощь к нам? Хэсэг буян тугэлдэр эдэ Бадма абгайн одхон хууун. - Полного всяких добродетелей Бадмы-абагая младший сын.

В калмыцком языке согласование указательно-местоименных определений с определяемым именем в форме множественного числа отсутствует.

3. Словосочетания с обобщительными местоимениями. В словосочетаниях этого типа выражаются количественно-обобщающие определительные отношения. Определяющий компонент бывает представлен местоимениями, указывающими на простую совокупность лиц и предметов, или на их обобщенный характер в виде отдельно взятого лица и предмета. К ним относятся такие общемонгольские местоимения, как qamuy, suy, cöm, бүгүде с общим значением - все, весь, а также bukün, бүкү, бурin, бuri и другие, имеющие семантику - весь, всякий, каждый: среднемонг. qamuy Mongol CC §52 - вся Монголия, bügüde emes МАА, II2 - все женщины, bukün koud СС §275 - все царевицы, burin kesikten СС §234 - все кешиктены-стражники; классич. suy mösün АТ I, I2 - все прутики, хворостинки, qamuy ulus АТ II, I20 - весь улус, народ; ойрат. qamuy түсимел ТД, I26 - все чиновники; монг. хамаг мал - весь скот, бух цэрэг - все войско, цөм ажилчин - все рабочие, бүгд хууль - все общие законы, свод законов; бур. бүхы оронууд

все страны, хамаг тарьян - весь посев, все посевы; калм. цуг делке - весь мир, хамг (бугд) өмтн - все люди.

В ряде монгольских языков и диалектов имеются словосочетания, определяющий компонент которых выражается специфически, наиболее типичными для них обобщительными местоимениями. В этом отношении особенно выделяются монгольские языки Китая, где активно функционируют словосочетания с такими обобщительными местоимениями, как ганджан - весь, хана - все - в монгольском (ганджан, дерасе - все вино, хана будасге - все мы), хо - все, весь - в дагурском (хо адо - весь табун, хо дэги - все птицы), ман - все - в дунсянском (ман антан - все золото).

Для монгольского характерны словосочетания с обобщающими местоимениями нийт - все (нийт хүн төрөлхтөн - все человечество, нийт ард түмэн - весь народ), а для дагурского и бурятского - словосочетания с местоимениями баран и баран - все: дагур. баран үчikэр - все дети; бур. баран хаалишад - все доряки. В нижеудинском диалекте бурятского языка местоимение баран нередко сочетается с заимствованным из русского языка местоимением бес < весь. Дублирование в составе словосочетания двух синонимичных местоимений усиливает их обобщающее значение⁴: бес баран келемэнä - весь наш хлеб. В литературном бурятском языке и некоторых западных говорах употребляются словосочетания с обобщающим местоимением булта: булта нюуса - все тайны.

В языке "Сокровенного сказания" встречается словосочетание с обобщительным местоимением qotala-qotola - весь: qotala ulus СС §56, 105 - весь народ-улус. Обобщительные местоимения bügüde, бүкүн, бүрин в значении "каждый, всякий" используются постпозитивно. В этом случае они показывают, что предмет берется не во всей его совокупности, а в отдельности, в конкретном и единичном проявлении: классич. egüden бүри АТ II, 175 - каждая дверь, ойрат. түsimel бүгүде ТД, 34 - каждый чиновник; монг. хүн бүхэн (бур) - каждый человек; бур. удэр бур (бүхэн) - каждый день, ежедневно^{*}, калм. жил бур - каждый год, ежегодно.

^{*} В нижеудинском диалекте широко представлены словосочетания с местоимением бер, которое часто употребляется с заимствованным из русского языка местоимением кажда, кэжна: кажда нар бер - каждый месяц, кажна кун бер - каждый человек⁵.

В монгольском языке распространены словосочетания с обобщительным местоимением тутам (ср.: среднемонг. tutun, классич. tutum) - каждый: өдөр тутам - ежедневно, каждый день; kuun tutun СС 154, kūnün tutum АТ I, 116 - каждый человек.

4. Словосочетания с притяжательными формами местоимений. В таких словосочетаниях зависимый компонент всегда представлен формой родительного падежа личных, указательных и возвратных местоимений. Словосочетания с притяжательно-местоименными определениями выражают отношения принадлежности. Наиболее продуктивными являются словосочетания с определяющим компонентом - родительным падежом местоимений I-го и 2-го лица обоих чисел. Все словосочетания данной модели, обнаруженные в письменных памятниках, имеются в современных монгольских языках. Отличаются они лишь своим фонетико-морфологическим обликом: среднемонг. minau buruu СС 24 - моя вина, cinu amin МАА, 134 - твоя жизнь, bidano holjaan СС 104 - наше условие о встрече, tano job СС 20 - ваше право; классич. manu serig АТ II, 65 - наше войско; ойрат. mini jiruken ТД, 58 - мое сердце; старобур. tan-u erke БХ, 387 - ваша власть. Для сравнения приведем примеры словосочетаний с формами родительного падежа личных местоимений из современных монгольских языков: монг. манай нутаг - наши кочевья, чиний ном - твоя книга; бур. миний нухэр - мой товарищ; калм. мана (мадна) бээдл-жирл - наша жизнь. В некоторых западнобурятских говорах, в частности эхирит-булагатском⁰, зависимый компонент словосочетаний выражается формами родительного падежа личных местоимений I-го и 2-го лица множественного числа: мани (лит. манай) - наш и тани (лит. танай) - ваш: мани тармуур - наши грабли, тани урагууд - ваши родственники. Ср.: монг. тани ча - ваш чай (диалект минхэ).

Словосочетания с родительным падежом личных местоимений в бесписьменных монгольских языках Китая отмечены крайним своеобразием, которое обусловлено фонетическими и морфологическими различиями в образовании и употреблении личных местоимений, особенно форм I-го лица множественного числа. Ср.: дунс. mini (miji) шырэ - мой стол, баоань. мэнь равэ - мои волосы, монгор. муне халга - моя ладонь, дунс. биджэньни (матаньни) мори - наша лошадь, монгор. тасенни (татаьни) булесте - ваши дети (диалект минхэ), будангулане (будасгене) тара - наше зерно (диалект хуцзу).

Необычными являются и местоименно-притяжательные словосочетания в нижеудинском диалекте бурятского языка, где к соответствующим основам 1-го и 2-го лица обоих чисел присоединяются суффиксы -тэгэ -тэкэ и -нті⁷: мінтэгэ шарті - мои чувяки, шинтэкэ (шинтэгэ) кошке - твоя кошка, мананті шамдан - наш чемодан, тананті гакулі - ваши удочки.

В баоаньском, дунсянском и дагурском языках⁸, а также нижеудинском диалекте бурятского языка, представлены словосочетания с притяжательными формами личных местоимений 3-го лица обоих чисел, которые полностью отсутствуют в других монгольских языках и диалектах: баоань. нджанэ (ногонэ) сулгэ - его (ее) ведро, нджасанэ (ногэлэнэ) джіргэ - их сердце; дунс. хэнгігэ - его, ее дом, хэлні лачын - их листва; дагур. ині ниро - его, ее спина, аи тарэ - их поля; нижеуд. оні (онети) ебе - его (ее) мать, ош (опоші) галуһуд - их гуси.

Словосочетания с лично-притяжательными формами местоимений 3-го лица единственного и множественного числа встречаются в памятниках среднемонгольского языка: ано уруг СС 165 - их род, ано qor СС 200 - их колчаны, ино irken СС 208 - его люди, народ, ану ордо - их дворец, ану балыасун - их город⁹. После XIV столетия формы родительного падежа местоимений 3-го лица ину, ан утратили способность выступать в препозиции к определяемому имени и лишились статуса самостоятельных слов, превратившись в частицы личного притяжания со значением "его, ее, их". Из современных монгольских языков дагурский сохранил полную парадигму местоимений 3-го лица ін - он, ан - они, которые функционируют в качестве вежливых форм при указании на лицо, тогда как по отношению к предметам и явлениям используются местоимения тэрэ - он и тэдэ - они¹⁰.

Многочисленную группу образуют также словосочетания с определяющим компонентом - родительным падежом указательных местоимений, которые в монгольских языках выступают в функции личных местоимений 3-го лица. Структура притяжательных словосочетаний данного вида обнаруживает большое сходство как в письменных памятниках, так и живых монгольских языках: среднемонг. eden-ü sümüs МД, 88 - их храмы; классич. teden-ü uruy АТ 11, 123 - их урук, род, tegün-ü ger АТБ, 40 - его юрта; ойрат. töüni ideşi ТД, 55 - его пища, питание; баоань. энэн (тэрэни) богд - его пшеница, дунс. энэни (тэрэни) саган - его борода;

дагур. тэдэни тува - их котел; монг. туний (ууни) бие - его тело; калм. эднэ (теднэ) төрл - их родственник; бур. тэдэнэй басаган - их дочь, тэрэнэй (тэрээнэй) сужал - его гнев*.

На этом более или менее общем фоне заметно выделяются монгорские и дунсянские словосочетания с родительным падежом указательных местоимений, употребляемых в формах единственного и множественного числа: монгор. нене (тене) чиги - его ухо (диалект хуцзу), нени (тени) кыва - его сын (диалект минхэ), нэнгулане (несгене) хурибчи - их наперсток, тенгулане (тесгене) торфу - их шелк, несени (тесени) аджи - их сестра; дунс. эвэнни мига - его мясо, эвэсылане ногосун - их шерсть.

К словосочетаниям с притяжательными формами местоимений относятся определительные конструкции, в которых зависимый компонент выражен возвратным местоимением с основами ober-, eber-, öbör-, cer-, ög- в сочетании с суффиксами родительного падежа: среднемонг. oerun yal CC 242 - свой очаг, örin duran MAA, 283 - собственное желание, своя воля; классич. öberün tuy AT II, 74 - свое знамя; ойрат. eberei kümün TД, 145 - свой человек, старокалм. öbörön batarmuud KСII, 36 - свои богатыри; монг. өөрийн юм өргүй (посл.) - своя вещь бесплатна; бур. өөрын дайда халуун, хариин дайда хүйтэн - своя земля тепла, а чужая холодна; калм. эхн уга болхла, эврө толһа ацан (посл.) - глупому своя голова обуза. Ср.: дагур. вэрэ хэки - своя голова; хорч. örin хот - свой город, нижнеуд. брје училиши - свое училище.

Словосочетания с формой родительного падежа возвратного местоимения öber-, ög известны почти во всех монгольских языках и диалектах. Их нет только в монгорском языке и его диалектах, где наличествуют словосочетания с возвратным местоимением нджиен - сам, которое в значении "свой" присоединяет к себе частицу безличного притяжания -а^{II}: нджиёна лусана - своего мужа, нджиёна анана - свою мать.

5. Словосочетания с неопределенными местоимениями. В составе словосочетания местоимения этого разряда указывают на то, что предмет, обозначенный определяемым именем, представляется точно неустановленным, неясным. В роли неопределенных место-

* В бурятских говорах форма родительного падежа указательных местоимений имеет показатели -ы, -ий, -и, -ээ. Ср.: сарт., донг. тэднь дуун - их песня, тэрнь эдзэн - его хозяин; хамн.тэ-дэний (тёвөний) нума - их луки; тунк. тэрэни мээл - его седло (ИБ, 1908, I-2).

имений обычно выступают вопросительные местоимения, лишенные интонации вопроса и употребляющиеся преимущественно в сочетании с частицами ba, cigi, cu (монг. -ваа, бур. -баа, калм. чигн, -чн, дагур. чиг, монг. ч) и числительным nigen (монг. нэг, бур. нэгэ, калм. негн - один, некий, какой-то): среднемонг. aliba alba qubčiri МД, 80 - какие-либо налоги и повинности; классич. aliba yzegdel jabudal-ud МСЧ, 323 - всякие обстоятельства, alincu eteged МСЧ, 41 - любые лица, кто угодно; ойрат. aliba künün ТД, 160 - какой-либо человек; монг. аливаа нэг хэл - какой-либо язык, аль ч дэлгүүр - любой магазин, калм. аль чигн һазрт - в любом месте, где угодно, бур. алибаа хаалтанууд - любые преграды; монг. ямар нэг ажил - какая-нибудь работа, бур. ямар нэгэ хэрэг - какое-либо дело, калм. ямаран чигн (-чн) үг - любое слово. Ср.: дагур. јамар ч(чиг) үйлэ - любое действие, дело; хорч. алиба јавдал - любой поступок, али ш ула - любая гора, јамарба ушар - какая-либо причина.

Определяющий компонент словосочетания иногда может выражаться повтором одного и того же местоимения, указывающего в этом случае на неопределенность раздельного множества лиц и предметов: ойрат. ali ali amitan - какие-то люди, монг. аль алин ч нутгаас - из любых, разных кочевий.

6. Словосочетания с выделительными местоимениями. Они составляют небольшую группу. Занимая позицию определяющего компонента словосочетания, выделительные местоимения служат для противопоставительного указания на какой-либо признак лица или предмета: среднемонг. busu kün СС 210, bisi kün МАА, 283 - чужой, иной, сторонний человек; классич. bisi künün ЛЛ, 135 - другой, иной человек; монг. бус Уг - другое слово, бусад хүмуус - другие люди, бусдын унаа - чужое верховое животное; бур. бэшэ нүхэд - другие товарищи, бэшэд айл - прочие, остальные семейства, бусадай газар - чужая территория; калм. бус һазрас ирсн кун - пришелец из чужих земель, бусудин панд бичке су - не в свои сани не садись (из перевода "Сказки о рыбаке и рыбке" А.С. Пушкина). Местоимения бус и бусуд (бусд) носят в калмыцком языке старокнижный характер.

В качестве атрибутивного компонента словосочетаний выступают и другие слова, употребляющиеся в значении выделительных местоимений - Јарим, нөгүге, ондо: среднемонг. Јари-

mut irken СС 373 - некоторые племена, народы, покое бурuu СС 201 - другая вина, классич. nögüge küü ат 1, 65 - другой сын, zarim eteged-ner МСЧ, 41 - некоторые лица, монг. зарим эрдэмтэн - некоторые ученые, бур. зарим һуни - некоторые ноши, монг. ондоо санал - иное мнение, бур. ондо худэлмэр - иная, другая работа; монг. нөгөө цонхо - другое окно, бур. нүгөө (нүгөөдэ) үглөө - на другое утро. В калмыцком языке имеются словосочетания, атрибутивный компонент которых выражается выделительными местоимениями талдан, ондан, онстан - иной, другой: талдан керг - иное, другое дело, ондан үг - другое слово, онстан шидвр - иное решение. Ср.: хорч. астан хун - другой, иной, посторонний человек.

Таким образом, анализ субстантивных словосочетаний с местоименным определением позволяет сделать вывод о том, что монгольские языки и диалекты, обладая большим единообразием в отношении моделей их построения и набора соответствующих конструкций, в то же время, как это можно было видеть из примеров, нередко расходятся друг с другом. Структурно-типологические различия в области словосочетаний монгольских языков четко выделяются при диахроническом подходе к материалу и сопоставлении данных памятников письменности с фактами современных языков и диалектов.

¹ То да е ва Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. - М., 1960. - С. 26.

² См.: Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам. - М., 1952. - С. 172.

³ Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка - Улан-Удэ, 1974. - С. 241.

⁴ См.: Дарбеева А.А. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта (на материале монгольских языков). - М., 1978. - С. 98.

⁵ Там же.

⁶ Матхеев Б.В. Очерки эхирит-булагатского говора // Исследование бурятских говоров. - Улан-Удэ, 1968. - Вып. 2. - С. 18.

⁷ Дарбеева А.А. Русско-монгольские языковые контакты. - М., 1964. - С. 97-98.

⁸ Т о д а е в а Б.Х. Дагурский язык. - М., 1966. - С. 53-54.

⁹ C l e a v e s F. The sino-mongolian Inscription of 1346c //Harvard Journal of Asiatic Studies. - Cambridge; Mass., 1951. - Vol. 15. - N 1-2.

¹⁰ Т о д а е в а Б.Х. Дагурский язык. - С. 55.

¹¹ Т о д а е в а Б.Х. Монгорский язык. - М., 1973.

Сокращения источников

- АТ I - Altan Tobci, degedü debter. - Ulayanbayatur, 1937.
АТ II - Altan Tobci, dooradu debter. - Ulayanbayatur, 1937.
АТБ - Балданжапов П.Б. Altan Tobci. Монгольская летопись ХУШ в. - Улан-Удэ, 1970.
БХ - Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. - Улан-Удэ, 1972.
ИБГ - Исследования бурятских говоров. - Улан-Удэ, 1965, 1968. - Вып. 1-2.
ИЦ - Их цааз (Великое уложение). Памятник монгольского феодального права ХУШ в. Ойратский текст. Пер., введ. и ком. С.Д. Дылыкова. - М., 1981.
КСП - Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. - СПб., 1911.
МА - Поппе Ч.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. - М.; л., 1938. - Ч. 1-2.
МД - Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII-XV вв. (чингизидские жалованные грамоты). - л., 1978.
МСЧ - Черемисов К.М., Румянцев Г.Н. Монгольско-русский словарь по современной прессе. Предисловие Н. Поппе. - л., 1937.
Прш. - Доржиев Д.-Н. Употребление падежей в "Прошении Арьяева" и "Репорте Моджиева" // К изучению бурятского языка. - Улан-Удэ, 1969.
СС - Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. - М.; л., 1941.
ТД - Лувсанбалдан Х. Тод Усгийн дурсгалууд (памятники ойратского ясного письма). - Улан-Батор, 1976.
ХЖ - Халха джирум. Памятник монгольского феодального права ХУШ в. Св. текст и пер. Ц. Жамцарано. Подготовка текста к изданию, редакция перевода, введ. и прим. С.д. Дылыкова. - М., 1965.

МОНГОЛЬСКИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ
С ВИНТЕЛЬНОМ ПАДЕЖОМ
ЗАВИСИМОГО ПРИЧАСТНОГО СКАЗУЕМОГО

Предлагаемая статья посвящена описанию системы синтаксических подипредикативных конструкций (ППК), в составе зависимой части которых сказуемое по требованию глагола-сказуемого - главной предикативной единицы (ПЕ) - принимают форму винительного падежа причастия.

Задачи работы - описание общих закономерностей структуры и функционирования системы ППК данного вида; рассмотрение особенностей отдельных элементов системы. С этой целью проведен анализ используемой в главной части глагольной лексики: выделены крупные дистрибутивные ее типы с последующим делением на более мелкие лексико-семантические группы (ЛСГ). Последовательное описание каждой из групп на базе имеющихся примеров завершается построением схемы образуемой глаголами этого типа синтаксической конструкции.

Проблемам строения частей сложных предложений с зависимым винительным в монгольском языке, а также способам выражения подлежащего зависимой предикативной единицы (ЗПЕ) посвящены работы Э.К. Касьяненко¹. В функции подлежащего ЗПЕ используются формы винительного, родительного и неопределенного (именительного) падежей. В количественном отношении употребление этих падежей в качестве формы подлежащего придаточных временных и дополнительных предложений распределяется таким образом: неопределенный падеж охватывает примерно 50% случаев, винительный - 40%, родительный - 8% и именительный - 2%. Автор выделяет также внутренние условия употребления того или иного падежа:

1) неопределенный падеж оформляет имена, называющие лицо или предмет; 2) винительный и родительный - только имена, называющие лицо; 3) именительный - частный случай неопределенного (если подлежащее выражается личными местоимениями)².

Основные характеристики сложных предложений монгольского языка с причастием в винительном падеже в функции зависимого сказуемого специально описывались в работах Л.А. Карабаевой: "Форма винительного падежа причастий наиболее близка по своему

значению винительному падежу имени существительного, поскольку причастия в винительном падеже чаще всего выступают как сказуемое придаточного дополнительного предложения и относятся непосредственно к члену главного предложения, выраженному глаголом, причастием или деепричастием"³. Она отмечает, что в роли сказуемого главного предложения выступают переходные глаголы со значением высказывания, обращения, восприятия, чувства; выделяет возможные формы выражения сказуемых придаточных дополнительных предложений (причастия настоящего-будущего времени на -х, прошедшего времени законченного вида на -сан/-сэн/-сон/-сөн, прошедшего времени незаконченного вида на -аа/эз/-оо/-өө и многократное на -даг/-дэг/-дог/-дөг); останавливается на употреблении и функционировании служебного слова гэдэг с аффиксом винительного падежа (гэдгийг). Л.А. Карабаева также уделяет большое внимание способам выражения подлежащего зависимой части (в форме именительного, неопределенного, родительного и винительного падежей).

Предыдущие исследования дают возможность поставить задачу более детального рассмотрения отдельных лексико-семантических групп глаголов в роли главного сказуемого в ППК монгольского языка, а также сделать описания конкретных синтаксических моделей данного вида. На материале бурятского языка эта работа была нами уже проделана⁴; настоящее исследование выполнено по тем же принципам и той же методике дистрибутивно-статистического анализа, дополненной экспериментальной работой с информантами. Единство методики дает возможность сопоставления монгольских и бурятских данных. В данной статье используются понятийно-терминологический аппарат и принципы формальной записи моделей, принятые в сибирской синтаксической школе (см. в конце статьи список условных обозначений)⁵.

Материал для исследования - сплошная выборка 1030 примеров из текстов произведений современной монгольской литературы и устного народного творчества, дополненная примерами, полученными от информантов (студентов из МНР, обучающихся в вузах г. Новосибирска). Список источников и принятые в статье их сокращения приведены в конце статьи.

Сплошную выборку мы подвергли статистической обработке: был составлен список из 93 глаголов, встреченных в этой выборке, и для каждого глагола был проведен анализ его дистрибуции.

При этом прослеживались: 1) возможность появления в составе зависимого сказуемого разных причастных форм; 2) наличие/отсутствие аффикса отрицания -гуй; 3) возможность реализации данного глагола в моносубъектных и разносубъектных фразах.

Затем глаголы были объединены в большие группы по общности дистрибуции; таких групп оказалось три (назовем их дистрибутивными типами). Дистрибутивный тип - это формально-семантическое объединение глагольной лексики, более крупное, чем ЛСГ; один такой тип может включать несколько ЛСГ.

Из всего списка в 93 глаголах мы выделили 20 наиболее частотных, т.е. встретившихся в данной выборке более 10 раз. Фразы с этими глаголами составляют около 86% всего массива примеров (884 из 1030), т.е. их описание будет достаточно представительным для системы в целом. Дистрибуция этих наиболее активных глаголов по типам представлена в табл. I.

Как видно из табл. I, наиболее распространенной формой выражения зависимого сказуемого является причастие на -х (около 57% всех случаев); остальные причастия используются реже: на -сан - 24%; -даг - 8%; -аа - 11%. Использование последнего причастия монгольская система конструкций с причастием в винительном падеже наиболее ярко отличается от бурятского аналога.

Отрицание в составе ЗПЕ с винительным падежом выражается аффиксом -гуй. Форма отрицания с причастием на -сан в описываемых конструкциях невозможна: ее "замещает" форма на -аагуй. В моносубъектных фразах (МСФ), где действие ЗПЕ относится к субъекту действия главной части, сказуемое ЗПЕ оформляется аффиксом субъектного притяжания -аа, при этом показатель винительного падежа опускается (-х-аа, -си-аа, -даг-аа).

В первую группу (дистрибутивный тип) входят глаголы мыслительной деятельности и речи, которые не налагают никаких ограничений на строение сказуемого ЗПЕ: в роли сказуемого может выступать любая форма причастия с показателем отрицания или без него как в моно-, так и разносубъектных конструкциях. Но возможно и именное зависимое сказуемое.

Во вторую - вошли глаголы непосредственного восприятия. Для сказуемого ЗПЕ в этом случае характерны некоторые ограничения: преимущественное употребление причастий на -х и -аа,

Глагол	Форма	-хыг	-хаа	-хгүйг	-хгүйгээ	-ааг	-аагаа

Мыслительной деятельности речи

<u>бодох</u> - думать	34	7	I	-	5	-
<u>мэдрэх</u> - чувствовать	4	-	-	-	-	I
<u>мэдэх</u> - знать	44	7	4	-	25	5
<u>ойлгох</u> - понимать	5	-	I	4	9	I
<u>санах</u> - думать	7	2	-	-	-	-
<u>ухаарах</u> - понимать	5	-	-	-	2	-
<u>асуух</u> - спрашивать	II	-	-	-	5	-
<u>гэх</u> - говорить	18	I	-	-	4	I
<u>хэлэх</u> - говорить	8	2	-	-	I	-

Непосредственного восприятия

<u>ажиглах</u> - наблюдать	7	-	-	-	-	-
<u>анзаарах</u> - примечать	2	-	-	-	-	-
<u>үзэх</u> - видеть	34	-	-	-	5	-
<u>харах</u> - смотреть	75	-	-	-	15	-
<u>сонсох</u> - слышать	27	-	-	-	8	-

Намерения (каузации) прогноза

<u>болих</u> - прекращать	5	6	-	-	-	-
<u>оролдох</u> - стараться	22	-	-	-	-	-
<u>хичээх</u> - стараться	62	-	13	-	-	-
<u>хүлээх</u> - ждать	23	-	-	-	-	-
<u>хүсэх</u> - желать	55	-	-	-	-	-
<u>гуйх</u> - просить	13	-	-	-	-	-

невозможность появления показателя отрицания и построения нососубъектной конструкции.

Третью группу образуют глаголы с прогностической семантикой, в первую очередь - намерения и каузации. Единственно возможная форма выражения сказуемого ЗПЕ в этом случае - форма причастия на -х (в том числе и с отрицанием).

Прежде чем перейти к описанию отдельных дистрибутивных типов и выделяемых внутри них ЛСГ, обратимся к способу выражения подлежащего ЗПЕ в разносубъектных фразах (РСФ). Оно может быть выражено именем в форме именительного (неопределенного), родительного или винительного падежей: Таны энэ худал (неопр.п. инээдлийн цаана юу нуугдаж бай-гаа-г би гадарлаж байна (ЖП.ЗХ. 285). - Я догадываюсь, почему эта ваша ложь спрятана за смехом. Маргааш нь хаан мөн л тэр ламын (род.п.) юу хийж бай-гаа-г мэдэж ... (МАШХУ, 13). - Хан знал, что завтра будет делать тот лама. Би чамайг (вин.п.) хөдөөгийн баазад шилжсэнийг чинь мэдсэн (ПП.УЗХ, 125). - Я знал, что ты переехал на базу худона.

По данным нашей выборки, из 139 разносубъектных конструкций с подлежащим ЗПЕ 106 фраз ($\approx 75\%$) содержат подлежащее в неопределенном падеже, 18 ($\approx 13\%$) - родительном и 15 ($\approx 12\%$) - винительном. Наши данные отличаются от приведенных З.К. Касьяненко значительно меньшим удельным весом примеров с винительным падежом ЗПЕ. Снижение роли винительного падежа и преобладание неопределенного в нашей выборке, на наш взгляд, объясняются тем, что в нее вошли конструкции только с придаточными дополнительными, в то время как у З.К. Касьяненко учтены придаточные дополнительные и временные. Поэтому напрашивается вывод о различии способов выражения подлежащего в придаточных дополнительных (преимущественно неопределенный падеж) и временных (большая доля винительного падежа), однако для этого необходим еще дополнительный анализ временных конструкций.

Встречаются также разносубъектные фразы с незаполненной позицией подлежащего. Здесь возможны следующие случаи:

а) наиболее часто встречаются фразы, субъект зависимого действия которых определен и однозначно выражен в ближайшем контексте, так что в данном отрезке его дублирование избыточно: Амь тавьж буй Даялайн чичиргэнэсэн уруул нэг нийлж, нэг салж байх нь "Б...Б...Б..." гэх мэт аястай үзэгдэнэ. ...Амаа ихээр ангайж, аажуухан хамхиснаа дахин ихээр ангай-х-ыг үзвэл "Аав

аа!" гэж дуудсанаас зайлахгүй гэлтэй (ОБ.МХ, с. 20). - Дрожащие губы умирающего даялая то соединялись, то разъединялись, казалось, будто произнося "б...б...б..." Судя по тому, что (букв.: глядя на то, что; если посмотреть, что) широко открывает рот, затем тихо прикрывает и снова широко открывает, похоже, как будто зовет: "Папа-а-а!"

В этом случае на субъект зависимого действия могут указывать притяжательные частицы (чинь, нь) при поддержке контекста: Гоочийн нүдэнд Энсүх гэдэг залуу тод харагдаж байна. ... Даруу боловсон мэт царай гаргах боловч архи уучихад агсарч бай-х-ыг нь харсан хэн ч айл биз ээ (ЦД.ШМ, 259). - В глазах Гочоо парень по имени Энсүх выглядел однозначно ... Хотя притворялся, будто скромн, любому страшно, кто видел, как (он) скандалил, когда водку пил;

б) фразы второго типа менее распространены; здесь субъект зависимого действия является обобщенным либо неопределенным: Ард түмэндээ хамгийн хэрэгтэй газар очиж ажилла-х-ыг эх орон уриалдаг! (ЦД.ШМ, 246). - Родина призывает ехать работать в самых необходимых народу областях! Би инг-эх-гүй-г мэдэж байна. - Я знаю, что так не делают.

Таким образом, наиболее типичным способом выражения зависимого подлежащего является форма неопределенного падежа, поэтому при формульной записи модели мы будем указывать именно ее. При чтении формулы нужно учитывать возможность появления других падежных форм или элиминации подлежащего под воздействием различных грамматических факторов, контекста.

* * *

Рассмотрим подробнее конструкции с винительным падежом причастного зависимого сказуемого в соответствии с дистрибутивными типами образующих их глаголов.

I. Дистрибутивный тип

I. Глаголы собственно оперирования информацией - довольно многочисленный класс, который можно далее весьма условно разделить на группы по видам мыслительной деятельности. Нужно учесть, что целью нашего описания не является семантическая классификация: семантические особенности глаголов учитываются постольку, поскольку они оказывают влияние на синтаксическую

структуру фразы; к тому же подобная классификация затруднена из-за многозначности, "размытости" значений глаголов данного класса (глагол ухаар-ах может выступать в нескольких близких по смыслу значениях: "понимать", "постигать", "соображать", "отдавать себе отчет в чем-либо").

Глаголы со значением получения и утраты информации: гадарл-ах - догадываться, дурс-ах - вспомнить, лавл ах - выяснять, таамагл-ах - догадываться, тайлбарл-ах - выяснять, ол-ох - находить, обнаруживать, тани-х - узнавать;

глаголы со значением наличия, хранения информации: мэд-эх - знать, ойлг-ох - понимать, ухаар-ах - осознавать, харьяал-ах - ведать, төсөөл-өх - разбираться;

глаголы со значением различных видов обработки информации: бод-ох - думать, сонирх-ох - интересоваться, сэхээр-эх - уразуметь, гол-ох - пренебрегать, сан ах - размышлять, сэтг-эх - мыслить, гэрчл-эх - подтверждать, нуу-х - скрывать, тоол-ох - считать, андуур-ах - путать, ошибаться.

Как уже указывалось в предыдущих работах⁶, зависимые ПЕ при этих глаголах могут представлять не только описание событий действительности, но и оценочные суждения, констатацию наличия или отсутствия предмета. Зависимое сказуемое может быть не только глагольным, т.е. выраженным некоторой причастной формой, но и именным - с именами наличия / отсутствия на -тай/-гуй; сочетанием имени со вспомогательным глаголом; возможно и появление модальных слов.

Рассмотрим вначале употребление глагольных форм. Причастие на -х здесь имеет формы -х-ыг, -х-аа, -х-гуй-г, -х-гуй-гөө. Оно передает в основном значение предстояния, т.е. называет действие, которому предстоит совершиться в будущем, о чем становится известно из передаваемой информации; возможно также значение одновременности: Энэ бугдийг Сэдэд танилцуулах зуур Дашмаагийн (род.п.) сэтгэл гонсой-х-ыг таамаглаж ... (ЦД.ШМ, 156). - В то время как Сэдэд все это объяснял, догадывался, что Дашме (в этот момент) неприятно (Дашма обижается). Чамайг дийл-эх-гуй-г минь бугд мэднэ (ЦД.ШМ, 22). - Все люди знают, что я тебя не одолею (РСЭ). Ду хий-х-ээ сайн бод л доо (ПП.УЗХ, 74). - Что (тебе) делать, хорошенько подумай... Тулалдаанд ороод чухам юу хий-х-ээ илүү боддог билээ (ДН.УТ, 6). - ... Ввязавшись в драку, что именно (ему) делать, хорошо

знал. Палам гуай танай хууг бид хумуужуулж дийл-эх-гүй-гээ ойлгосон (ЦД.ШМ, 256). - Дядя Палам, мы, Вашего сына воспитывая, поняли, что не перевоспитаем (дословно: одолеем) - МСФ.

В этой группе обращает на себя внимание употребление глагола бод-ох - думать. Он очень частотен в моносубъектных фразах с зависимым сказуемым - формой не -х-аа, а -х-ыг, как с глаголами намерения (об этом см. ниже). Действительно, в таком употреблении он приобретает значение намерения, а причастие на -х - значение модальности: Заан жижигхэн хулганыг шуурэн ав-ах-ыг бодож хошуугаа буулгалаа (ЧА, 45). - Слон, подумав (решив), схватить мышонка, опустил хобот. Сэдэд амьдралынхаа энэ өөдгүй аргыг хая-х-ыг бодсонгүй (ЦД.ШМ, 319). - Сэдэд не думал (собирался) бросать бестолковую свою жизнь. Бие биейнхээ барааг хар-ах-ыг бодъя! (ЖП.ЗХ, 21). - Думаем (хотим) посмотреть товар друг друга!

Примеры с причастием на -даг, передающим постоянный характер, многократность или длительность действия/состояния безотносительно к временному плану: Тэгэхдээ энэ удаа хаваржааны нэгэн хашаатай бууц (неопр.п.) бай-дг-ийг санаад тэнд тууж очив (ДН.УТ, III). - В этот раз, вспомнив, что есть одно огороженное весеннее стойбище, туда (скот) погнал. Чиний (род.п.) шүлэг бич-дг-ийг би мэднэ... (ПП.УЗХ, 77). - Я знаю, что ты стихи пишешь. Үнэндээ түүний (род.п.) хэд хичнээн мөнгө ав-дг-ийг ч мэдэхгүй байсан даа (ПП.УЗХ, 34). - На самом деле даже не знал, сколько он денег берет. Хот газар мөнгө (неопр.п.) тогт-дог-гүй-г чи мэднэ илүү дээ (ПП.УЗХ, 36). - Знаешь же, что в городе деньги не задерживаются. Үүгээр хүн (неопр.п.) оруул-даг-гүй-г чи мэдэхгүй юу? (ЦД.ШМ, 197). - Ты что, не знаешь, что люди здесь не входят (РСФ). Ингэж цэцэрхэж бай-дг-аа татвал таарна (ДН.УТ, 29). - (Ему) нравится всегда так умничать (МСФ).

Причастие на -сан обозначает действие, уже совершившееся на момент получения информации - абсолютное прошедшее время; формы на -сн-ыг и -сан-аа: Пагма хайрт хүнээ нас бар-сн-ыг мэдсэнгүй (ЧА, II2). - Пагма не знала, что ее любимый умер. Чухам ягчад сумангийн дарга (неопр.п.) түүнийг үлдэ-сн-ийг бүү мэд (ПП.УЗХ, 21). - Кто знает, почему именно командир роты выгнал его. Гэвч харсан дороо юу (неопр.п.) бол-сн-ыг ойлголоо (ДН.УТ, 59). - Но как только увидел, понял, что произошло. Тэр хүн хуучин гарам (неопр.п.) эвдэр-сн-ийг мэдээгүй... (ПП.УЗХ,

50). - Тот человек не знал, что старый переезд сломан (РСШ). Цусны даралт их гэж цээрлэх болоод уд-сан-аа ч мартаж хэд гурван хундага татаж орхижээ (Ш.УЗХ, 99). - Забыв, что (сам) долго воздерживался из-за высокого кровяного давления, опрокинул три рюмки. Чухам яагаад ингэж бод-сон-оо сайн ухаарсангуй (ДН.УТ, 8). - Сам хорошо не понимал, почему именно так думал (МСШ).

Употребление причастия на -сан невозможно с отрицательным показателем -гүй. Эту функцию - выражение действия, не состоявшегося в прошлом, - в данном случае берет на себя форма на -аа-гүй-г, в МСШ - -аа-гүй-г-өө (аналогичное явление наблюдается и в бурятском языке): Зүгээр нэг хорхойтсондоо морь бөх ярин дүүгээ тавлуул-аа-г й-г Даваа ойлгож байлаа (ДН.УТ, 85). - Даваа понял, что его брат, просто увлеченно говоривший о скачках, не грубил (РСШ). ... Айраг цаагааны тухай, сумын наадмын тухай нэг ч удаа дурсан бол-оо-гүй-гээ сая л мэдэв (ДН.УТ, 55). - (Я) сейчас только понял, что ни разу не подумал о "белой пище" и сомонском надоме. Чухам үүнийг нь ойл-гоо-гүй-гээ ухааран Цэдэн гэмшин зогсомо (ДН.УТ, 66). - Цэдэн виновато стоял, осо-знав, что именно этого он не понял (МСШ).

Рассмотренные монгольские причастные формы употребляются в составе ЗШБ во временных значениях, сходных с бурятскими. Существенное расхождение монгольской и бурятской систем состоит в использовании формы причастия на -аа: в бурятской - оно не используется в положительной форме вообще, в монгольской - используется довольно активно. Однако на его употребление имеются значительные ограничения. По данным нашей выборки, прослеживается следующая закономерность: форма на -аа-г образуется преимущественно от основы глагола бай-х - быть, существовать, который в одних случаях имеет свое основное бытийное значение, а в других выступает как вспомогательный глагол. Это явление можно объяснить следующим образом. Форма на -аа в абсолютном употреблении имеет значение актуального настоящего - действия, которое начато ранее и длится в момент речи⁷. Применительно к функции зависимого сказуемого, в относительном плане, это значение понимается как одновременность с действием главной части. Значение одновременности предполагает длительность действия/состояния, выражаемого в ЗШБ. Поэтому здесь очень частотна основа бай- как сама по себе, так и в составе аналитических форм прогрессива (-ж бай-)⁸.

Глагол бай-х в его основном бытийном значении можно увидеть в следующих примерах: За ламтан миний гарт юу (неопр.п.) бай-гаа-г та мэрэглэж айлд (МАШХУ, 15). - Ну, лама, что находится в моей руке, угадайте и скажите. Элчийн элдвийг чалчихыг чагнан байсан шуламсууд, Диваажин-Цэцэг (неопр.п.) хаана бай-гаа-г мэдэж авчээ (ЧА, 81). - Слушавшие болтовню разных гонцов демоны узнали, где находится Райский Цветок.

Примеры с формой прогрессива в ЗЛЕ (наиболее многочисленная группа примеров): Ченсель (неопр.п.) юу хий-ж бай-гаа-г чи мэдээгүй биз? (ЧА, 120). - Ты не знаешь, что (сейчас) делает Ченсель? Тунгалагийн тухай яриа (неопр.п.) бол-ж бай-гаа-г гэнэт мэдрэн гүйж гарлаа (ДН.УТ, 80). - Почувствовал сразу, что речь идет о Тунгалаг, и выбежал. Халууцаж, ядарсны дараа тайвширмагц нойр нь (неопр.п.) хүр-ч бай-гаа-г мэдэв (ДН.УТ, 11). - Как только немного отошел от жары и усталости (букв.: немного успокоился после того, как устал и страдал от жары), понял, что засыпает. Би хэний морь (неопр.п.) хаана нь давх-и-ж бай-гаа-г ердөө ч бодоогүй (ЖП.ЗХ, 157). - Я вообще не понимаю, где чей конь преодолевает препятствие. Би ... ширээнд суухдаа зүрх (неопр.п.) тугшин амьсгаа бачимд-аж бай-гаа-г мэдэв (ДН.УТ, 102). - Сев за стол, я почувствовал, что сердце мое забилось и дыхание перехватило. Ер манай удмыхан (неопр.п.) чухам юуны тухай яв-ж бай-гаа-гаа сайн мэдэхгүй байж ... (ЖП.ЗХ, 151). - Вообще не знаю точно, как наша родословная идет.

Единственный встреченный нами пример формы на -ааг от основы другого глагола ява-х - ходить, идти - также выражает длительное действие, одновременное акту восприятия: Чоно нь эзнээ хараад өөрийн үйл лай (неопр.п.) ирж яв-аа-г мэдэн ... (ШП.УЗХ, 21). - Когда волк увидел хозяина, понял (букв.: узнал), что приближается беда.

Кроме того, форма на бай-гаа-г в служебной функции участвует в построении сказуемых, передающих различные оттенки модальности: Хуу (неопр. п.) гэрл-эх гээд бай-гаа-г мэдэж байна уу (ШП.УЗХ, 107). - Знаешь, что сын собирается жениться.

Здесь зависимое сказуемое - цепочка аналитических форм: -х гэ- - со значением намерения, -аад бай- - со значением результативности: действия, начатого ранее, но длящегося до некоторого момента (либо в некоторый момент налицо его результат). Форма на -аа как раз фиксирует этот "некоторый момент",

задавая одновременность события ЗЛЕ событию главной части.

Приведем еще два примера, где бай- выступает в роли связки при причастных формах модальной семантики -маар и -х-гуй-: Өнгөтэй өөдтэй бухнийг шилж сольж өмсдөг тэр охины дэргэд даанч гут-маар бай-гаа-гаа сая л ойлгсв (ДН.УТ, 105). - Сразу понял, что (ему) слишком неприятно рядом с этой девушкой, так ярко одевающейся (букв.: которая одевается, выбирая все яркое и разнообразное). Цэдэн (неопр.п.) үзэгд-эх-гуй бай-гаа-г бодвол тушаал хүлээж штаб хавиар яваа биз (ДН.УТ, 12). - Если обдумать, что Цэдэн не появляется, наверное, он, ожидая приказа, ушел в штаб.

Форма бай-гаа-г в двух последних случаях в составе сложной глагольной формы обеспечивает синтаксическую связь с главной частью; тем самым открывается возможность для переосмысления ее функции и сближения с послелогом или союзом.

Таким образом, форма на -аа со значением актуальной одновременности оказывается связанной в употреблении с конкретной глагольной лексемой - глаголом бай-х.

В конструкциях с глаголами оперирования информацией может употребляться и форма зависимого сказуемого с вхождением модальных слов: Харандагаар ёстой-г түүний гунигтай харцнаас сая л гэнэт ухаарав (ДН.УТ, 65). - Вдруг сейчас по его грустному взгляду понял, что нужно сделать карандашом. ... Тушаалыг нь биелүүлэх хэрэгтэй-г бас ойлгон арга барагдан зогсов (ДН.УТ, 27). - ... Поняв, что нужно выполнять приказ, стоял беспомощно (букв.: не знал, как действовать).

Сказуемое ЗЛЕ может быть и именным (без связки). В этом случае употребляются имена наличия/отсутствия на -тай/-гуй. Примеры ЗЛЕ с именной формой в винительном падеже: Тэр яриагаараа хунийг дагуулах нэгэн авьяас-тай-г би хэзээний мэднэ (Ш.УЗХ, 36). - Я давно знаю, что у него талант агитатора (букв.: талант разговором вести людей за собой). Кабинд нь жолоочоос өөр хун-гуй-г хараад, Жаргал цүнхээрээ даллаг гуйв (Ш.УЗХ, 122). - Жаргал, увидев, что в кабине, кроме шофера, других людей нет, проголосовал своей сумкой (букв.: попросил, махнув сумкой). Чухам ямар учир-тай-г цэргүүд яхан мэдэх билээ (ДН.УТ, 31). - Откуда же знать солдатам, отчего именно (все это) (букв.: какую причину имеет). Дуу нь (неопр.п.) их, бас алгуур удаан явдал-тай-г бодвол шөнийн бөмбөгчид хүнд тээшээ дайсны

гун ар талд хаях гэж яваа байх гэж таварлав (ДН.УТ, 7). - Судя по тому, что звук громкий, а ход медленный, (люди) догадываются, что ночной бомбардировщик летит, чтобы сбросить свой груз в глубоком тылу врага.

Глаголы оперирования информацией (V^{OI}) используются во фразах, структуру которых можно представить следующими формулами:

$(\{N_I \leftrightarrow\}) T_V$ -прч-отриц-вин.п. (притяж.)... V^{OI}
(для глагольного сказуемого).

$(\{N_I \leftrightarrow\}) T_N$ -тай/гүй-вин.п. (притяж.) V^{OI}
(для именного сказуемого).

Здесь T_V - глагольная основа, T_N - именная: I - символ неопределенного падежа (эта форма наиболее частотная, но не единственная). Пунктирные скобки - символ факультативности соответствующего элемента. В частности, в моносубъектной фразе обязательно отсутствие собственного подлежащего в ЗПБ, что компенсируется обязательным субъектно-притяжательным оформлением. Также возможны (но не обязательны) показатели отрицания и личного притяжания. Такую синтаксическую структуру мы называем соответственно основной ЛСГ выступающих в ней глаголов моделью оперирования информацией.

2. По той же модели строятся фразы с глаголами речи: амд-ах - обещать, асуу-х - спрашивать, гэ-х - говорить, зарл-ах - объявлять, илтг-эх - докладывать, өгуул-эх - изрекать, хариулц-ах - отвечать, хэл-эх - говорить, илэрхийл-эх - объявлять, ярилц-ах - разговаривать, айлтг-ах - докладывать.

В случае употребления данных глаголов в значении передачи информации грамматические формы зависимых сказуемых весьма разнообразны: здесь также встречаются причастия на -х, -сан, -даг и -аа (от основы глагола бай-х), что связано с независимостью временных характеристик сообщаемого события и акта сообщения. Примеры фраз с причастием на -х: Би түүний сахиусыг хаанаас оло-х-ыг чамд хэлж өгнө гэлээ (ЧА, 68). - Сказал: я тебе объясню, откуда достать его талисман. Банор ... түүнийг сэрээж илбэчний сахиусыг яаж оло-х-ыг асуулаа (ЧА, 69). - Банор ...ее (девушку), разбудив, спросил, как достать талисман фокусника.

Примеры с формой сказуемого на -сан: Гэтэл хаан ирээд хэрхэн вуны учир уяул-сн-ыг асуужуу (МАНХУ, 27). - Однако

князь пришел и спросил, по какой причине (он) связан. Тэгээд намайг аянд явсан энэ гурван жилд хэн (неопр.п.) юу хий-сн-ийг дуудж асуухад ... (МАШХУ, 20). - А когда я спросил, кто что сделал за эти три года, проведенных в путешествии. ... Тэр хоёр ... буцуухан буцаж ирээд юу бол-сн-ыг хаандаа хэлэв (МАШХУ, 13).-... Те двое... быстро вернулись (букв.: вернувшись, пришли) и рассказали своему хану, что произошло (РСФ). Хуу даяанч-ламд чин зурхнээсээ баярла-сн-аа илэрхийлээд уулын нуур уруу явжээ (ЧА, 21). - Мальчик поблагодарил ламу (букв.: заявил ламе, что рад от всего сердца) и спустился с гор. Зун чи хаашаа явснаа ярь! - Расскажи, куда ты ездил летом! (МСФ).

С причастием на -аа: Нөхөр нь тэднийг угтан очоод хэнэрээ хаана бай-гаа-г асуужээ (ЧА, 61). - Муж подошел встретить их и спросил, где находится его жена. ... Хэн тараалдсан хүнээс дархных хаана бай-гаа-г асууж мэдээд (ЧА, 13). - ... У попадавших на пути людей расспросила (букв.: спрашивая, узнала), где находится мастерская (РСФ). Өвдөж бай-гаа-гаа эцэг хээээ ч хэлдэггүй ... (ЛТ.ХТТ, 66). - Отец никогда не говорит, что болен. Одоо тэнгээрийн авралаар энд нуур учирч бай-гаа-гаа дээдийн заяа гэж биширч байна (ЖП.ЗХ, 290). - То, что здесь сегодня (с ним) лицом к лицу встретила, считает небесным спасением. Чингунжав ... сархад шимж суухдаа талархаж бай-гаа-гаа өгүүлэн ... (ЖП.ЗХ, 213). - Чингунжав, сидя и посасывая вино, сказал, что благодарен (МСФ).

С причастием на -даг: Тэгтэл бас сар нар мандаад бас шингэдэг, өдөр шөнө ээжилдэг энэ бүрхэн ямар учир утгатай бай-дг-ийг та тайлж өгөөч ... (МАШХУ, 120). - Растолкуйте мне, пожалуйста, почему все это происходит: месяц и солнце взошли и заходят, день и ночь меняются ... (МАШХУ, 120). За чи тийм сүрхий юм бол бурхны орон хаа бай-дг-ийг хэлээд орхи! (МАШХУ, 62). - Если ты такой бойкий, скажи, где находится страна бога. Манай хошуунуудад хамгийн сайн худал хэлдэг хүн ямар хүн бай-дг-ийг илрүүлэе гэж зарлаад ... (МАШХУ, 82). - Объявил, что выяснит, кто (букв.: каким человеком является) самый лучший враль (букв.: человек, говорящий самую красивую ложь) в наших хошунах.

Для бурятского языка мы зафиксировали также способность ряда глаголов речи иметь значение речевой каузации ("велеть") и употребляться еще в одной модели - речевой каузации. Хотя в

нашей выборке подобных примеров в монгольском языке не обнаружено, информанты не исключают такой возможности. Они считают вполне закономерными фразы типа: Багш сурагчид-ад өгүүлийг унши-х-ийг гэж хэлсэн. - Учитель сказал (велел) ученикам прочитать рассказ. Ээж охин-д-оо одрийн унд хий-х-ийг хэлсэн. - Мать сказала дочери приготовить обед.

II. Дистрибутивный тип

К этому типу относится только одна лСГ глаголов непосредственного восприятия. Он характеризуется преимущественным употреблением причастий на -х и -аа ($\approx 75\%$), но возможны и другие причастные формы ($\approx 25\%$).

К этому классу относятся следующие глаголы: үз-эх - видеть, хар-ах - смотреть, сонс-ох - слышать, чагн-ах - елущать, аж-их - наблюдать, следить, ажигл-ах - приглядываться, замечать, мэдр-эх - ощущать, чувствовать.

Глаголы непосредственного восприятия употребляются в двух значениях: 1) непосредственного зрительного или слухового восприятия (ср.: Я слышал, что поезд идет) и 2) получения информации по зрительному или слуховому каналу (ср.: Я слышал, что поезд идет в семь утра). Этим различиям в значении соответствуют различия в синтаксической структуре фразы.

В конструкции восприятия предикат зависимой части оформляется формами двух причастий (на -х и -аа в значении одновременности), так как в этом случае может обозначаться только реальное конкретное событие, одновременное акту восприятия. Среди нижеследующих примеров (и в выборке в целом) нет ни одного с отрицанием в ЗЧД зависимой части. Оно невозможно по объективным причинам: воспринимать можно только реально происходящее событие. Подобные конструкции исключают моносубъектную реализацию (ситуации, в которых возможно непосредственное восприятие собственных действий, очень редки и в нашей выборке не встретились).

Примеры с причастием на -х: бронхий инженер Батхоролын машин (неопр.п.) өглөө талбайн захаар давхин өнгөр-өх-ийг Аурзана нүднийхээ булангаар харсан юм (ИД.ШШ, I9I). - Аурзана уголком своего глаза видел, как утром машина главного инженера Батхоролына, промчавшись по краю площади, скрылась. Цэцгээ Ганбат хоёр (неопр.п.) усаар цацсан тогл-ох-ыг хүүхдүүд хараад ...

(ЦД.ШМ, 66). - Дети видели, как Цэцгээ и Ганбат играли и брызгались водой. Тэр түүнийг (род.п.) хашгирч бай-х-ыг сонсоод, юу (неопр.п.) бол-ох-ыг үзэхээр ирэхэд нэгэн хүн (неопр.п.) амьсгаатай төдий хэвтэж бай-х-ыг харжээ (ЧА, 32). - Услышав его крик (букв.: как тот кричит), он пошел посмотреть, что происходит, и увидел, что какой-то человек, еле дыша, лежит. Цэдэнгийн пулемет (неопр.п.) дахин тачигна-х-ыг сонсоод ... (ДН.УТ, 18). - Услышав, что снова загрохотал пулемет Цэдэна. Тэгээд гар нь (неопр.п.) янгинан өвд-өх-ийг мэдрэв (ДН.УТ, 67). - Тогда почувствовал, что руки ломит от боли (букв.: ломаясь, болят).

В следующих примерах сказуемое ЗИЕ выражено причастием на -аа, которое, как и в случае с глаголами ОИ, образуется только от основы бай- в значении бытийности, местонахождения и употребляется как вспомогательный глагол (в форме прогрессива): Тэр ... түүнээс холгүй боодолтой сурэл (неопр.п.) бай-гаа-г харжээ (ЧА, 66). - Он увидел, что недалеко от нее (kozy) находится (есть) вязанка соломы. ... Энд бас хуучны их хэрэм (неопр.п.) бай-гаа-г зарим манж тушмэл үзсэн (ЖП.ЗХ, 140). - Некоторые маньчжурские чиновники увидели, что здесь находится большая старинная крепость. Тэгээд гэнэт замын дунд цоо шинэ өрөөсөн гутал (неопр.п.) бай-гаа-г үзжээ (ЧА, 54). - Увидел, что на середине дороги лежат новые сапоги. Пагма хашаанд хэнгэрэг нижигнэ-ж бай-гаа-г сонсоод ... (ЧА, 113). - Пагма слышала, как во дворе звучит цирковой барабан. Түүний цогоор төөнөх адил ширтдэг хурц хар нүдэнд нулимс цийлэгнэ-ж бай-гаа-г хараад юу болсныг таамаглаажээ (ДН.УТ, 61). - Понял, что случилось, увидев, как в его пристальных зорких черных глазах блестят слезы, будто его обожгло раскаленным углем.

Соотношение этих двух причастных форм в данной модели - $\approx 80\%$ (-х) и $\approx 20\%$ (-аа). При этом форма на -аа образуется от глагола бай-, однако обратной зависимости нет: от глагола бай- возможна и форма на -х, хотя и редко.

Чтобы выявить условия употребления этих двух причастных форм, мы провели эксперимент, предложив носителям языка произвести их взаимозамену в следующих примерах:

1. Нэгэн хүн амьсгаатай төдий хэвтэж бай-х-ыг харжээ (ЧА, 32). - Увидел, что один человек, еле дыша, лежит. В данном случае замена формы бай-х-ыг на форму бай-гаа-г возможна, они являются практически синонимичными;

2. Тууний агсан тавьж бай-х-ыг Гочоо хэдэнтээ харсан билээ (ЦД.ШМ, 259). - Гочоо несколько раз видел, как он ругался. В данном случае замена на форму бай-гаа-г невозможна, так как имеется в виду не актуальная одновременность, а общая одновременность нескольких актов восприятия разных однотипных действий;

3. Дэлгээгийн тийм хурдан хөдөлж бай-х-ыг Бадарч хэзээ ч хараагүй билээ (ДН.УТ, 28). - Бадарч никогда не видел, чтобы Дэлгээ двигался так быстро. Замена невозможна, поскольку в зависимой части обозначено не просто конкретное действие, а его оценочная интерпретация (так быстро). Здесь значение актуальной одновременности невозможно.

Отсюда можно сделать вывод, что противопоставление семантики форм на -х и -аа в данной конструкции - это противопоставление общей одновременности и актуальной одновременности с реально происходящим длительным действием. Иными словами, форма на -аа в данной конструкции является маркированной (имеет узкое, специализированное значение), а форма на -х - немаркированной.

Во втором значении - получения информации по зрительному или слуховому каналу - глаголы восприятия употребляются без ограничений на форму зависимой части, как и глаголы собственно оперирования информацией. Конструкции с формой причастия на -сан в ЗП передают значение непосредственного восприятия результата действия: Энэ амьтад цөм түүний урхинд ор-сн-ыг туулай хараад ... (ЧА, 134). - Заяц увидел, что все звери попали в его ловушку (субъект воспринимает не сам процесс совершения действия, а его конечный результат, что сближает глагол восприятия с одной из разновидностей глаголов ОИ - получения информации).

В конструкциях с причастием на -сан возможно и субъектное притяжание: ведь воспринимать можно и результаты своего действия в прошлом: Гэтэл лам дээл өмсөө, маанийн эрх зуу-сн-ийг үзвэл (МШХУ, 90). - Но когда увидел, как этот человек дэль ламу одев, четки привесил ... (РСЭ). Чи надаахь завааруул-сн-аа харахгүй байгаа юм биш биз дээ! (ЦД.ШМ, 159). - Ты не мог не видеть, что у нас намусорил! Муу хөгшин минь азтай хүн байж. Ийм үртэй бай-сн-аа үзсэнгүй (Ш.УЗХ, 12). - (Бедная моя старуха - счастливый человек) не увидела, что такое потомство оста-

вила. Цэдэн тулуддааны тухай илтг-эх-ийг чагнан ядарч зүдэрсэн, өлсөж цанга-си-аа мэдрэн зогсож байлаа (ДН.УТ, 23). - Цэдэн, слухая, что рассказывают о бое, стоял, чувствуя, что испытывает жажду, голод и усталость (МСФ).

Примеры с глаголами сонс-ох, дуул-ах в значении оперирования информацией: Эцгийнхээ (род.п.) нас бар-си-ыг дуулаад ... (Пл.УЗХ, 13). - Когда услышал, что отец его скончался. Бас халхын нутгаас чухам ямар ноёд (неопр.п.) энд ир-си-ийг тэд өөрсдөө ажиг сонсоогүй билээ (ЖП.ЗХ, 277). - Они еще не знали про то, какие ноеды пришли сюда из монгольских земель. Ийм сайхан хуугээ алд-сан-ыг яаж сонсоно ... (ДН.УТ, 62). - Как же слышать, что такого хорошего сына лишилась.

В составе сказуемого ЗИЕ конструкций с глаголами восприятия в значении ОИ встречаются формы на -х и -аа; однако форма на -х здесь закономерно имеет значение предстояния будущего времени: Тэгээд л манай хотод очиход чи намайг хүн дүрээ олсон бай-х-ыг харах болно гэж Ачу хэлээ (ЦД.ШМ, 38). - Тогда Ачу сказал: - Когда в мой город приедешь, ты увидишь, каким человеком я стану.

Форма на -аа и в данном случае передает одновременность, но несколько особого свойства: Гэртээ оруутаа бүх юмыг нь хулгайч хумьж аваад ява-х гэж бай-гаа-г нь үзжээ (ЧА, 133). - Зайдя в дом, увидел, что вор, все вещи собрав, собирается уходить. Эмч, домч, эм тан өгч, гүрэм ном уншиж байгаа боловч, охины бие дээрд-эх-гүй бай-гаа-г харж байна уу? (ЧА, 74). - Хотя врачи дают лекарства и книги читают, ты видишь, что здоровье дочери не улучшается? Здесь в зависимой части названо не актуальное действие/состояние, а некоторое умозаключение, логический вывод, сделанный на основе неназванных признаков.

Для глаголов непосредственного восприятия основной тип реализации во фразе - модель непосредственного восприятия:

(N_I ↔ T_V-х-ыг(-аа-г) (притяж.)... V_{непоср.воспр.}

Ш. Дистрибутивный тип

В этом типе - с зависимой частью только в форме причастия будущего времени на -х - встретилось несколько лексико-семантических групп глаголов. Это глаголы намерения, каузации, а также глаголы типа хус-эх - желать и хүлээ-х - ждать (эмоционально окрашенного прогноза). Все они объединяются тем, что со-

держат в семантике компонент прогноза, целеполагания, так что причастие на -х реализует с ними значение модальности/потенциальности. К этой же группе примыкает фазовый глагол боли-х - прекращать.

Рассмотрим структуру фраз с глаголами этих типов.

1. Глаголы намерения

Это небольшая компактная группа: завд-ах - собираться, зори-х - стремиться, зурхл-эх - решиться, отважиться, зутг-эх - упорствовать, усердствовать, оролд-ох - стараться, санаар-ах - намереваться, тэмүүл-эх - рваться, усердствовать, хичээ-х - стараться, чармай-х - стараться, шийд-эх - решаться, эрмэлз-эх - стремиться.

Примеры: Тэгээд тэр, яагаад энд ирснээ бодож ол-ох-ыг оролдов (ШП.УЗХ, 42). - И вот он старался уяснить себе, зачем сюда приехал. Ганбат бодлоо тасалж унт-ах-ыг хичээнэ (ЦД.ШМ, 287). - Ганбат, прервав свои размышления, старается уснуть. Цэцгээ чи сургууль дээр ажилгүй хун уу? гээд бос-ох-ыг завдлаа (ЦД.ШМ, 49). - Сказав: - Цэцгээ, у тебя нет в школе дел? - собралась вставать (уходить). Тэр арсланг энэ ууланд амьдрах болсноос хойш, хэн ч гэсэн түүгээр яв-ах-ыг зурхлэхгүй болсон юм (ЧА, 20). - С тех пор, как лев стал жить на этой горе, никто не отважился там ходить. Хүлээсэн хүмүүс хөгжилдөн наадма цэнгэлдөн үз-эх-ийг тэмүүлнэ (Жл.ЗХ, 154). - Ожидавшие люди рвались повеселиться и поразвлекаться на надоме.

Все фразы моносубъектны, однако зависимый предикат имеет форму на -х-иГ, а не -хаа. С формой на -хаа употребляется только фазовый глагол боли-х - прекращать, явно находящийся на периферии системы: Тийм учраас нөхөд нь бяр тэнхээгүй гэж Ганбатыг гоочлоох-оо бслив (ЦД.ШМ, II). - Поэтому друзья, решив, что слабоват (букв.: не имеет сил, мол), перестали дразнить Ганбата.

Причастие на -х в значении модальности/потенциальности оформляет здесь название действия, намеченного к осуществлению. Возможно появление и аффикса отрицания -гүй-, поскольку планировать можно и в отрицательном аспекте: Тэгээд өвгөнийг сэрээ-х-гүй-г хичээж аярхан босч (ШП.УЗХ, 23). - Затем встал (букв.: встав) тихонько, стараясь не разбудить бабушку. Нөхөд нь түүнийг өрөвдөөд нуур руу нь эгцэлж хар-ах-гүй-г хичээнэ

(ЦД.ШМ, 51). - Друзья, сочувствуя ему, старались не смотреть ему прямо в лицо. ... Элдэв звйлд сэтгэлээ догдлуул-ах-гүй-г аль болохоор чармайна (ЦД.ШМ, 271). - Всячески старается не бедить (букв.: сотрясать) свою душу по разным поводам.

Структуру фразы с глаголами намерения можно представить следующей формулой:

(...Т_v-х-(гүй)-г) ^vнамер. (только МСФ).

2. Глаголы каузации

В главной части фраз со значением каузации наиболее часто встречаются следующие глаголы: гүй-х - просить, даалг-ах - поручать, захил-ах - просить, зөвшөөр-өх - разрешать, урил-ах - призывать, шаард-ах - требовать, хоригл-ох - запрещать, тушаа-х - приказывать, зөвл-өх - советовать, ури-х - приглашать.

С глаголами каузации встретились фразы двух структурных типов: первый - без позиции в зависимой части подлежащего - имени субъекта каузируемого действия (ср. рус.: приказал ему прийти), второй - с наличием такой позиции (ср. рус.: приказал, чтобы он пришел).

Примеры фраз первого структурного типа: Сухийг бүсэндээ хавчуул-ах-ыг зөвлөв (МАШХУ, 8). - Посоветовала (ему) заткнуть топор за пояс. Харуулууд нь хаандаа энэ тухай мэдэгдэхэд, тэрээр хууг оруул-ах-ыг зөвшөөрчээ (ЧА, 20). - Когда стражники сообщили об этом хану, (он) разрешил (им) ввести мальчика (букв.: им - т.е. ханом - было разрешено). Самдан Жамц хоёр хувийнхаа аж амьдралыг дээшлүүл-эх-ийг дарга нараасаа эмэгээд шаардаж байсангүй (ЦД.ШМ, 321). - Самдан и Жамц, стесняясь своего начальства, не требовали улучшить (условия) их жизни. ... Сангийн аж ахуйд заавал очи-х-ыг туунд захилаа (ЦД.ШМ, 106). - ... Велел (им), чтобы обязательно съездили в госхоз.

Глагол-сказуемое ЗПЕ обозначает действие, которое должно осуществиться по просьбе, приказу или требованию субъекта. Во фразах с главным глаголом гүй-х - просить зависимое сказуемое часто имеет форму сочетания деепричастия на -ж и глагола өг-өх - давать, который в этом случае выполняет функцию вспомогательного глагола, выражая действие, должное совершиться в пользу кого-либо: Охиныг минь эдгэрүүлж өг-өх-ийг чамаас гуйя! (ЧА, 74). - Прощу (тебя) вылечить мою дочь (совершить действие в

пользу моей дочери). Тиймээс хулгана бурханд өгөл барьц өгч гоё сайхан хуу төрүүлж өг-өх-ийг гуйжээ (ЧА, 41). - Поэтому мысль, принося жертвование богу, просила, чтобы послал букв.: дал родить) прекрасного ребенка.

Специфика строения зависимой части в моделях данного типа заключается также в отсутствии подлежащего, что компенсируется в большинстве случаев названием адресата просьбы или приказа в главной части. Существительное, обозначающее исполнителя предполагаемого действия, может стоять в дательном-местном или исходном падеже - в зависимости от моделей управления конкретного глагола каузации (специально отметим, что не в винительном падеже). Примеры: Зуу олбол малгайдаа хавчуул-ах-ыг эмгэн нь өвгөн-д (дат.-мест.пад) зөвлөв (МАНХУ, 7). - Старуха советовала старику, если иголку найдет, воткнуть ее в шапку. Хулгайч, сандран айж суулан тави-х-ыг Соном-оос (исх.п.) гуйжээ (ЧА, 106). - Вор, беспокоясь и боясь, просил Сонома отпустить (его).

Показатель отрицания -гуй- при сказуемом зависимой части встречается редко. Функцию передачи этого значения - "каузация несовершения действия" - берут на себя глаголы "запретительной" семантики (приказываю не делать - запрещаю делать) типа хориглох, цээрлэх - запрещать. Отрицание в зависимой части пока встречено только с глаголом гуйх - просить - во фразах этикетного характера, выражающих вежливую просьбу: Зовоо-х-гуй бай-х-ыг гуйя! (ПП.УЗХ, 103). - Прошу не беспокоиться!

Интересен вопрос о возможности построения моносубъектной фразы в рамках данной модели. Исполнитель действия в норме не может совпадать с лицом, отдающим приказ, просьбу или требование. Тем не менее изредка встречаются специфические фразы типа: Тэгээд биеэ захир-ах-ыг өөртөө даалгаж хэвтэх (ЦД.ШМ, 299). - Тогда (он) лег, приказав себе владеть собой (букв.: командовать собой). Таким образом, в некоторых случаях возможно выражение каузации действия, обращенной на себя: в этом случае "раздвоение личности" на каузатора и исполнителя каузируемого действия формально фиксируется местоимением өөртөө - самому себе.

Каузатором, как правило, выступает лицо, однако в этой позиции возможны и названия обобщенных, социальных субъектов, некоторые абстрактные существительные: Ард түмэндээ хамгийн хэрэгтэй газар очиж ажилл-ах-ыг эх орон уриалдаг! (ЦД.ШМ, 246).

- Родина призывает ехать работать в самых необходимых народу областях.

Представим формальную запись модели:

($[S] \leftrightarrow T_V \text{ х } (-\text{гуй}) : (-\text{г})$) N^S -д.-м.п./исх.п. $N_1^{\text{кауз}} \rightarrow V^{\text{кауз}}$ (только РС_ж).

В главной части - собственный субъект-каузатор ($N^{\text{кауз}}$) и имя субъекта каузируемого действия (кому приказывают; кого просят). В зависимой части дополнение подлежащей позиции невозможно (знак $[S]$ - пустая позиция субъекта).

Вторая модель с каузативными глаголами содержит в зависимой части имя субъекта каузируемого действия (подлежащее) в форме винительного падежа: Оройхон Чи бэйлийг (вин.п.) бор өргөөнд зоогт морилон ир-эх-ийг Ван урив (Жл.ЗХ, 65). - Ван пригласил Чи бэйла прибыть (навестить) на ужин в его дворец. ... Нэг хүн ирж намайг (вин.п.) буудалд очиж холоо идээд тургэн яв-ах-ыг сануулав (МАШХУ, 93). - ... Один человек пришел и напомнил, чтобы я, зайдя в здание и поев, быстрее ехал. Тэр Жаргалыг (вин.п.) сургуульд явахыг нь хоригл-ох-ыг оролдов (Ш.УЗХ, 81). - Он старался запретить Жаргал идти в школу.

Форма винительного падежа ЗПЕ обусловлена не непосредственно управлением главного глагола (ср.: приглашать - кого, но приказывать - кому), а ролью соответствующего имени в конструкции. В зависимой части этой модели не может быть прямого дополнения. Как правило, зависимое сказуемое - непереходный глагол, хотя возможен и переходный: Хаан эхлээд баахан хөхөрснөө, хөмсөг зангидан, харуулыг (вин.п.) авчр-ах-ыг тушаажээ (ЧА, 109). - Хан долго хохотал, (затем) насупив брови, приказал, чтобы стражники ввели (мальчика).

По свидетельству информантов, здесь нельзя ввести во фразу прямое дополнение хууг - мальчика - при сохранении формы харуулыг - стражники (вин.п.). Последнюю форму нужно либо убрать (хууг авчрахыг тушаажээ - приказал ввести мальчика), либо заменить на форму дательного-местного падежа (харуулд хууг авчрахыг тушаажээ - приказал стражникам ввести мальчика). Две формы винительного падежа, одна с субъектным, другая с объектным значениями, в одной фразе несочетаемы: (*харуулыг хууг авчрахыг тушаажээ - неправильная фраза). Формула модели (itr - непереходность глагола) такова:

($N_1^S \leftrightarrow V^{itr} \text{ х } (-\text{гуй}) : (-\text{г})$) $V^{\text{кауз}}$. (только РС_ж).

Третья группа глаголов, формирующих фразы только с причастием на -х: хүс-эх - желать, хүлээ-х - ждать, өрөө-х - желать, мөрөөд-өх - мечтать и некоторые другие, близкие им по смыслу. Их можно назвать глаголами эмоционально окрашенного прогноза.

В случае моносубъектной реализации данная группа строит фразы по типу глаголов намерения: Бие сэтгэлийнхээ энэ хэрэгцээг Ганбатыг эдлэхгүй байж чадахгүй бол-ох-ыг мөрөөднө (ЦД.ШМ, 187). - Ганбат мечтает, чтобы не мог не испытывать эту душевную потребность. Дусал бүр том бол-ох-ыг хүснэ (ЦД.ШМ, 207). - Каждая капля мечтает стать большой.

Примеры разносубъектной реализации включают фразы, построенные по обеим моделям, описанным для глаголов каузации, а также фразы с неопределенным и родительным падежами зависимого подлежащего (т.е. по модели оперирования информацией). Без позиции подлежащего: ... Танд (дат.-мест.п.) замдаа сайн яв-ах-ыг өрөөе! (Жл.ЗХ, 264). - ... Желаю вам счастливого пути (букв.: хорошо в дорогу отправиться)!

С формой винительного падежа: Хүн бүрийг (вин.п.) сайн сайхан сэтгэлээр бие биедээ ханд-ах-ыг тэр хүснэ (ЦД.ШМ, 163). - Он хотел, чтобы все люди (букв.: каждый человек) обращались друг к другу с добрым чувством (по-доброму).

С формой неопределенного падежа: Дорж модон дэрээ амьсгаа барин сууж, цагаан арслан (неопр.п.) ир-эх-ийг хүлээжээ (ЧА, 22). - Дорж, сидя на дереве и затаив дыхание, ждал, когда придет белый лев. Тээд ийнхүү одоо гүүр (неопр.п.) чөлөөтэй бол-ох-ыг хүлээн зогсож байлаа (ДН.УТ, 53). - И вот теперь стоял и ждал, когда мост станет свободным.

С формой родительного падежа: Цогоогийн (род.п.) хэрх-эх-ийг тэсвэрлэн хүлэв (ЦД.ШМ, 278). - Терпеливо ждал, как поступит Цогоо. Чи цайзны хашаанд ороод илбэчний (род.п.) эргэж ир-эх-ийг хүлээ! - гэж гэнэ (ЧА, 68). - Говорит: ты вернись во двор крепости и жди, когда вернется фокусник!

Таким образом, для глаголов 3-го дистрибутивного типа обнаружилось три специфические структурные модели: одна со значением намерения, две - со значением каузации.

ж

ж

ж

анализ дистрибуции основных модусных глаголов позволяет увидеть языковую подсистему, нацеленную на передачу различных видов отражения действительности в человеческом сознании и организуемую элементами двух уровней: синтаксического (моделей) и лексического (ЛСГ).

Модели – типовые синтаксические структуры, несущие определенную собственную семантику, – в данной подсистеме тесно (но не жестко!) взаимосвязаны с лексическим наполнением: выявившиеся дистрибутивные типы – это объединения лексических групп вокруг синтаксических моделей. Задача дальнейшего анализа как раз и состояла в выявлении моделей и описании их взаимодействия с ЛСГ модусных глаголов.

Основными формальными элементами модели являлись те, что прослеживались при дистрибутивном анализе и фиксировались в табл. 1, – это формы зависимого сказуемого. Возможные их наборы и вариативность имеют содержательную интерпретацию – они определяются типовыми взаимоотношениями акта отражения и отражаемого события в аспекте времени, реальности/ирреальности и ко-референтности участников, что составляет собственную синтаксическую семантику модели. Числовые данные табл. 1 несут тем самым большую информацию, которую мы в более явном виде представим в табл. 2. Здесь учтены: фиксированность при данной ЛСГ какой-либо одной причастной формы (т.е. жесткое соотношение во времени) или отсутствие таковой; возможность/невозможность появления показателя отрицания как свидетельство возможности оперировать с представлениями о нереальном, не имевшим или не имеющим место события; возможность/невозможность использования аффиксов субъектного притяжания как признак способности данного вида ментальных процессов отражать действие собственного субъекта (см. табл. 2).

Полученный на этой базе список моделей таков:

$$\begin{aligned} & ((N_I \leftrightarrow) T_V\text{-прч.} - \text{отриц.} - \text{вин.п. (притяж.)} \dots) V^{OM}. \\ & ((N_I \leftrightarrow) T_N\text{-тай/гүй-вин.п. (притяж.)} \dots) V^{OM}. \end{aligned} \quad (I)$$

Это модель оперирования информацией с двумя вариантами – глагольным и именным сказуемыми З.д (объектом информационной деятельности могут быть не только сообщение о событии, но и оценочные высказывания). Конкретная форма причастия не указана (временная форма не фиксирована), т.е. нет временной зависимо-

дистрибутивный тип	Характеристика моделей	Обязательная временная фиксированность	Оперирование с отрицанием действия	Обязательная моно-субъектность
	ДСГ			

I	Глаголы мысли, речи, восприятия в семантическом варианте "оперирования информацией"	-	+	∅
II	Глаголы восприятия	+	-	-
III	Глаголы речевой каузации, каузативные варианты глаголов речи	+	+	-
	Глаголы намерения	+	+	+
	Глаголы типа "желать"	+	-	∅
	Глаголы типа "ждать"	+	-	-

Примечание: + присутствие данного признака, - его отсутствие, ∅ - его нерелевантность.

сти между актом информационной деятельности и отражаемым событием. В ЗПЕ возможно собственное подлежащее (чаще в форме неопределенного падежа, хотя, как говорилось, возможны и родительный, винительный падежи, и элиминация подлежащего), так как объектом информационной деятельности могут быть собственные и чужие действия. Возможно также отрицание, т.е. объект информационной деятельности не ограничен сферой реально произошедших событий.

Модель с семантикой непосредственного чувственного восприятия:

$$(N_I \leftrightarrow T_V - x - \text{ыг}(-aa-\Gamma) : \text{притяж.}) \dots V^{\text{непоср. воспр.}} \quad (2)$$

В зависимой части возможны только формы причастия на -x и -aa в значении общей и актуальной одновременности, так как в этом случае может обозначаться только реальное событие, одновременное акту восприятия; по этой же причине невозможно отрицание. Модель только разносубъектна (свои собственные действия обычно не становятся объектом специального восприятия).

Модель с семантикой намерения:

$$(\dots T_V - x - (\text{гуй}) - \Gamma) V^{\text{намер.}} \quad (3)$$

Форма сказуемого ЗПЕ фиксирована: причастие настоящего-будущего времени в значении модальности/потенциальности, выражающее действие, намеченное к осуществлению. Возможно и отрицание, так как планировать можно и в отрицательном аспекте. По этой модели строятся только моносубъектные фразы.

$$(\boxed{S} \leftrightarrow T_V - x : \text{гуй}) - \Gamma \quad N^S - \text{д. - м. п. / исх. п. } N_I^{\text{кауз.}} \leftrightarrow V^{\text{кауз.}} \quad (4)$$

$$(N_4^S \leftrightarrow V^{\text{itr}} - x - (\text{гуй}) - \Gamma) V^{\text{кауз.}} \quad (5)$$

Эти две структурно различающиеся модели речевой каузации характеризуются рядом общих признаков: здесь фиксирована форма причастия на -x в значении будущего потенциального (каузируемое действие только намечено к осуществлению); возможен показатель отрицания -гуй. Обе модели только разносубъектны. Различаются они способом выражения субъекта каузируемого действия. В модели 4 в ЗПЕ он не назван, но назван в главной части как адресат просьбы или приказа. В модели 5 он назван в ЗПЕ - зависимое подлежащее в форме винительного падежа. В связи с этим глагол-сказуемое ЗПЕ обычно является непереходным (переходные глаголы употребляются без прямого дополнения).

Различия в семантике этих двух моделей требуют дополнительного исследования, но можно предположить, что они связаны с актуальным членением: какая из двух ролей (субъект каузируемого действия или адресат каузации) более значима для говорящего.

Жесткой зависимости между моделями и ЛСГ нет: хотя для многих ЛСГ есть наиболее типичная модель употребления, все же в одной модели могут употребляться разные ЛСГ, а одна ЛСГ - в разных моделях. Но это оказывается связанным с закономерными

различиями в семантике: с лексико-семантическими вариантами (ЛСВ), что наиболее ярко видно на примере глаголов непосредственного восприятия, имеющих два ЛСВ – собственно чувственного восприятия и получения информации по слуховому или зрительно-му каналу. Соответственно существуют и две модели употребления.

Сведения о взаимодействии ЛСГ и синтаксических моделей сведены в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

ЛСГ \ Модель	I. Оперирования информацией	II. Восприятия	III. Намерения	Каузации	Каузации
Мыслительной деятельности	⊕	-	-	-	-
Речи	⊕	-	-	+	-
Восприятия	+	⊕	-	-	-
Каузации	-	-	-	⊕	⊕
Намерения	-	-	⊕	-	-
<u>хус-эх</u> - желать и др.	-	-	+	+	+
<u>хул-эх</u> - ждать	+	-	-	-	-

Примечание. Кружок в табл. 3 обозначает, что данная модель является типичной, основной для реализации данной ЛСГ.

В заключение отметим наиболее существенные отличия монгольской системы от бурятской:

1) если в бурятской ЗПЕ возможен только родительный падеж зависимого подлежащего, то в монгольской – неопределенный, родительный и винительный при доминации неопределенного;

2) в бурятском языке активно функционируют показатели личного притяжания как выразители лица зависимого действия. В монгольском – эта парадигма распалась, оставшиеся частицы выполняют другие функции, хотя отдельные случаи их употребления в личном значении есть. Аффиксы же субъектного притяжания используются сходным образом;

3) в монгольской системе причастных форм используется причастие на -аа в значении актуальной одновременности. Соответственно меняется облик модели непосредственного восприятия, и сужена, по сравнению с бурятской, сфера действия формы на -х. В бурятской системе форма на -аа отсутствует, есть лишь ее отрицательный вариант (в обеих системах форма на -аа-гүй функционирует как отрицательный аналог причастия прошедшего времени -сан/-һан);

4) в монгольском языке две разновидности моделей речевой каузации, бурятском – одна.

Однако в целом эти две системы весьма близки по принципам устройства, значимым формальным и семантическим характеристикам.

¹ См.: К а с ь я н е н к о З.К. Придаточное предложение и оборот в монгольском языке // Проблемы филологии стран Азии и Африки. – Л., 1966; о н а ж е. Подлежащее в придаточных предложениях в монгольском языке // Вопросы филологии стран Азии и Африки. – Л., 1971.

² См.: К а с ь я н е н к о З.К. Подлежащее в придаточных предложениях ... – С. 61-63.

³ К а р а б а е в а Л.А. Придаточные дополнительные предложения со сказуемым-причастием в винительном падеже в современном монгольском языке // Лингвистические исследования. Проблемы грамматического строя языка. – М., 1978. – С. 31; о н а ж е. Падежные показатели как средство связи структурных частей монгольского предложения // Грамматические исследования по отдельным алтайским языкам. – Л., 1989. – С. 6.

⁴ См.: С к р и б н и к Е.К. Бурятские модусные конструкции с винительным предикативным // Полипредикативные конструкции в языках разных систем. – Новосибирск, 1985. – С. 92-113; о н а ж е. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. – Новосибирск, 1988. – С. 39-51.

⁵ См.: Предикативное склонение причастий в алтайских языках. – Новосибирск, 1984; Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. – Новосибирск, 1986.

⁶ См.: С к р и б н и к Е.К. Полипредикативные синтетические... – С. 42.

⁷ Причастие на -аа в работах разных авторов определяется по-разному. У З.К. Касьяненко мы встречаем термин "причастие прошедшего времени незаконченного вида". (См.: К а с ь я н е н к о З.К. Современный монгольский язык. – Л., 1971. – С. 21); Г.Д. Санжеев использует термин "настоящее

причастие". (С а н ж е е в Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. - М., 1963. - С. 136); в "Сравнительной грамматике монгольских языков" (Монгол хэлнүүдийн харьцуулсан хэл зүй. - Улаанбаатар, 1961) мы находим термин "уил өнгөрөн үргэлжилсэн цагийн утга" (значение времени прошедшего продолженного действия).

° См.: Д у г а р о в а Г.С. Статус оппозиции "прогрессив: непрогрессив" в современном монгольском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. - М., 1966. - С. 3.

Сокращения текстовых источников

- ДН.УТ - Д. Норов. Уульхны тууж. - Улаанбаатар, 1983.
ЖП.ЗХ - Ж. Пүрэв. Зүрхний хилэн. - Улаанбаатар, 1983.
ЛТ.ХТТ - Л. Түдэв. Хорвоотой танилцсан түүх. - Улаанбаатар, 1987.
МАШХУ - Монгол ардын шог хошин үлгэр. - Улаанбаатар, 1984.
Ш.УЗХ - Ш. Пүрэвсүрэн. Уран захидлын хариу. - Улаанбаатар, 1983.
ЦД.ШМ - Ц. Доржготов. Шим мандал. - Улаанбаатар, 1984.
ЧА - Чулуун арслан (төвд ардын үлгэрүүд). - Улаанбаатар, 1986.

Условные сокращения и символы

Обозначения синтаксических конструкций

- ППК - полипредикативная конструкция
ГПЕ - главная предикативная единица
ЗПЕ - зависимая предикативная единица
МСФ - моносубъектная фраза
РСФ - разносубъектная фраза

Частеречные символы

- Г - основа слова
Н - существительное
V - глагол

Формальные признаки

- пад. - падеж
I - форма неопределенного падежа
2 - форма родительного падежа
неппр.п. - неопределенный падеж
род.п. - родительный падеж
дат.-мест. пад. - дательно-местный падеж
вин.п. - винительный падеж

кауз. - побудительный залог, каузатив

прч. - причастный показатель

отриц. - отрицание

Семантические признаки

S - субъект

Об - объект

ОИ - оперирование информацией

воспр. - восприятие

кауз. - каузативное значение

намер. - значение намерения

прогн. - прогностическое значение

Знаки отношений

↔ - предикативная связь

→ - любые подчинительные отношения

← - → - кореферентность

Знаки синтаксических позиций

() - позиция предикативного компонента (iE) или наоборот)

: : - факультативная позиция

// - позиция зависимо-личного (притяжательного) оформления

□ - закономерно элиминируемая позиция

ПАРНЫЕ СЛОВА И ПОВТОРЫ В СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Монгольские языки богаты парными словами. Обзор литературы по этому вопросу содержится в статье У.-д.Ш. Дондукова и Н.Г. Данчиновой "К вопросу о парных словах в монгольских языках"¹. В настоящее время благодаря специальным работам, посвященным парным словам в монгольских языках, наблюдается некоторое продвижение вперед в решении этой интересной проблемы. Но ряд вопросов все еще остается открытым. "Обзор монголоведной литературы, касающейся вопросов парных слов, — пишут Г.С. Биткеева и П.Ц. Биткеев, — показывает, что парные слова, как и вообще сложные слова, в монгольских языках изучены еще слабо. Существующие характеристики и классификации парных слов нередко противоречивы, почему обычно и включают в состав парных слов и повторы, и различные сочетания слов"².

Известный монголовед Т.А. Бертагаев выделяет четыре типа парных слов: 1) парные слова, состоящие из знаменательных слов; 2) парные слова, состоящие из изобразительных и звукоподражательных слов; 3) парные слова, состоящие из незнаменательных слов, зависимых слов, несвободных и архаизированных или омертвевших; 4) парные слова с формализованными компонентами³. К разряду парных слов отнесены звукоизобразительные и звукоподражательные повторы.

В связи с этим задача данной статьи — показать специфику и характерные признаки парных слов современного монгольского языка с целью ограничения их от повторов, выявить разнообразные типы последних.

В основе существующих классификаций парных слов лежит лексико-семантический критерий. По-видимому, следует выделять три группы парных слов в монгольском языке:

1. Парные слова, в которых оба компонента обладают самостоятельным лексическим значением.

2. Парные слова, в которых второй компонент не имеет самостоятельного лексического значения, в силу чего вне парного слова не употребляется.

3. Парные слова, в которых оба компонента не имеют само-

стоятельного значения, поэтому употребляются вместе как парное слово.

Компоненты I группы парных слов связаны синонимичными, антонимичными и ассоциативными отношениями.

Наибольшую группу парных слов в монгольском языке образуют биномы, компоненты которых являются синонимами (тождественными по значению или близкими по значению словами): дайн дажин - война: Хуу минь дайн дажин буу үзээсэй гэж эх хүний сэтгэлийн гүнээс хүсэн мөрөөдож хэлэв (Ц 5.75.112). - Хоть бы мой сын не знал войны, - пожелала мать от всего сердца. Зууд нойр - сон: харвал Чулууны зууд нойрондоо дэн дун байгаад тавьчихсан эмээлтэй морийг хөтөлсөөр Дугар шигшин айсуу (Д.Ц. 79). - Когда посмотришь, приближается Дугар, ведя оседланную лошадь, на которой, вздрагивая во сне, сидит Чулун. Эрэг хөвөө - берег: Тэртээ голын эрэг хөвөөгөөр майхнууд дэгд мэт цэнхэрлэжээ (Д.Ц. 17). - По берегам реки голубеют палатки. Яриа хөөрөө - разговор: Яриа хөрөөгөө өөр тийш эргүүлсэн бололтой (Ц 5.76.55). - Видимо, повернулся разговор в другую сторону. Зав зай - время: Зав зай одвол л бичдэг (Ц 1.77.24). - Если находится время, пишет. Цан хуурэг - иней: Түүний нуур, үнэгэн малгайны ус бас цан хуурэг болжээ (Д.Ц. 79). - Его лицо и лисья шапка тоже покрылись инеем. Улбаа жим - тропа: Улбаа жим өр мэдэгдэх шийг алга (Ц. 5. 75. 29). - Нет никаких признаков тропинки.

Приведем другие примеры: арга барил - методы, сан хөмрөг - закрома, уур хилэн - гнев, хань бараа - спутник, атаа жетөө - зависть, байр суурь - позиция, захиа даалгавар - наказ.

При характеристике биномов, состоящих из синонимов, следует иметь в виду, что второй компонент может оказаться архаичным словом. Примером может служить слово хувцас хунар - одежда: Цэрмаа хувцас хунараа бушуухан өмсөж чөмоданаа аваад шууд л ууд руу уласхийв (Ц 5.74.19). - Цэрма быстро оделась, взяв чөмодан и бросилась прямо к двери. Слово хунар в значении "одежда" зафиксировано в "Монгольско-русском словаре" К.Ф. Голстунского. Употребление парного слова хувцас хунар вместо хувцас выражает идею собирательности. То, что парное слово хувцас хунар имеет собирательное значение, подтверждает следующий пример: Хүүхний хувцас хунарыг (хогой эмжээртэй сарал даавуу дээл, хүрэн хром савхи ... том малгай өмссөн бай-

жээ) Үзээд... (МШО 151). - Увидев одежду девушки (серое простое дэли с парчовой обшивкой, коричневые хромовые кожаные сапоги, большую шляпу).

В качестве одного из компонентов синонимичных парных слов может быть употреблено заимствованное слово: оочир дугаар - очередь: Цагаан идээний мухлагт суу ирсэн бол хумуусийн оочир дугаар ихтэй. - Если в молочный киоск привезли молоко, то очередь большая. Шялп малгай - шляпа: Нэг нь цагаан шялп малгай емсеж (Д.Ц. 41). - Одна надела белую шляпу. Цэрэг цуухад - армия: Ингэхэд чи цэрэг цуухад явсан байлтай (Ц 6.81.36). - Тогда ты пошел в армию. Другие примеры: унэ цэнэ - цена, телефон утас - телефон.

Во вторую подгруппу I группы входят парные слова, составленные из антонимов: орлого зарлага - бюджет (орлого - доход + зарлага - расход). Антонимичные парные слова выражают значение обобщенности, собирательности и суммарности: эх эцэг - родители (эх - мать + эцэг - отец).

Третью подгруппу I группы парных слов образуют такие биномы, значение которых отлично от значений составляющих компонентов. Семантически компоненты выражают видовые понятия, объединяемые в более общие родовые: санал шуумжлэл - прения (санал - предложение + шуумжлэл - критика); аллага хядлага - террор (аллага - убийство + хядлага - резня).

Третью группу парных слов составляют так называемые неэтимологизированные биномы типа аар саар - мелкий: Хийгээд бол одор тутмын аар саар бэрхшээл юу ч биш байв (Ц 4.77.17). - Для Хийгг каждодневные мелкие трудности ничего не значили.

Оба компонента таких парных слов лишены самостоятельного лексического значения, а второй - образует рифмующийся с первым звуковой комплекс, начинающийся с таких согласных звуков, как с, м, т, н, ш. Ср.: ач тач - наравне: Цоодол ... ач тач хэрэлдэж ... (Ц 4.81.31). - Цоодол спорил на равных. Мэр сэр - немного: Хуучирсан онол баримталдаг багш мэр сэр бий (Ц.Д. 155). - Учителей, придерживающихся устаревшей теории, немного. Аахар шаахар - мелкий: Аахар шаахар юмаар хөөцөлдөх (Ц. 5.82.28). - Заниматься пустяками. Ов тов - кое-где: Тодорхой хөх огторгуйд гялгар одод ов тов ... үзэгдэж ... (Ц.Д. 443). - В синем небе кое-где виднеются блестящие звезды.

Таким образом, парное словообразование характеризуется

равноправным включением исходных основ в новую сложную основу. К сожалению, биномы в монгольском языке не имеют четких внешних признаков, поэтому мы вынуждены опираться на внутренний семантический признак, чтобы отличить парные слова от сходных явлений (однородных членов, сочетаний слов, повторов).

Очень широко распространены в монгольском языке повторы, образующиеся в результате удвоения корня, основы, целого слова. Этот способ подробно рассмотрен в работах А.А. Дарбеевой⁴ и Д.А. Сусеевой⁵.

Обычно различают полный и неполный повторы. Полный повтор основы имени существительного выражает обобщенную характеристику множественности: гэр гэртээ – по домам. С помощью полного удвоения основы может быть образовано новое слово: янз янзын – разные (от янз – вид): Эмийн сан маань янз янзын эмтэй болсон шуу (Ц 5.82.78). – В нашей аптеке появились разные лекарства.

Удвоенная основа имени прилагательного придает характеристику расчлененной множественности определяемому: шинэ шинэ байшин – новые и новые дома.

Повтор основы качественного наречия передает значение интенсивности действия: Лонжид яаран ухасхийн босож ... нэгдлийн контор руу хурдан хурдан алхав (Ц 5.75.81). – Лонжид в спешке вскочил и быстро-быстро зашагал к конторе объединения.

Удвоение часто происходит с изменением звукового состава постпозитивно повторенного компонента. Этот тип повторов имеет значение собирательной множественности с некоторым оттенком пренебрежительности. Фонетические изменения заключаются либо в чередовании начальных звуков и слогов, либо добавлении начального согласного звука, либо изменении гласного корня.

I. Изменение начального звука: наиболее часто начальный звук чередуется с м: худаг мудаг – колодец. Текстовые примеры: Лаа маа авахгүй (Ц 5.75.44). – Всякие свечи брать не буду. Пеех, энэ их нялцгай мялцгай нь хуу бэ? (Ц.Д. 357). – Фу, что это здесь лишнее?

Встречаются чередования б-ш (боов шоов – сладости), б-з (бэлэн зэлэн – готовый).

Если первый компонент повтора начинается с гласного звука, то ко второму компоненту добавляется начальный согласный (чаще всего м): ус мус – вода. Текстовый пример: Би тэр уралдаан муурдаан гэдгийг чинь тоодог ч угуй явлаа (Д.Д. 367). –

Я даже не принимал во внимание то, что называется соревнованием.

Встречаются и другие согласные: д (элбэг дэлбэг – обильный), ц (уур цуур – заря), з (ах зах – почтенный). Текстовые примеры: ... Бидний ажил уур цуурээр эхэлдэг байсан (Ц 5.81.35). – ... Наша работа начиналась на заре... Ер ах зах хун байна (Ц 6.80.17). – ... Вообще почтенный человек.

2. Изменение гласного корня: чай цуй – чай: Хуухэд ... чай цуй уусан ... (Ц 5.75.39). – Дети ... попили чай. Хагас хугас – половина: Харин Балдангийн санаж бодож байсан нь хагас ч бол биелж ... (Ц 5.82.33). – Но то, о чем думал Балдан, хотя и наполовину, осуществилось. Жаал жуул – немного: Жаал жуул идэх км авч (Д.Д. 106). – Взял немного еды.

Изменение начального слова: жикиг сэжиг – мелкие поделки, муруй саруй – кривой.

Неполное удвоение основы (НУО) представляет собой препозитивный повтор первого слога основы с добавлением согласного в. Посредством НУО выражается высшая степень качества: шив шинэхэн – совершенно явный, чив чимээгүй – совершенно тихо. Текстовый пример: Ус тув тунгалаг, сэв сэрүүхэн байлаа (Ц 6.81.54). – Вода была совершенно прозрачная и прохладная.

К НУО следует, по-видимому, отнести случаи препозитивного повтора лексико-грамматической основы без начального согласного (чаще всего т): уух туух – история, армаг тармаг – редкий, айван тайван – спокойно. Гэр хотноосоо холдон армаг тармаг цэстай газар хүрч (Ц 6.81.74). – Отдалившись от дома, достигли места, где кое-где лежал снег. Уртын дуутай учигат хуур уух туух нэгэн (Д.Ц. 7). – У мелодичного хура с протяжной песней одна история.

Нередко наблюдается замена гласных твердого ряда на гласные мягкого ряда: энхэл тонхол – ухабы. Хөлдүү зам кальтаргавтай бэс ч энхэл тонхол буй (Ц 5.76.40). – Замерзшая дорога скользкая, есть также и ухабы.

Большую группу повторов в монгольском языке образуют звукоподражательные и звукоизобразительные слова. Звукоподражательные слова воспроизводят естественные звуки и шумы, производимые живыми существами или исходящие от неодушевленных предметов. Звукоизобразительные слова условно передают звуками движения и состояния живых существ, предметов.

Звукоизобразительные слова бурятского языка подробно рассмотрены Л.Д. Шагдаровым⁶. Калмыцкие мимемы приведены в кандидатской диссертации Б.Б. Манджиковой⁷. В настоящей статье мы указываем небольшой ряд звукоподражательных слов современного монгольского языка.

I. Звукоподражательные слова, воспроизводящие звуки, издаваемые человеком.

Звукоподражание смеху: дон дон: Зориг албархуу дон дон хөхрөв (Ц 2.79.55). – Зориг высокомерно рассмеялся; жиг жуг: Охид жиг жуг хөхрөлдөнө (Ц 2.79.22). – Девочки хохочут; мар мар: Тэрбээр мар мар инээсээр Цэрмааг барьж авчээ (Т.Б. 7). – Он, смеясь, поймал Цэрму; нуг нуг (наг наг): Нуг нуг хөхөрсөн нь Долгорт тийм ч сайхан сонсогдсонгүй (Ц 5.82.29). – То, как (он) расхохотался, не показалось Долгор на слух таким уж приятным; тас тас: Тогооч хуухан тас тас хөхөрч ... (Ц 5.82.60). – Девушка-повар громко расхохоталась; хүд хүд: Лхамжав тэруухэндээ хүд хүд хөхрөв (Т.Б. 197). – Лхамжав на это гулко расхохотался; час час: Гижиг нь хурсан мэт час час инээх зуур ... (Ц 2.79.40). – Когда визжала от смеха так, как будто ее щекотали; шуг шуг: Охин нь ..., элгээ хөштөл шуг шуг ишээжээ (МШО 142). – Девочка ... надрывалась от смеха.

Звукоподражание голосу человека: пар пар – звукоподражание раскатистому голосу: Пар пар хийсэн дуутай нэг хүн баахан юм хэлээд л байх юм (Ц 4.81.45). – Человек с раскатистым голосом много говорит; дүнгэр дүнгэр (дангар) – звукоподражание приглушенному голосу, гулу: Гэрт эцэг хүү хоёр дүнгэр дүнгэр ярилцаж ... (Ц 3.77.107). – В доме отец с сыном приглушенно разговаривают; гүнгэр гангар – звукоподражание болтовне: Ажилдаа очиж ирэх үес ханиндаа гүнгэр гангар хийж явах нь үнэхээр зугавтай (Ц 4.81.71). – Поболтать у своей подружки после работы – поистине весело; шивэр авир – звукоподражание шепоту: Шивэр авир ярих нь сонсогдоно (Ц 4.81.77). – Слышен шепот.

Звукоподражание стуку сердца: түг түг: Зурх өөрт дуулдахаар түг түг хийж байна (Ц 5.78.53). – Сердце стучит так, что самому слышно; пэл пэл: Хандармаа зүрхээ пэл пэл цохилохыг мэдэрч ... (Д.Ц. 86). – Хандарма чувствует, как бьется ее сердце.

Звукоподражание глотанию воды: хүд хүд: Тэр хүн... хүд

худ хийтэл баяхан залгилэв (Ч.Л. 31). - Тот человек ... много глотнул со звуком худ-худ.

II. Звукоподражательные слова, воспроизводящие звуки, издаваемые животными, птицами, насекомыми.

Звукоподражание лая собаки: дор дор: Хашааны булангаас уяятай Гөдөг дор дор хуцав (Ц 2.88.79). - Из угла двора таявкал привязанный щенок; буг буг: Энэ чимээг сонссон ганц нэг нохой буг буг хуцсанаас биш, Вандан, Цэвэл нар хэн нь ч сэрсэнгүй (П.Х. II7). - Единственная собака, услышавшая этот звук, залаяла, но ни Вандан, ни Цэвэл не проснулись; хар хур: Нохой хар хур хийв (МОН 513). - Раздался громкий собачий лай. Будуун гинжтэй том шар нохой ... хар хур архиран довтолно (Ц 2.88.8). - Огромная рыжая собака с толстой цепью рычит и нападает; хөв хөв: Хоточ нохой ... хөв хөв хуцаж (Т.Б. 23). - Дворовая собака лает; яр яр: Ноход ч гэсэн яр ярхийн хуцах нь ... Сайннямбууд сонсожээ (Ц 3.77.69). - Сайннямбуу было слышно, как и собаки лаят.

Звукоподражание вою волка: хар хур: Чоно хар хур хэмээн... (Ц 3.77.37). - Волк воет.

Звукоподражание крику перелетных птиц: гангар гунгар: Аянчин шувууд гангар гунгар дуугарсаар хэсэг хэсгээр өмнийг зорин ниссэр байна (Ц 4.72.35). - Перелетные птицы, гомоня, частями улетают на юг.

Звукоподражание стрекоту и жужжанию насекомых: ширр ширр - звукоподражание стрекотанию кузнечиков: Бор дэвхрэгнүүд ... ширр ширр дуугарч ... (Ц 5.78.86). - Кузнечики стрекочут; чарр чарр - звукоподражание стрекоту саранчи (чар чар): Царцаа чарр чарр хийхээс өөр аниргүй ... (Ц 4.74.91). - Нет никаких звуков, кроме стрекота саранчи; час час - звукоподражание стрекоту кобылки: ... Голио ... час час донгодох нь ... сэтгэл уяраана (П.Х. I6). - ... Стрекот кобылки умиляет.

III. Звукоподражательные слова, воспроизводящие шум, звон, скрип, треск, издаваемые неодушевленными предметами, сопровождающие природные явления, работу машин.

Звукоподражание шелчку: чаг чиг: Сурвалжлагч... аппаратаа хэдэнтээ чаг чиг дуугарган ... (МНО I63). - Корреспондент уже шелкнул аппаратом.

Звукоподражание стуку: тар тур: Туурай нь тар турхийн дуудана (Ц 5.75.36). - Слышно, как копыта стучат; түн түн:

Галсан ... тракторын бүхээгийг өнгийн харснаа тун тун нүдэв (Ц 5.82.42). - Галсан заглянул в кабину трактора и стал стучать; луг луг: ... Гадсыг цохих бүр луг луг гэсэн их чимээ гарч, газар доргилно (П.Х. 23). - ... Каждый раз, когда забивает кол, раздается сильный стук, земля сотрясается; торжиг торжиг: Чэгнавал пвалан нь ховхорч байгаа шанага шиг байшингийн дээвэр торжиг торжиг шаржигнана (Ц 5.73.46). - Если прислушаться, то крыша дома со стуком дребезжит, как половник с отбившейся эмалью

Звукоподражание треску: шад пад: Хөх гишуу шад пад шатан ... (Ц 5.75.37). - Зеленые ветки горели с треском. Шатаж байгаа модны шад пад хийх л дуулдана (Ц I.77.6I). - Треск горящих дров слышится.

Звукоподражание звону: хангир кингэр: Сав суулга хангир кингэр дуугарган байж (МШО 7I.I2I). - Посуда звенела, гремела.

Звукоподражание скрипу: чахар чахар: Гадаа цас чахар чөхар дуугаран хөлийн чимээ ойртсоноо (Ц 5.76.39). - На улице заскрипел снег, приблизились звуки шагов.

¹ См.: Дондуков У.-Ж.Ш., Данчинова Н.Г. К вопросу о парных словах в монгольских языках // О зарубежных монголоведных исследованиях по языку. - Улан-Удэ, 1968. - С. 27-37.

² Биткеева Г.С., Биткеев П.Ц. Парные слова в монгольских языках // Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. - Элиста, 1985. - С. 3-15.

³ См.: Бертагаев Т.А. Сочетания слов и современная терминология. - М., 1964. - С. 19.

⁴ См.: Дарбеева А.А. Повторы и удвоения в бурятском языке // К изучению бурятского языка. - Улан-Удэ, 1969. - С. 91-99.

⁵ См.: Сусеева Д.А. Закономерности развития калмыцкого языка в советскую эпоху. - Элиста, 1978. - С. 154-157.

⁶ См.: Шагдаров Л.Д. Изобразительные слова в бурятском языке. - Улан-Удэ, 1962.

См.: Манджикова Б.Б. Изобразительные слова в современном калмыцком языке // Дис. ... канд. филол. наук. - Элиста, 1983.

Условные сокращения

Ц - журнал "Цог", далее следуют номер, год, страница.
Д.Ц. - Д. Цэдэв. Талд нүдэлсэн агь. - Улаанбаатар, 1980.

- Ц.Д. - Ц. Дамдинсүрэн. Түүвэр зохиол. - Улаанбаатар, 1969.
П.Х. - П. Хорлоо. Морь манагч. - Улаанбаатар, 1981.
Д.Д. - Д. Даржаа. Хайр сэтгэл. - Улаанбаатар, 1978.
Т.Б. - Т. Баасансүрэн. Хос цэнхэр цэцэг. - Улаанбаатар, 1985.
Ч.Л. - Ч. Лодойдамба. Тунгалаг Тамир. - Улаанбаатар, 1971.
МОТ - Монгол орос толь. - М., 1957.
МШО - Монголын шилдэг өгүүллэг. - Улаанбаатар, 1971.
-

ТИПЫ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ТУВЫ

В настоящей статье впервые предпринята попытка дать краткий обзор части синтаксической структуры монгольского языка Юго-Восточной Тувы — типов сложных предложений в синхронном плане.

Описание синтаксического строя монгольского языка Юго-Восточной Тувы, как и других языков мира, основывается на том, что "строение предложения воспринимается сквозь призму системы членов предложения. Восходящая к далеким временам античности и средневековья, сложившаяся в основном на ранних стадиях развития грамматической мысли, многократно подвергавшаяся критике, система членов предложения остается основным способом представления его синтаксической структуры"¹.

Традиционно в монголоведении различаются простое и сложное предложения. Каждое из них является самостоятельной синтаксической конструкцией. Между компонентами сложного предложения существует семантическая и грамматическая связь. Поскольку предложение прежде всего является коммуникативной единицей, и монгольский язык Юго-Восточной Тувы только разговорный, бытовой, то в нем наиболее развита система простых предложений. В системе простых предложений можно выделить утвердительные, отрицательные, повествовательные, вопросительные, побудительные, восклицательные, распространенные, нераспространенные, полные, неполные, односоставные и двусоставные предложения.

Сложное предложение имеет два характерных грамматических свойства, а именно: состоит из частей, каждая из которых построена по той или иной форме простого предложения и обладает предикативностью, вместе с тем сложное предложение является таким объединением, которое, во-первых, имеет свое собственное строение, вследствие чего части сложного предложения могут включать связочные средства или иметь другие структурные особенности, диктуемые строением сложного предложения как целого; во-вторых, имеет значение, не сводимое к сумме значений частей целого, обладает смысловой ценностью и, таким образом,

составляет структурное и семантическое единство, функционирующее как одна коммуникативная единица².

Как во всех монгольских языках, в монгольском языке Юго-Восточной Тувы по характеру смысловой связи компонентов и особенностям их соединения отличают сложные предложения сочинительные и подчинительные. Сочинительные предложения имеют независимые (относительно), равноправные, равнозначные и соответствующие друг другу части. Части подчинительного предложения неравноценны, одна часть подчиняется другой, поясняя, дополняя и раскрывая ее содержание, соответственно, подчиненная часть является придаточной, а подчиняющая часть — главной.

Сложносочиненные предложения обычно делятся на соединительные, противительные и разделительные. В монгольских языках части сложносочиненного предложения связываются союзами, союзными словами и интонацией.

Что касается монгольского языка Юго-Восточной Тувы, то в нем архаичные, книжные союзы ба, бөгөөд, агаад, хийгээд не употребляются, поэтому они не используются как связующие средства сложносочиненного предложения. Во всех остальных случаях ни в структурном плане, ни по характеру смысловых отношений частей и значений связующих слов сложносочиненные предложения монгольского языка Юго-Восточной Тувы не отличаются от таковых предложений монгольских языков вообще. В качестве связующих средств используются союзы, союзные слова: бас — также, еще, тэгээд, харин — но, однако, гэвч, боловч — хотя, но, частица ч, аль, эсвэл — или.

1. Урьд дулаан ирлээ тэгээд дэуслан луу нүүлээ. — Наступила весна (букв. — тепло пришло), (мы) перекочевали на летнее пастбище.
2. Чи ч гэлээ багш хун, Валя ч гэсэн багш хун. — Ты учительница, и Валя ведь тоже учительница.
3. Толгоо эргэдж унаад баедаг харин одаа бие гаэгуэ нам баэн. — Обычно падаю от головокружений, однако сейчас здоровье неплохое.
4. Ярьсан байхаа гэвч би дуулаагуэ. — Наверное, говорила, но я не слышала.
5. Би явах уу, аль чи очих уу? — Я пойду или ты пойдешь?

Сложносочиненные предложения, соединенные интонацией и не имеющие маркеров синтаксической связи (союзов и союзных слов),

относятся к так называемым бессоюзным сложным предложениям. Предложения сочинительного типа монгольского языка Юго-Восточной Тувы имеют одинаковый модально-временной план, создаваемым формами сказуемых в сочетании с другими средствами, обладают грамматической и лексической однородностью частей.

1. Эр улс аңгаа аңгнадж баэсан, эм улс малаа малладж баэсан. - Мужчины занимались охотой, женщины занимались скотоводством.
2. машуун тэрэг баэхгүэ, морь тэмээгээр явган явдаг баэсан. - Машинной техники не было, ездили обычно на коне, верблуде и тешком ходили.
3. Эрсингээс цаашаа туваалдаг, манаэ энд нарингин улсууд цемээрэе моңголдог. - По ту сторону Эрзина (районный центр) говорят по-тувински, а у нас здесь нарынские жители все говорят по-монгольски.

Что касается сложноподчиненных предложений, то они состоят из главной и зависимой части, синтаксическая подчиненность которой выражается либо союзами и союзными словами, т.е. аналитически, либо морфологическими показателями в составе словоформы сказуемого зависимой части, т.е. синтетически, а также интонационно. Наши наблюдения показывают, что в исследовании сложноподчиненных предложений современного монгольского языка Юго-Восточной Тувы наибольший интерес представляют не собственно типы данных предложений, а виды связи между придаточной (зависимой) и главной частью таких предложений.

Если отношения между главным и придаточным предложениями выражены интонационно - только непосредственным примыканием двух простых предложений, то здесь имеет место бессоюзный тип связи, а тип предложений - бессоюзные сложноподчиненные. Таким простым примыканием могут быть переданы причинно-следственные отношения, временное соотношение действий, объектные отношения. Примеры из речи монголоязычных тувинцев:

1. Улс ирсэң цэз чаный би гээд л боссон. - Люди пришли, (поэтому) сверк-ка я чаю, - встала.
2. Нэг км худалдадж авсаң би удэсэң. - Я видела, (что) она купила что-то.

Аналитический тип связи, представляющий собой употребле-

ние союзов, союзных слов, частиц в качестве связующего средства между главной и зависимой частью сложного предложения, также имеет распространение в современном монгольском языке Юго-Восточной Тувы. Такими наиболее широко употребляемыми связующими средствами являются: бол, боловч, ч, нь, чинь, учир.

1. Нэг нь мэдэхгүе сол тэр нь явбал мэднэ. - Если один не знает, другой обязательно знает.
2. Эмч чинь тамхи татах сол танд таарахгүе гэдж хэлсэн боловч тамхи дэндүү их татаад насаа барсан. - Хотя врач говорили (ему): если будете курить, вам вредно, (он) очень много курил и умер.

Кроме этого, главная и зависимая части сложного предложения часто соединяются с помощью различных причастных и деепричастных форм дигендиального глагола гэх, которые в этом случае выполняют союзные функции.

1. Чи намаэг муу хун гэдж санадж сааня уу чи? - Ты думаешь, что я плохой человек?
2. Таныг ганцаараа сууна гээд л наадаж ордж ирлээв. - Зашла к вам, надеюсь, что вы сидите одна.

При синтетическом типе связи синтаксические отношения между частями сложного предложения выражаются морфологическими показателями связи, включенными в словоформу зависимого предиката. Зависимый предикат (традиционно - сказуемое зависимой части) формируется из причастных и деепричастных форм глагола, а морфологическими показателями связи являются падежные аффиксы, послелог, частицы. Таким образом выделяются причастно-падежные, причастно-послеложные конструкции, конструкции с внепадежной формой причастия, которые передают условные, уступительные, причинно-следственные, временные отношения.

Монгольский язык Юго-Восточной Тувы, как и все монгольские языки, характеризуется в синтаксическом отношении обилием сложных построений подчинительного типа. Традиционно сложно-подчиненные предложения различаются по содержанию придаточных предложений. В современном монгольском языке Юго-Восточной Тувы зафиксированы следующие типы придаточных предложений:

1. Условные: Өвөл баэвал цангтаэ явдаг бэзсан. - Если была зима, ездили на санях.
2. Причины: Одаа мотортоэ хэрээгээр мод хэрээдэдж түлдэг уч-

раас тийм хэрэгтэй аел одаа ховор. - Так как сейчас деревья пилят бензопилой и отапливают (дом), то такие пилы (ручные) сейчас редкость (букв.- семьи с такими пилами).

3. Времени: Колхоос гэдж үүснээс хонь хариулдж баэлаав. - С тех пор как организовался колхоз, пасла овец.
4. Цели: Малын аджил сээджруулхаар нэлээн аджил хийсэн. - Было сделано много работы, чтобы улучшить животноводческое дело.
5. Уступительные: Индэ бурин еве сазн ургаагуэ боловч малын тэджээл бурэн бэлдэх хэрэгтэй. - Хотя различные травы плохо уродились, корм скоту надо заготовить полностью.
6. Определительные: Энэ баэдж баэгаа суурь болбол Нарин суурь гэдэг. - Поселок, который здесь находится, называется поселок Нарин.
7. Дополнительные: Нарин качик нийлдж баэсныг сазн мэдэхгүэ. - И хорошо не знаю, как объединялись Нарин и Качык (населенные пункты).

¹ З о л о т о в а Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. - М., 1982. - С. 19.

² См.: Б е л о ш а п к о в а В.А. Сложное предложение в современном русском языке. - М., 1967. - С. 16.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА
КАЛМЫЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

Устная форма языка является основной базой для формирования и развития любого литературного языка. Если письменный литературный язык в достаточной степени освещается лингвистами, то особенностям устной речи не уделяется должного внимания. Поэтому в настоящее время коммуникативная функция языка, которая проявляется прежде всего в разговорной речи (далее РР), относится к наиболее актуальной и интересной проблеме современного советского языкознания.

Лингвисты отмечают, что в последние десятилетия во многих языках интенсивно происходит процесс взаимовлияния устной и письменной форм языка. Об этом процессе демократизации литературного языка неоднократно писали монголоеды в своих работах¹. Одной из первых работ, где предпринимается попытка проследить этот процесс, происходящий в калмыцком языке, следует назвать монографию В.Л. Котвича "Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка". Говоря об особенностях порядка слов в разговорной речи, автор отмечает, что подлежащее и дополнение в разговорной речи иногда оказываются в постпозиции к сказуемому. Причем это явление наблюдается лишь в независимых предложениях и "вызывается желанием говорящего, который забыл указать действующее лицо на своем месте, восполнить этот пробел уже по окончании фразы, — на это указывает небольшая пауза, которая обычно следует в таких случаях между сказуемым и подлежащим, сказуемым и дополнением"². Подобные случаи нарушения фиксированного порядка слов все чаще встречаются в произведениях современных калмыцких писателей. В.Л. Котвич, описывая грамматические особенности современного калмыцкого разговорного языка, сравнивает его с языком старописьменных памятников и новой письменностью.

С указанными вопросами связаны прежде всего проблемы дальнейшего прогнозирования, развития, стилистического разнообразия национального языка, изучения языка художественных произведений и фольклора, проблемы языковых и речевых универсалий, вопросы двуязычия³.

Если говорить об истории изучения данной проблемы, следует отметить, что отдельные вопросы РР рассматривались еще в работах русских языковедов в XIX в. Но все же подлинно научно-теоретическое изучение данной проблемы мы находим в работах советских лингвистов. Исследования РР ведутся по трем основным направлениям: изучение диалогической речи (Л.Н. Якубинский, Н.Ю. Гведова, Т.Г. Винокур и др.), диалектной разговорной речи (А.Б. Шапиро, А.А. Никольский, С.А. Лаптева и др.), речи городского населения (Б.А. Ларин, В.И. Собиинникова, Н.П. Потапова и др.)⁴.

Исследования в этой области на материале тюркских языков только начинаются. Рассмотрены синтаксические особенности узбекской (А. Хазраткулов, С.м. Халдарова, Э.Уринбаев), казахской (Р.С. Амиров), татарской (Ф.С. Сафиуллина), азербайджанской (Ф.М. Агаева) РР⁵.

В результате проведенных в 1965-1966 гг. дискуссий в журнале "Русский язык в национальной школе", конференций по теории и практике РР и, учитывая последующие работы ученых, можно выделить три этапа в изучении данного вопроса в советском языкознании:

1. Выявление специфического характера явлений РР;
2. Определение понятий РР;
3. Создание теории разговорного языка⁶.

Если изучение русской РР подошло к третьему этапу, то тюркское языкознание пока находится на первом и втором этапах. В монголоведении же только появляются первые статьи, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме.

Следует отметить монографические работы, которые касаются вопросов стилистики и некоторых особенностей форм диалога⁷. Хотя о диалектной лексике монголоведами написано довольно много, все же еще не ставятся вопросы стилистического применения диалектизмов. Поэтому об этом аспекте говорить пока не приходится.

Несмотря на достаточно подробное изучение этого вопроса, до сих пор среди ученых нет единого мнения в определении понятия и термина РР. Это объясняется прежде всего сложностью и многогранностью самого понятия и недостаточной разработанностью в языкознании функционально-стилистических проблем⁸. Но все же большинство ученых соглашаются с такими признаками в

определении РР, как неофициальность, непосредственность общения, спонтанность, диалогичность. В формировании синтаксических особенностей РР эти экстралингвистические признаки дают отличающиеся от письменного языка типы порядка слов, словосочетаний, членов простых и сложных предложений, а в рамках текста — различные присоединительные и параллельные конструкции.

К одному из исходных положений исследования данной проблемы относится вопрос о месте РР в системе языка. На начальных этапах изучения и русисты, и тюркологи толковали разговорную речь как одну из разновидностей функциональных стилей литературного языка⁹. В первой научной статье по указанной теме на материале калмыцкого языка В.Х. Эрендженов, наряду с фразеологическими, морфологическими, лексическими и фонетическими разговорно-бытовыми свойствами речи, к разговорно-бытовому стилю калмыцкого языка относит и экстралингвистические особенности синтаксиса РР¹⁰. С дальнейшим изучением данной проблемы увеличивается число работ, в которых по-иному рассматривается сложное взаимодействие РР с другими функциональными стилями, устными и письменными нормами языка¹¹. Авторы "Русской разговорной речи" рассматривают РР "как особую языковую систему, противопоставленную в пределах литературного языка кодифицированному литературному языку"¹².

Исходя из определения В.В. Виноградова и Н.И. Коведовой о том, что функциональными видами литературного языка являются письменная и разговорная речь¹³, мы не можем не согласиться с мнением, что функциональные стили могут быть как в письменной, так и в устной форме, а РР — лишь в устной, и, кроме этого, РР может быть научной, научно-публицистической и другой по своему стилю. Поэтому не следует относить РР к функциональным стилям, равно как не следует противопоставлять ее кодифицированному литературному языку, так как основные закономерности синтаксических построений для конкретного языка в конечном счете едины. По нашему мнению, более соответствует определение РР как одной из разновидностей речевой системы языка.

Статья Б.Э. Убушневой посвящена вопросам синтаксиса диалогической речи в монгольских языках¹⁴. Рассматривая диалог как особого рода текст, автор описывает семантические разновидности и собственно лингвистические признаки диалогов. Синтаксическая специфика диалога заключается прежде всего в осо-

бенностях структуры, характере и средствах грамматической связи реплик, которые могут координироваться по нормам сочинительного или подчинительного присоединения или соотноситься с помощью параллельной связи. Автор заключает, что синтаксическая замкнутость, особенности интонации и синтаксическая незавершенность предложения также являются отличительными признаками диалогических текстов. Это и естественно, ведь диалогу любого языка характерно наличие реплик, повторов, неполных конструкций, своих интонационных особенностей. Вопрос лишь заключается в том, чтобы показать, каким образом оформляются эти экстралингвистические признаки в соответствии с нормами каждого конкретного языка. Поэтому считается, что после определения общих закономерностей дальнейшее изучение диалога следует вести в направлении выяснения его своеобразия в калмыцкой, бурятской или монгольской РР – изучения моделей повторов – реплик (различные редуцированные формы), форм глаголов, обращений, семантического стяжения словосочетаний, парцелляции, эллиптических конструкций, которые для РР каждого языка имеют свою специфику.

С основными теоретическими вопросами определения РР связаны прежде всего проблемы источников, на основе которых изучается РР. Мнения лингвистов по этому вопросу также различны. Одни считают, что основным источником изучения РР должны быть магнитофонные и ручные записи (Л.П. Якубинский, А.А. Никольский, О.А. Лаптева и др.), другие – в основном используют материалы художественных произведений и фольклора (Ю. Скребнев, Р. Амиров, А. Хазраткулов, Ф.М. Агаева, Ф.С. Сафиуллина и др.). Нам представляется интересным в этой связи высказывание С.М. Халдаровой о том, что на начальном этапе изучения разговорного стиля речи целесообразно использовать произведения художественной литературы, в первую очередь драматические, в которых отражены наиболее типизированные явления языка¹⁵. Поддерживая эту точку зрения, считаем, что язык художественной литературы и фольклора должен стать в настоящее время основным источником изучения закономерностей РР монгольских языков.

При изучении РР по магнитофонным записям необходимо решить вопрос об информантах: возраст, социальное положение, образование, его языковая среда, т.е. все те вопросы, которые стоят перед любым лингвистическим экспериментом.

Возможно, при дальнейшем изучении синтаксиса РР необходимо будет определить отношение разговорного синтаксиса и синтаксических особенностей диалектов. Определение этого аспекта позволит говорить об общемонгольских универсалиях в синтаксисе РР.

Было бы интересно привлечь в качестве источников некоторые письменные памятники¹⁶ и фольклорные записи, где в той или иной степени могли отразиться особенности РР тех времен. Это нужно еще для того, чтобы установить особенности и этапы формирования национального языка.

Указанные выше основные направления и существующая ныне языковая ситуация (особенно в Калмыкии) позволяют говорить о теоретической и практической значимости изучения синтаксиса разговорной речи на материале современных монгольских языков.

¹ См.: Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. - Улан-Удэ, 1974. - С. 58; Пюрбеев Г.Ц. О некоторых инновациях в синтаксисе предложения монгольских языков // ВЯ. - 1977. - № 5. - С. 125-131.

² Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. - Прага, 1929. - Изд-е 2-е. - С. 359-360.

³ Сотрудники кафедры русского языка Калмыцкого госуниверситета под руководством проф. О.Б. Сиротининой разрабатывают комплексную проблему "Русская разговорная речь в Калмыкии".

⁴ См.: Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. - М., 1974. - С. 6-8.

⁵ См.: Сафиуллина Ф.С. Синтаксис татарской разговорной речи. - Казань, 1978. - С. 29.

⁶ См.: Занько С.Ф. Семиотическое содержание понятия о разговорном языке // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи (ТПиОРР). - Горький, 1973. - С. 78.

⁷ См.: Шагдаров Л.Д. Указ. соч.; Каляев А.Л. Стилистика. Учебное пособие на калмыцком языке. - Элиста, 1986; Мохосоев М.М. Интонация вопросно-ответных предложений бурятского языка. Автореф. дис... канд. филол. наук. - Улан-Удэ, 1981; Стилистика и лексикология бурятского языка / Тр. Бурят. ин-та общ. наук. - Улан-Удэ, 1972. - Вып. 18. Серия языковедческая.

⁸ См.: Винокур Т. К характеристике понятия "разговорная речь" // РЯИИ. - 1965. - № 2. - С. 20.

⁹ См.: Костомаров В.Г. О разграничении терминов "устный", "разговорный", "письменный" и "книжный" // Проблемы современной филологии. - М., 1965. - С. 176; Кребнев Ю.М. Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи: Автореф. дис... д-ра филол. наук. - М., 1971;

Амиров Р. Особенности синтаксиса казахской разговорной речи. - Алма-Ата, 1972; Наммаксудов А. О стилях узбекской литературной речи // Филологические исследования. - Ташкент, 1970.

¹⁰ См.: Эрендженов В.Х. Разговорно-бытовой стиль калмыцкого языка // Вопросы калмыцкой филологии. - Элиста, 1984. - С. 115-125.

¹¹ См.: Гальперин И.Р. К проблеме дифференциации стилей речи // Проблемы современной филологии. - М., 1956. - С. 72; Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. - М., 1974. - С. 4-5; Бегматов А. Разговорная речь и норма // Вопросы синтаксиса узбекской разговорной речи. - Самарканд, 1973. - С. 101-102.

¹² См.: Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. - М., 1981. - С. 5.

¹³ См.: Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития. - М., 1967. - С. 92; Лведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. - М., 1960. - С. 6.

¹⁴ См.: Убушиева Б.Э. Вопросы синтаксиса диалогической речи в монгольских языках (к описанию структуры диалога) // V Международный конгресс монголоведов. Доклады советской делегации. - М., 1987. - Т. 2. Филология. - С. 149-156.

¹⁵ См.: Халдарова С.М. Семантико-структурные особенности диалогической речи в современном узбекском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Ташкент, 1974. - С. 4.

¹⁶ Интересны, например, исследования стиля "Сокровенного сказания" в работе Л.Л. Шагдарова "Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка". - С. 50-56.

С о д е р ж а н и е

<u>Шагдаров Л.Д.</u> Синтаксические особенности произведений Ч. Цыдендамбаева	3
<u>Бадмаева Л.Б.</u> Сложный синтаксический комплекс в языке бурятской летописи В. Мсунова	37
<u>Шулунова Л.В.</u> Синтаксические функции бурятских собст- венных имен	81
<u>Даргалов А.С.</u> Синтаксические средства выражения оце- ночной модальности в бурятском языке	88
<u>Бальжинимаева Ц.Ц.</u> О критериях выделения типов именных словосочетаний в бурятском языке	65
<u>Егодурова В.М.</u> Синтаксическая валентность глаголов движения бурятского и русского языков	89
<u>Жапова Д.Ц.</u> Сравнительное исследование бессоюзных полипредикативных предложений с подчинительной связью бурятского и русского языков	98
<u>Батуева Т.Б.</u> О типах связи главного и придаточного предложений в бурятском и французском языках	109
<u>Цорбеев Г.Ц.</u> Историко-типологический анализ субстан- тивных словосочетаний с местоименным определе- нием в монгольских языках	121
<u>Скрибник Е.К., Ельмакова И.В.</u> Монгольские синтакси- ческие конструкции с винительным падежом зави- симого причастного сказуемого	135
<u>Омакаева Э.У., Бадгаев Н.Б.</u> Парные слова и повторы в современном монгольском языке	165
<u>Уланова А.Д.-Г.</u> Типы сложных предложений в монголь- ском языке Юго-Восточной Тувы	172
<u>Мушаев В.Н.</u> Проблемы изучения синтаксиса калмыцкого разговорного языка	177

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СИНТАКСИСУ
МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Редактор А.А. Ананина
Художник О.Д. Цыремшилон
Техн. редактор Т.М. Кушнарера
корректор Т.М. Кушнарера

Подписано в печать 5.07.1990 г. формат 60x84¹/16.
Бумага писчая. печать офсетная.
Усл.печ.л. 10,63. Уч.-изд.л. 10,78.
Тираж 500. Заказ № 221. Цена 1 р. 60 к.

Редакционно-издательский отдел Внц СО АН СССР,
670042, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Участок оперативной полиграфии Внц СО АН СССР,
670042, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

1 р. 60 к.